

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

2016 г., том 23, № 2

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Анойкин А.А. Переход от среднего к верхнему палеолиту на территории Дагестана	5
Коваленко С.В., Волков П.В. Результаты трасологического анализа каменных артефактов с неолитического поселения Осинное Озеро в Амурской Области.	10
Табарев А.В., Иванова Д.А. Повелительницы зеркал: особенности погребального инвентаря культуры яёй, Японский архипелаг	15
Нестеров С.П. Материалы по мохэскому металлургическому производству с озера Долгого в Амурской области	19
Худяков Ю. С., Филиппович Ю. А. Предметы вооружения и конской сбруи из коллекции случайных находок с реки Тесь в Минусинской котловине	24
Татаурова Л.В. Нателные кресты как конфессиональный маркер (по археологическим материалам русского комплекса Изюк-1)	28

ЭТНОГРАФИЯ

Майничева А.Ю. Методика этнографического обследования расселения русских в Сибири: культура жизнеобеспечения и мировоззрение	33
Фурсова Е.Ф. Брачные связи сибирских крестьян как механизм сохранения их этнокультурной обособленности	37
Бадмаев А.А. Традиции разрешения конфликтов в бурятском обществе (XVIII–XIX вв.)	42
Бурнаков В.А. <i>Чалбах тѳс</i> – воплощение духа огня в традиционной ритуальной практике хакасов (конец XIX – середина XX в.)	46
Николаев В.В. Половозрастная структура этнолокальных групп кумандинцев и челканцев в 1940–1950-х гг.	50
Светачева У.В. Традиции домостроения южнорусских переселенцев (экспедиция Минусинского музея им. Н.М. Мартыанова)	54
Ермакова Е.Е. Конструирование религиозного ландшафта в селе Рафайлово Тюменской области	58

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

Дмитриев А.В. Конец карьеры сибирского губернатора Д.И. Чичерина: дело о заготовлении провианта для войск Сибирского корпуса.	62
Васильев А.Д. Начальник Якутской области Н.И. Мягков (1826–1831 гг.): новые биографические данные	68
Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Проведение в жизнь «Временного положения» о крестьянских и «инородческих» начальниках Сибири 1898–1917 г.	71
Добровольский А.В. Протоколы допроса И.Н. Лунегова как источник по исследованию деятельности правых эсеров в Омской губернии в 1920–1922 гг.	76
Тепляков А.Г. Нонконформизм среди конформистов: модели поведения в советской журналистике 1920–1930-х гг.	82
Лапердин В.Б. Взаимоотношения Центра и руководства Западно-Сибирского крайкома по вопросу хлебозаготовок 1931/32 г.	89
Плясуля А. А. Реорганизация зерновых совхозов Западной Сибири в середине 1930-х гг.	94
Орлов Д.С. Экономическое положение сельскохозяйственных предприятий Западной Сибири во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг.	99
Шмаков В.С. Факторы устойчивого развития агропромышленного комплекса России и Беларуси в 1990–2000-е гг.	104
Жетпсыбаев С.К. Ассамблея народа Казахстана как институт общенародного единства	109

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Зольникова Н.Д. Рец. на кн.: Мангилева А.В. Социокультурный облик приходского духовенства Пермской губернии в XIX – начале XX в. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та; Университетское изд-во, 2015. – 480 с.	114
Международная научная конференция «Историческая память России и декабристы» (14–16 декабря 2015 г., Санкт-Петербург)	116
Поздравляем Владимира Александровича Ламина!	118

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН, профессор *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), д-р ист. наук, профессор *Е.Т. Артемов* (Екатеринбург), чл.-кор. РАН *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), академик РАН, профессор *А.П. Деревянко* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В. Дённингхаус* (Германия), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *О.Н. Катионов* (Новосибирск), доктор *К. Мацузато* (Саппоро, Япония), академик, профессор РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск), доктор *А. Патнаик* (Нью-Дели, Индия), доктор ист. наук, профессор *Е.Б. Сыдыков* (Астана, Республика Казахстан), д-р ист. наук, профессор *Н.А. Томилов* (Омск), доктор, профессор *С. Чаттерджи* (Калькутта, Индия), д-р ист. наук, профессор *М.В. Шилловский* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В.И. Шишкин*, д-р ист. наук *А.Х. Элерт* (Новосибирск)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *В.А. Ильиных*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреевков*

Канд. ист. наук *Д.А. Анянцев*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, канд. ист. наук *Н.А. Куперитох*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *И.В. Лизунова*, д-р ист. наук *А.Ю. Майничева*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, канд. ист. наук *В.М. Рышков* (зам. гл. редактора), канд. ист. наук *А.И. Савин*, д-р ист. наук *О.Н. Шелегина*

А д р е с р е д а к ц и и: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 301, тел. 330–24–31
<http://www.sibran.ru>; <http://www.hssiberia.info>
gumnauki@gmail.com
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 17.06.93 г. № 0110807

Редакция журнала «Гуманитарные науки в Сибири» признает международные принципы научной публикационной этики и заявляет об отсутствии злоупотреблений служебным положением

Редактор *В.И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *И.П. Гемуева*
Художественный редактор *Е.Н. Сентябова*

Подписано к печати 15.06.16. Формат 60×84 1/8. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 15,0. Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 500 экз. Заказ № 144.

Издательство СО РАН, 630090 Новосибирск, Морской проспект, 2

**Russian Academy of Sciences
Siberian Branch
HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA**

2016, vol. 23, N 2

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

Anoykin A.A. The Middle to Upper Paleolithic Transition in Dagestan	5
Kovalenko P.V., Volkov S.V. The Results of Use-Wear Analysis of Stone Artifacts from the Neolithic Settlement Near Lake Osinovoe in the Amur Oblast	10
Tabarev A.V., Ivanova D.A. Ladies of the Mirrors: Peculiarities of the Burials Goods in Yayoi Culture, Japanese Archipelago	15
Nesterov S.P. Materials on Metallurgical Manufacture of Mohe From Lake Dolgoe in the Amur Region	19
Khudyakov Ju.S., Filippovich Yu.A. The Objects of Armament and Horse Harness from the Collection of Random Findings in the Valley of Tes' River in the Minusinsk Hollow	24
Tataurova L.V. Pectoral Crosses as Confessional Markers (On Archaeological Materials of Russian Complex Izyuk - I)	28

ETHNOGRAPHY

Mainicheva A.Y. Techniques of Ethnographic Studies of Russian Location in Siberia: Culture of Life Support and Worldview	33
Fursova E.F. Marital Relationships of Siberian Peasants as a Mechanism of Preservation of Cultural Isolation	37
Badmaev A.A. Traditions and Conflict Resolution in the Buryat Society (Based on the Materials of the XVII – XIX Centuries)	42
Burnakov V.A. “Chalbach tös - the Embodiment of the Spirit of Fire in the Traditional Ritual Practice of Khakasses (Late XIX – Mid-XX century)	46
Nikolaev V.V. The Age-Sex Structure of Ethno-Local Groups of Kumandins and Chelkans in the 1940s-1950s	50
Svetcheva U.V. South Russian Traditions of House Construction (On the Results of the Martyanov Museum Expedition in 2015)	54
Ermakova E.E. Construction of the Religious Landscape of the Village of Rafaylovo, Tyumen Region.	58

PROBLEMS OF HISTORY

Dmitriev A.V. The End of the Siberian Governor D. I. Chicherin's Career: the Case of Procurement of Provisions for Siberian Corps Troops.	62
Vasilyev A.D. Head of the Yakutsk Oblast N.I. Myagkov (1826-1831): New Biographical Data	68
Dameshek L.M., Dameshek I.L. The Enforcement of the Provisional Regulation on Peasant and Indigenous Officials in Siberia in 1898-1917.	71
Dobrovolsky A.V. The Records of I.N. Lunegov's Interrogation as a Source for the Study of the Right-Wing Socialist Revolutionaries in the Omsk Governorate in 1920-1922.	76
Teplyakov A.G. Conformism among Nonconformists: Behavior Patterns in Soviet Journalism of the 1920s – 1930s	82
Laperdin V.B. Relations between the Center and West Siberian Kraikom on Grain Procurement in 1931-1932	89
Plyasulya A.A. Reorganization of Grain State Farms of Western Siberia in the Mid-1930s	94
Orlov D.S. Economic Condition of Agricultural Enterprises of Western Siberia in the Second Half of the 1960s- the First Half of the 1980s	99
Shmakov V.S. Factors of Sustainable Development of Agro-Industrial Complex of Russia and Belarus in the 1990s-2000s	104
Zhetysbaev S.K. The Assembly of People of Kazakhstan as an Institution of Nationwide Unity	109

REPORTS, SCIENTIFIC LIFE

Zolnikova N.D. Rec. ad. op.: Mangileva A.V. Sotsiokulturnyy oblik prikhodskogo dukhovenstva Permskoy guberniyi v XIX – nachale XX v. (Sociocultural Image of the Parish Clergy of the Perm Province in the XIX – Early XX Centuries [A Monograph]). Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University: University Press, 2015. 480 p.	114
International Scientific Conference “Historical Memory of Russia and the Decembrists. 1825 – 2015”. Saint-Petersburg, 14-26, December, 2015	116
Congratulations to V.A. Lamin on his Anniversary	118

**ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC JOURNAL
“GUMANITARNYIE NAUKI V SIBIRI”
(HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA)**

Published since January 1994
Publication frequency: 4 issues per year

**Founders: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences**

EDITORIAL COUNCIL

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *V.A. Lamin* (Chairman of the Board, Novosibirsk), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.V. Alekseyev* (Yekaterinburg), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye.T. Artyomov* (Yekaterinburg), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *B.V. Bazarov* (Ulan-Ude), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *A.P. Derevyanko* (Novosibirsk), Doctor, Professor *V. Döninghaus* (Germany), Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *O.N. Kationov* (Novosibirsk), Doctor, Professor *K. Matsuzato* (Sapporo, Japan), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.I. Molodin* (Novosibirsk), Doctor, Professor *A. Patnaik* (New Dehli, India), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye. B. Sydykov* (Astana, Republic of Kazakhstan), Doctor of historical Sciences, Professor *N.A. Tomilov* (Omsk), Doctor *S. Chatterjee* (Kolkata, India), Doctor of historical Sciences, Professor *M.V. Shilovskiy* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Shishkin* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences *A.Kh. Elert* (Novosibirsk)

EDITORIAL BOARD

Chief editor – Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh*
Executive secretary – Candidate of historical Sciences *S.N. Andreenkov*

Candidate of historical Sciences *D.A. Ananyev*, Doctor of historical Sciences, Professor *N.S. Guryanova* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Zverev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Isaev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Isupov*, Candidate of historical Sciences *N.A. Kupershtokh*, Doctor of historical Sciences *L.V. Kuras*, Doctor of historical Sciences *I.V. Lizunova*, Doctor of historical Sciences *A.Yu. Maynichева*, Doctor of historical Sciences *N.P. Mathanova*, Doctor of historical Sciences *S.P. Nesterov*, Candidate of historical Sciences *V.M. Rynkov* (deputy chief editor), Candidate of historical Sciences *A.I. Savin*, Doctor of historical Sciences *O.N. Shelegina*

E d i t o r i a l a d d r e s s: Institute of History, SB RAS, office 301, 8 Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090 Russia
tel. 8-383-330-24-31
<http://www.sibran.ru>; <http://www.hssiberia.info>
gumnauki@gmail.com
Editorial staff manager: Vera I. Smirnova

The Journal is registered by the Ministry of Press and Information of Russian Federation on June 17, 1993, N 0110807

The editorial staff of the Journal “Humanitarian Sciences in Siberia” is committed to the international ethical guidelines for scientific publications and declares that it does not abuse its power.

The Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
2 Morskoy Pr., Novosibirsk, 630090 Russia

АРХЕОЛОГИЯ

DOI: 10.15372/HSS20160201
УДК 902/903

А.А. АНОЙКИН

ПЕРЕХОД ОТ СРЕДНЕГО К ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ НА ТЕРРИТОРИИ ДАГЕСТАНА*

Антон Александрович Анойкин,
канд. ист. наук, старший научный сотрудник,
Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, пр-т. Акад. Лаврентьева, 17,
e-mail: anui1@yandex.ru

В статье приводятся данные по стратиграфии, хозяйственному назначению и технико-типологическая характеристика археологических материалов памятников Тинит-1 и Рубас-1 (Дагестан), являющихся ключевыми для переходного периода от среднего к верхнему палеолиту на Северо-Восточном Кавказе. Проводится анализ каменных индустрий, определяются их хронологические рамки. Рассматриваемые археологические комплексы подразделяются на две группы ассамбляжей – финала среднего и начала перехода к верхнему палеолиту. Проводится сравнение этих индустрий с синхронными археологическими комплексами Кавказа. Делается вывод, что процесс перехода к верхнему палеолиту на территории Дагестана носил достаточно продолжительный и плавный характер при наличии развитой местной леваллуа-мустьерской индустрии, которая могла служить для него основой.

Ключевые слов: Кавказ, Дагестан, средний палеолит, верхний палеолит, первичное расщепление, леваллуазская техника.

А.А. АНОЙКИН

THE MIDDLE TO UPPER PALEOLITHIC TRANSITION IN DAGESTAN

Anton A. Anokin,
Candidate of historical sciences (PhD), Senior Researcher,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
17, Lavrent'ev str., Novosibirsk, 6300900, Russia,
e-mail: anui1@yandex.ru

The article deals with the problem of Middle to Upper Paleolithic transition in Dagestan (Northeastern Caucasus). The sites of Tinit-1 and Rubas-1 (upper assemblage) in the Rubas valley is characteristic of a watershed period between the Middle and Upper Paleolithic in this part of the Caucasus. The analysis of these industries makes it possible to infer that Levallois technique was gradually phased out, with its transformation focused on a more intensive use of technical volume of a core within the semi-volumetric blade technique. At the same time, lithic industries underwent changes in their toolkits: the Middle Paleolithic pointed forms were vanishing, the treatment of side-scrapers tended to become simpler, the number and variability of the Upper Paleolithic types increased, the isolated tool-markers (shouldered and carinated end-scrapers, truncated-faceted pieces, transverse multiple burins) came into use. In addition, the general typological composition of tools corresponded to a single function. The lithic industries discussed above demonstrate gradual change within the frame of a single strategy during the whole period of their existence, lasting about 15 ka (50–35 ka BP).

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 15-01-00069-а «Изменение каменных индустрий на территории Западного Прикаспия в среднеплейстоценовое время (стадии 19-6 ИКШ): техника и типология».

Comparison of materials from the sites of Rubas-1 and Tinit-1 with collections obtained from the sites in the South Caucasus has revealed significant differences between them. Thus, during the early stages of their occurrence (80–50 ka BP), the Middle Paleolithic industries of the Dagestan showed a resemblance to the industries of the Zagros-Taurus type (including materials obtained from the sites in the South Caucasus), and later they became distinctly different from the assemblages discovered in the adjacent areas. This suggests that the Dagestan industries represented a local version of the Middle Paleolithic industries developed in the Middle East. Therefore one can argue that the development of later lithic industries occurred in the region on a local basis.

Key words: Caucasus, Dagestan, Middle Paleolithic, Upper Paleolithic, primary reduction, Levallois technique.

Одной из основных проблем современного палеолитоведения является определение особенностей и хронологии перехода от средне- к верхнепалеолитическим индустриям, а также выяснение связи этих процессов с распространением человека современного физического типа по территории Старого Света. Памятники этого времени хорошо изучены в разных регионах Евразии, однако на Кавказе, представляющем транзитный коридор между европейской и азиатской частями материка, таких стоянок известно немного. Основная их часть находится на Южном Кавказе и вдоль черноморского побережья [1, 2, 3]. На Северо-Восточном Кавказе до недавнего времени были известны только местонахождения с подъемными материалами, в которых по технико-типологическим параметрам выделялись как средне-, так и верхнепалеолитические элементы [4]. Исследования палеолитических памятников на территории Дагестана, проводившиеся в последнее десятилетие, позволили кардинально изменить представления о каменном веке региона. Так, в Приморском Дагестане было открыто более 30 памятников палеолита, в том числе несколько многослойных объектов, что позволило представить общую картину развития культур на территории Дагестана в древнекаменном веке, в частности, в определенной мере заполнить лауну в наших знаниях о поздних стадиях палеолита в этом районе Кавказа [5]. Рубеж среднего – верхнего палеолита здесь характеризуют материалы расположенных в долине р. Рубас стоянок Тинит-1 и Рубас-1 (верхний комплекс).

Стоянка Тинит-1 находится в среднем течении р. Рубас (Табасаранский р-н Республики Дагестан). Стационарное исследование объекта проводилось в 2007–2013 гг. В ходе работ на памятнике тремя раскопами была изучена площадь 163 м², толщина рыхлых отложений вскрыта на глубину до 5,5 м от дневной поверхности и разделена на 9 литологических слоев [5, 6]. Кроме того, для уточнения границ памятника и общей стратиграфической ситуации на объекте была заложена серия из 5 шурфов (2x1 м), перекрывающих площадь около 2000 м² [5]. В целом на всех вскрытых участках отложения представляют собой толщу субгоризонтально залегающих, переслаивающихся монотонных темно-коричневых и серо-коричневых суглинков, с незначительным содержанием мелкого обломочного материала, на отдельных участках сильно биотурбированных (большое количество нор грызунов). Генезис отложений – олово-делювиальный.

Анализ стратиграфии шурфов и раскопов позволил найти прямые соответствия между вскрытыми литологическими телами, а также скоррелировать уровни

залегания артефактов на всех объектах. Археологический материал на стоянке приурочен к литологическим слоям 2–8, в которых зафиксировано 11 горизонтов его залегания. Общее количество находок составляет 2265 экз., при этом около 30 % каменного инвентаря составляют отходы производства (обломки, осколки). Планиграфический и технико-типологический анализ коллекции позволяет определить памятник как многократно посещаемый кратковременный охотничий (?) лагерь, где осуществлялась деятельность, связанная с первичной разделкой туш животных, а каменное производство было связано с ситуационным расщеплением, не направленным на серийное изготовление заготовок и оформление сложных орудийных форм [5].

На основе комплексного анализа всех полученных материалов в коллекции было выделено две группы ассамбляжей, соответствующие археологическим горизонтам 1–4 и 5–11.

Коллекция нижних археологических горизонтов (1430 экз., в том числе 65 нуклевидных форм и 82 орудия) по своим технико-типологическим характеристикам может быть отнесена к финальной стадии среднего палеолита. Об этом свидетельствует характер первичного расщепления, демонстрирующий одновременное использование нескольких видов леваллуазской техники (острийная и отщеповая) и объемного торцового раскалывания, при общем доминировании простых монофронтальных ядрищ, выполненных в параллельной технике раскалывания, а также типологический состав орудийного набора. Основную его часть составляют скребущие и режущие инструменты (скребла, скребки, скребла-ножи, ножи), что связано, видимо, с хозяйственным типом стоянки. Однако в коллекции представлены также леваллуазские и мустьерские остроконечники, изделия на леваллуазских сколах и зубчато-выемчатая группа. Верхнепалеолитические типы (скребки и резцы) менее представительны, и большинство этих изделий далеко от классических образцов. Вместе с тем, следует отметить присутствие среди скребков изделий высокой формы, которые в сочетании с такими специфическими типами, как транкированно-фасетированные орудия и многогранные поперечные резцы, образуют группу предметов, имеющих достаточно узкую культурно-хронологическую привязку, и ассоциируются с комплексами финальной стадии среднего палеолита и индустриями, переходными к верхнему палеолиту.

Артефакты из горизонтов 1–4 (835 экз., в том числе 19 нуклевидных форм и 53 орудия) по своим технико-типологическим характеристикам соответствуют индустриям, переходным от среднего к верх-

нему палеолиту. Об этом свидетельствует, в первую очередь, характер изменений в первичном расщеплении, в том числе способы оформления и утилизации ядрищ, а также полный отказ от леваллуазской техники раскалывания (отсутствуют нуклеусы леваллуа и продукты их утилизации, включая сколы оформления; резко снижается индекс фасетирования ударных площадок). Также в коллекции фиксируются признаки применения верхнепалеолитической техники скола – редуцирование края ударной площадки подтеской, нередко с последующей пришлифовкой, что состав читается на ряде реализованных снятий. Состав и представительность орудиального набора, видимо, также в значительной степени определяются хозяйственным типом стоянки, поэтому типологически выраженные орудия немногочисленны и принадлежат в основном к скребущим или режущим инструментам (скребки, скребла-ножи, ножи). Вместе с тем, заметно возрастает доля верхнепалеолитической группы (скребки, резцы, проколки), имеется транкированно-фасетированное изделие.

Выводы о принадлежности материалов стоянки в рубезу среднего – верхнего палеолита хорошо согласуются с хронологией памятника, которая определяется серией из пяти некалиброванных AMS-дат, выполненных по образцам древесного угля из раскопов 1 и 2: слой 2 (археологический горизонт 2) – $39\,200 \pm 740$ л.н. (AA93693); слой 3 (археологический горизонт 3) – $43\,900 \pm 2000$ л.н. (AA93915); слой 6 (археологический горизонт 8) – >42800 л.н. (AA93694) и $>43\,900$ л.н. (AA93915); слой 8 (археологический горизонт 10) – $47\,800 \pm 1500$ л.н. (AA93695). Таким образом, временные рамки бытования археологических индустрий Тинита-1 находятся в интервале 50–35 тыс. лет тому назад. Это косвенно подтверждают другие естественнонаучные данные. Так, палеопочва, залегающая в разрезе раскопов 2 и 3 на уровне слоя 2, с большой долей вероятности соотносится с интерстадиалом Хенгело (39–37 тыс. л.н.) [7].

Местонахождение Рубас-1 находится в 14 км к юго-востоку от стоянки Тинит-1, ниже по течению р. Рубас. В ходе археологических работ 2006–2015 гг. на памятнике получен сводный разрез четвертичных отложений мощностью до 18 м, с которым связано три комплекса археологических материалов, относящихся к разным этапам палеолитического времени [5]. Самый молодой в культурно-хронологическом плане комплекс находок, приуроченный к верхней части разреза, изучался в 2006–2007 гг., когда было заложено 5 шурфов, общей площадью 20 м^2 , перекрывающих участок около 1000 м^2 , а также два раскопа (в 2014–2015 гг.) общей площадью 61 м^2 [5, 8]. Толща рыхлых отложений на исследуемых участках была вскрыта на глубину до 6,0 м от дневной поверхности и разделена на 9 литологических слоев. В целом изученные отложения представляют собой толщу сложного генезиса, составленную преимущественно светлым серо-коричневым лессовидным суглинком с алевроитом. Внутри пачка отложений субаэрального образования содержит го-

ризонты коллювиально-пролювиально-делювиального происхождения в виде гравийно-дресвяных, галечно-щепнистых отложений, со светло-коричневым песчанистым заполнителем. Археологический материал верхнего комплекса находок на местонахождении приурочен к литологическим слоям 2,3,6–9, в которых зафиксировано 8 уровней его залегания [5, 8]. Анализ стратиграфии шурфов и раскопов позволил найти прямые соответствия между литологическими телами, вскрытыми при работе на них, а также скоррелировать уровни залегания артефактов на всех объектах. Каменные изделия в основном связаны с гравийно-галечно-щепнистыми прослоями, что наряду с анализом планиграфии позволяет предполагать их незначительные постседиментационные перемещения в горизонтальной плоскости.

Общее количество находок составляет 1413 экз., при этом около 60 % каменного инвентаря составляют отходы производства. Это, как и небольшая размерность реализованных сколов, может объясняться особенностями местного кремня, который имеет много внутренних дефектов. Технично-типологический анализ коллекции позволяет определить памятник как многократно посещаемый кратковременный охотничий (?) лагерь.

На основе комплексного анализа всех полученных материалов в коллекции было выделено две группы ассамбляжей, соответствующих археологическим уровням 1–3 и 4–8. Коллекции этих уровней имеют определенные различия между собой как в технике первичного расщепления, так и в орудиальных наборах. Кроме того, эти группы, скорее всего, были разделены значительным хронологическим интервалом, что маркируют стерильные в археологическом плане слои 4 и 5, залегающие между ними.

Коллекция нижних археологических уровней (952 экз., в том числе 55 нуклевидных форм и 62 орудия) по своим технико-типологическим характеристикам может быть отнесена к финальной поре среднего палеолита. Первичное расщепление здесь характеризует, в первую очередь, развитая леваллуазская техника. Леваллуазские ядрища составляют около 30 % от типологически выраженных нуклеусов, а диагностируемые сколы леваллуа – около 5 % от категории сколов. Помимо леваллуазской техники, использовались простое параллельное расщепление одно- и двухплощадочных ядрищ, а также расщепление, близкое к объемному (торцовый нуклеус с переходом фронта скалывания на латераль и подпризматическое ядрище). В орудиальном наборе преобладают скребла, шиповидные изделия, ножи и скребки, причем последние далеки от классических верхнепалеолитических типов. Имеющиеся материалы позволяют сделать вывод о том, что в первичном расщеплении примерно в равной степени применялись простая параллельная и леваллуазская техники (для производства отщепов и однонаправленная острейшая), эпизодически использовались методы объемного раскалывания. В орудиальном наборе наряду с классическими сред-

непалеолитическими типами (скребла, мустьерский остроконечник) фиксируются верхнепалеолитические категории изделий (скребки, резцы), в основной массе неустойчивых форм.

Артефакты из уровней 1–3 (461 экз., в том числе 13 нуклеидных форм и 34 орудия) по своим технико-типологическим характеристикам ближе всего к индустриям, переходным от среднего к верхнему палеолиту. Все типологически выраженные нуклеидные формы представлены простыми одно- и двухплощадочными монофронтальными ядрищами, в то время как нуклеусов леваллуа, как и сколов с них, не фиксируется. Практически отсутствуют заготовки с фасетированными площадками. Орудийный набор демонстрирует большее разнообразие форм в сравнении с нижележащими уровнями. Преобладают ножи, скребки и выемчатые орудия с ретушированными анкошами. Равными долями представлены как верхнепалеолитические формы (резцы, долотовидное и транкированное изделия), так и «архаичные» (скребло, клювовидное и шиповидные изделия). Однако орудия верхнепалеолитических типов здесь не только разнообразнее, но и ближе к «классическим» образцам, например, скребок с плечиками – тип, обычно ассоциирующийся с позднепалеолитическими археокомплексами. Кроме того, в поверхностных сборах с площади памятника присутствуют торцовое ядрище для получения пластин и скребков высокой формы – сочетание, характерное для переходных и ранних верхнепалеолитических индустрий.

Хронология верхнего комплекса находок на стоянке Рубас-1 определяется на основе геологических данных, свидетельствующих о формировании отложений, содержащих культурные остатки (слои 2–9), в позднем неоплейстоцене. Кроме того, палеопочва, зафиксированная в верхней части разрезов на трех шурфах, с большой долей вероятности может соотноситься с палеопочвой из раскопов 2 и 3 стоянки Тинит-1. Это предположение косвенно подтверждается сходством условий осадконакопления и строения разрезов на обоих объектах и отсутствием в этом районе других известных палеопочв. Нижняя хронологическая граница ископаемого почвенного горизонта на Тините-1 на основе результатов ¹⁴C-датирования определяется возрастом ≈ 39 тыс. л.н., а совокупность естественно-научных данных позволяет утверждать, что рассматриваемые каменные индустрии обоих памятников принадлежат к одному культурно-хронологическому интервалу [7, 8].

В целом археологические комплексы нижних слоев стоянок Тинит-1 и Рубас-1 характеризует наличие развитых леваллуазских техник расщепления, одновременно с которыми использовались и торцовые разновидности нуклеусов. На более поздних этапах на смену леваллуазской приходит параллельная полуобъемная техника раскалывания, в продольном и бипродольном пластинчатых вариантах. В орудийном наборе стоянок преобладают изделия с режущими и скребущими лезвиями, что связано, вероятнее всего, с их хозяйственным типом. В нижних слоях за-

кономерно значителен процент леваллуазских сколов и изделий на них, а также группа зубчато-выемчатых орудий. Верхнепалеолитические типы невыразительны и представлены в основном скребками. В верхних горизонтах сколы леваллуа отсутствуют, также нет среднепалеолитических острых форм. Доля скребел снижается, верхнепалеолитическая группа орудий становится более многочисленной и разнообразной, в ней присутствуют отдельные яркие формы – скребок с плечиками, многогранный резец и др. В материалах обоих стоянок также представлены типы орудий, характерные для индустрий рубежа среднего – верхнего палеолита: скребки высокой формы и транкированно-фасетированные изделия. Следует отметить отсутствие в коллекциях бифасиальных форм и признаков двухсторонней обработки, что является нехарактерным для кавказского региона.

Сравнение материалов стоянок Рубас-1 и Тинит-1 с коллекциями синхронных памятников Кавказа выявило значительные различия между ними. Так, палеолитические индустрии этого времени на территории Азербайджана, Армении и Грузии, связанные, как правило, с карстовыми убежищами, в целом близки комплексам загросо-таврийского мустье, которые отражают сочетание леваллуазских и простых параллельных техник раскалывания и включают радиальные/дисковидные нуклеусы. В орудийных наборах фиксируется преобладание скребел и остроконечных форм (леваллуазские и мустьерские остроконечники и др.); заметно количество транкированно-фасетированных изделий и орудий со следами подправки базальной части, что свидетельствует о широком применении приемов усечения заготовок и подтески [1, 2, 3, 9, 10, 11].

Вместе с тем, первичное расщепление на стоянках Дагестана не было связано с дисковидными и радиальными ядрищами, а леваллуазская техника не являлась доминирующей даже в период, которому соответствуют нижние археологические уровни. В верхних слоях получила отражение преимущественно параллельная полуобъемная техника раскалывания в одном и встречных направлениях. В орудийных наборах имеются остроконечные формы, среди них – угловатые скребла и остроконечники, но их доля незначительна. Прием транкирования заготовок использовался, но не систематически. Транкированно-фасетированные изделия единичны, орудия со следами базальной подправки не обнаружены. Отсутствуют также бифасиально оформленные изделия и лимасы. Основными орудийными типами здесь являются изделия без интенсивной отделки (ножи, однолезвийные скребла, сколы со следами ретуши), что обусловлено, скорее всего, хозяйственной специализацией рассматриваемых стоянок.

Индустрии среднего палеолита Приморского Дагестана, как показало их изучение в динамике, на ранних стадиях своего бытования (80–50 тыс. л.н.) обнаруживают сходство с индустриями загросо-таврийского типа (к их кругу относят материалы стоянок Закавказья), однако, в более поздний период прослежива-

ются явные их отличия от комплексов соседних территорий [5, 7]. Так дагестанские индустрии рубежа среднего – верхнего палеолита на временном отрезке протяженностью около 15 тыс. лет демонстрирует постепенные изменения, связанные с модификацией леваллуазской техники расщепления. Постепенный переход к объемному расщеплению на основе изменений позднего острейного варианта техники леваллуа, направленного на получение удлиненных конвергентных заготовок, сопровождался все более интенсивным применением предварительной подготовки производства заготовок, в первую очередь, использованием приемов подправки карниза, включающих пришлифовку его ребра. Кроме того, в индустрии постепенно возрастает количество нуклеусов для производства пластин, как плоскостного, так и объемного типов расщепления, включая их торцовые разновидности; растет доля целевых пластинчатых заготовок и увеличивается доля верхнепалеолитических форм орудий при незначительном уменьшении среднепалеолитических типов. При этом общий типологический состав орудийных форм остается в пределах одной функциональной направленности (кратковременная охотничья стоянка). Таким образом, можно предполагать, что процесс перехода к верхнему палеолиту на территории Дагестана носил достаточно продолжительный и плавный характер при наличии развитой местной леваллуа-мустьерской индустрии, которая могла служить для него основой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Палеолит СССР. М.: Наука, 1984. 383 с.
2. Голованова Л.В., Дороничев В.Б. Средний палеолит Кавказа // Археологический альманах. Донецк, 2003. № 13. С. 18–66.
3. Любин В.П., Беляева Е.В. Ранняя преистория Кавказа. СПб.: Петербург. востоковедение, 2006. 108 с.
4. Котович В.Г. Каменный век Дагестана. Махачкала: Изд-во Даг. фил. АН СССР, 1964. 226 с.
5. Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г. Проблемы палеолита Дагестана. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 292 с.
6. Анойкин А.А., Борисов М.А., Рыбалко А.Г., Славинский В.С. Индустрии рубежа среднего - верхнего палеолита в Приморском Дагестане (по материалам раскопок стоянки Тинит-1 в 2011–2013 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 2. С. 9–14.
7. Anoykin A.A., Slavinski V.S., Rudaya N.A., Rybalko A.G. New Findings on Lithic Industries of The Middle to Upper Paleolithic

Boundary in Dagestan // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2013. № 2 (54). 26–39.

8. Анойкин А.А., Борисов М.А. Каменная индустрия верхнего комплекса артефактов местонахождения Рубас-1 (по материалам раскопок 2015 г.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. Т. XXI. С. 15–18.

9. *The Paleolithic Prehistory of the Zagros-Taurus*. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Museum of Archaeol. and Anthropol., 1993. 238 p.

10. Adler D.S. Late Middle Palaeolithic Patterns of Lithic Reduction, Mobility, and Land Use in the Southern Caucasus: Unpublished PhD thesis. Cambridge, Massachusetts: Harvard Univ., 2002. 488 p.

11. *Stone Age of Armenia. A Guide-book to the Stone Age Archaeology in the Republic of Armenia* / eds. B. Gasparian, M.; Arimura; Kanazawa: Kanazawa Univ., 2014. 370 p.

REFERENCES

1. *Paleolithic of USSR*. M., 1984, 383 p. (In Russ.)
2. Golovanova L.V., Doronichev V.B. Middle Paleolithic of Caucasus. *Arheologicheskij al'manah*. Donetsk, 2003, no. 13, pp. 18–66. (In Russ.)
3. Lubin V.P., Belyaeva E.V. Early Prehistory of Caucasus. SPb., 2006, 108 p. (In Russ.)
4. Kotovich V.G. Stone Age of Dagestan. Mahachkala, 1964, 226 p. (In Russ.)
5. Derevianko A.P., Amirhanov H.A., Zenin V.N., Anoykin A.A., Rybalko A.G. Problems of Paleolithic of Dagestan. Novosibirsk, 2012, 292 p. (In Russ.)
6. Anoykin A.A., Borisov M.A., Rybalko A.G., Slavinskii V.S. The Lithic industries of the Middle to Upper Paleolithic boundary in Seaside Dagestan (on materials of Tinit-1 site, excavations in 2011–2013). *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2014, no. 2, pp. 9–14. (In Russ.)
7. Anoykin A.A., Slavinskii V.S., Rudaya N.A., Rybalko A.G. New Findings on Lithic Industries of the Middle to Upper Paleolithic Boundary in Dagestan. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2013, no 2 (54), pp. 26–39.
8. Anoykin A.A., Borisov M.A. Stone Industry of the Upper artificial complex from the Rubas-1 site (based on the excavated materials of 2015). *Problemy arheologii, jetnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij*. Novosibirsk, 2015, vol. T. XXI, pp. 15–18. (In Russ.)
9. *The Paleolithic Prehistory of the Zagros-Taurus*. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Museum of Archaeol. and Anthropol., 1993, 238 p.
10. Adler D.S. Late Middle Palaeolithic Patterns of Lithic Reduction, Mobility, and Land Use in the Southern Caucasus: Unpublished PhD thesis. Cambridge, Massachusetts: Harvard Univ., 2002, 488 p.
11. *Stone Age of Armenia. A Guide-book to the Stone Age Archaeology in the Republic of Armenia* / eds. B. Gasparian, M.; Arimura; Kanazawa: Kanazawa Univ., 2014, 370 p.

Статья принята редакцией 7.04.2016

DOI: 10.15372/HSS20160202
УДК 902

С.В. КОВАЛЕНКО, П.В. ВОЛКОВ

**РЕЗУЛЬТАТЫ ТРАСОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КАМЕННЫХ АРТЕФАКТОВ
С НЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ОСИНОВОЕ ОЗЕРО
В АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ***

Станислав Викторович Коваленко,
аспирант,
Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, пр. Лаврентьева, 17,
e-mail: stas-kov7@yandex.ru
Павел Владимирович Волков,
д-р ист. наук,
Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, пр. Лаврентьева, 17,
Новосибирский государственный университет
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2,
e-mail: volkov100@yandex.ru

В 1961 г. в Амурской области А.П. Окладниковым на берегу оз. Осинное был обнаружен археологический объект, по материалам которого на территории Западного Приамурья выделена осиноозерская культура развитого неолита. В 2012 г. исследования на памятнике были продолжены. В результате получен орудейный набор, характерный для жилищ с разнообразной хозяйственной деятельностью людей. Прослежена эволюция палеолитического хозяйства населения в процессе его адаптации к условиям климатических изменений окружающей среды в период голоцена.

Ключевые слова: Западное Приамурье, осиноозерская археологическая культура, стратиграфия, отжимная ретушь, трасология, орудейный набор.

S.V. KOVALENKO, P.V. VOLKOV

**THE RESULTS OF USE-WEAR ANALYSIS OF STONE ARTIFACTS
FROM THE NEOLITHIC SETTLEMENT NEAR LAKE OSINOVOE
IN THE AMUR OBLAST**

Stanislav V. Kovalenko,
postgraduate,
Institute of Archeology and Ethnography of SB RAS,
17, Ak. Lavrentieva str., 630090, Novosibirsk, Russia,
e-mail: stas-kov7@mail.ru
Pavel V. Volkov,
Doctor of Historical Sciences,
Institute of Archeology and Ethnography of SB RAS,
17, Ak. Lavrentieva str., 630090, Novosibirsk, Russia,
Novosibirsk State University
2, Pirogova str., 630090, Novosibirsk, Russia,
e-mail: volkov100@ya.ru

In 1961 A.P. Okladnikov discovered an outstanding archeological site on the shores of Lake Osinovie in the Amur region. In 1962 and 1965 stationary studies were carried out. They resulted in several excavated dwellings which gave abundant data for characterizing the Neolithic culture. The result of the research was the allocation of late Neolithic Osinoozerskaya culture. Its tribes lived in this area in 3,000–2,000 BC and were a settled

*Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (№ 33.702.2014/К).

population, mainly engaged in hunting and fishing. In relation to the discovery of millet grains in the hearth dimple of one of the dwellings it was concluded that the inhabitants practiced crop farming. Despite the fact that over the last decade archeologists have studied several new sites, greatly expanding the range of sources for the analysis of Osinoozerskaya culture, it remains the least studied among the Neolithic cultures of the region. The problems associated with such controversial issues as its genetic link with the earlier Novopetrovskaya culture (in spite of the time gap of 4,000 years) and the emergence of agriculture, remain unsolved and require further reflection.

In 2012, in order to gather new data on the culture, studies were continued on the periphery of the Neolithic settlement. There were pole-holes identified at the lower stratum of the occupation layer – they could have been designed for a light shed.

The output is a collection of artifacts (pottery and stone), several of them were defined by use-wear analysis as a tool set including household items of daily use with frequent trimming and alteration, peculiar to dwellings and sites with a variety of human activities. Overall the excavated site is a mono-cultural one, which refers to the period of Osinoozerskaya culture and was used by the inhabitants for economic activity.

Key words: Western Amur Region, Osinoozerskaya culture, stratigraphy, pressure flaking, traceology, tool set.

В 1961 г на территории Константиновского района Амурской области А.П. Окладниковым на берегу оз. Осинное был обнаружен памятник эпохи неолита. В 1962 и в 1965 гг. на данном объекте было раскопано несколько округлых полуподземных жилищ. В них найдены керамические сосуды, украшенные наклепными рассеченными валиками, рабочие площадки, где изготавливались ретушированные и шлифованные каменные орудия. Результаты исследований позволили выделить поздненеолитическую осиноозерскую культуру (III–II тыс. до н.э.). Ее носители вели оседлый образ жизни, занимались в основном охотой и рыболовством. На основании найденного в жилище значительного числа пестов и зерноотерок, а также зерен проса был сделан вывод о наличии у населения земледелия. Выяснение генетической связи осиноозерской культуры с раннеолитической новопетровской культурой при их временном разрыве в 4 тыс. лет и появлением земледелия требует дополнительных данных [1; 2; 3, с. 253–254; 4, с. 188; 5, с. 105–107; 6, с. 102–117].

В результате раскопок поселения Осинное Озеро в 2012 г. была получена коллекция археологического материала, основную часть которой составили каменные артефакты и фрагменты осиноозерской керамики. Керамика представлена фрагментами венчиков, доннышек и стенок лепных сосудов осиноозерского типа как неорнаментированных, так и украшенных наклепными рассеченными валиками. Большую часть каменных артефактов составляли сколы и отщепы из халцедона и яшмового сырья. Расщепление производилось без какой-либо выраженной системы. Типологически устойчивых форм нуклеусов не обнаружено. Использование отщеповой техники при изготовлении двусторонне ретушированных орудий является характерным признаком осиноозерской культуры. Доля готовых орудий в коллекции незначительна [6, с. 118–124].

По морфологическим признакам был выделен инструментарий, представленный наконечниками стрел (как целыми, так и сохранившимися фрагментарно), вкладышами и ножевидными пластинами, фрагментом бифасиального ножа, проколкой, грузилом, скребком, лошиллом. Все предметы, с высокой долей вероятности, можно отнести к изделиям, характерным для данной культуры [6, с. 123–124]. Для уточнения функций инструментария был проведен специальный экспериментально-трассологический анализ артефактов.

При изучении изделий применялся бинокулярный микроскоп МБС-10 с односторонним боковым освещением наблюдаемого объекта и с дискретным рабочим режимом увеличения от 16 до 56 крат. При детальном функциональном анализе дополнительно использовались специализированные микроскопы МСПЭ-1 с плавным режимом смены увеличения от 19 до 95 крат и мощным двусторонним бестеневым освещением. Применялся и специально адаптированный для микротрасологии микроскоп «Olympus ВНТ-М» с бестеневым освещением через объектив и режимом увеличения от 100 до 500 крат. Для сравнительного анализа следов изношенности и приемов обработки камня использовались материалы Сибирской эталонной коллекции трассологических стандартов [7, с. 94–154].

В результате микроскопического анализа поверхностей артефактов археологической коллекции была выявлена серия утилизированного инструментария. Благодаря экспериментально-трассологическому анализу орудий определено их функциональное назначение (см. рисунок¹).

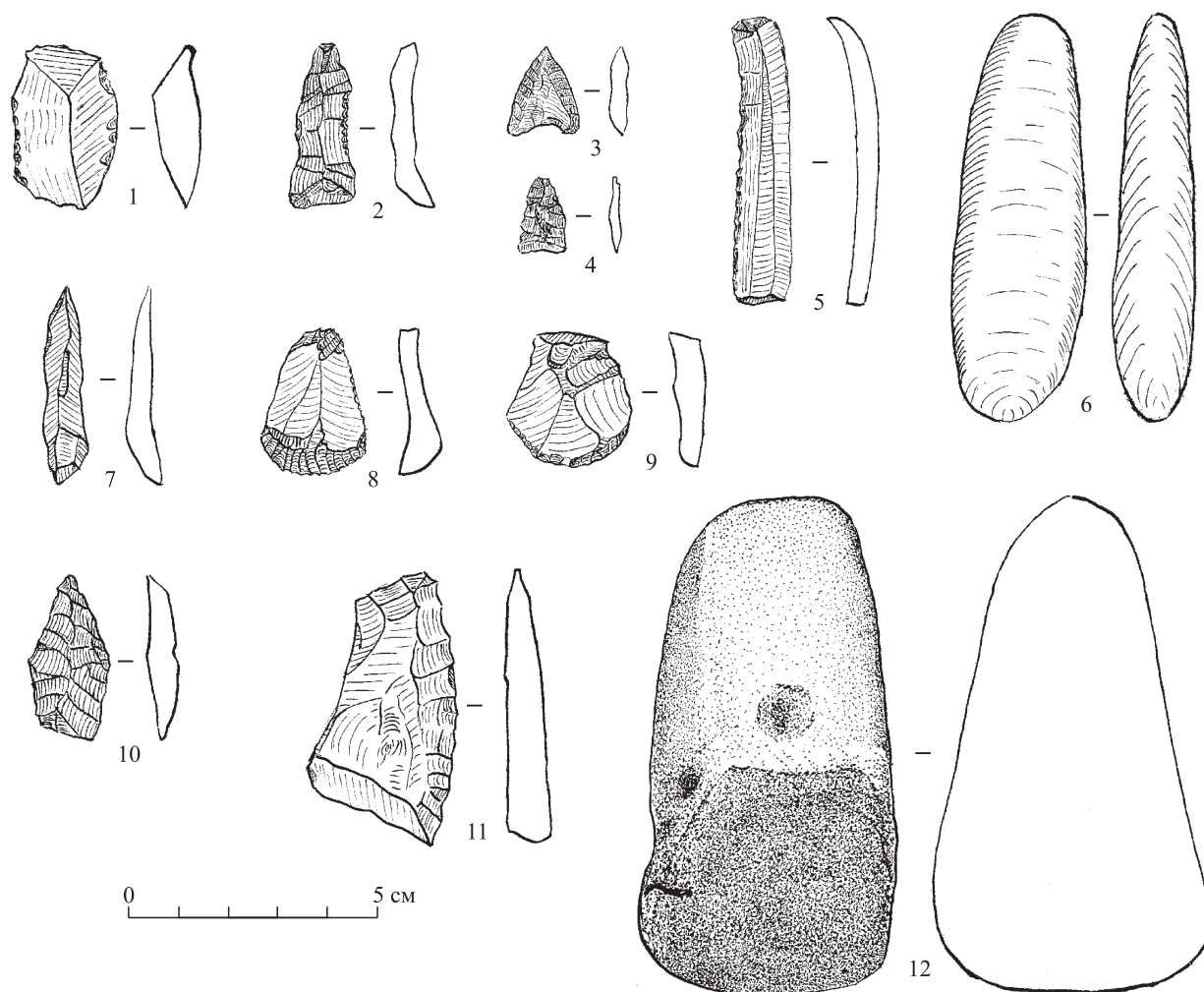
Изделие № 57 из яшмовидной породы коричневого цвета. Орудие в плане овальное. Один из краев имеет галечную корку (размеры: 32×22×8 мм). По краям нанесена приостряющая ретушь. В результате функционального анализа артефакт интерпретирован как нож, при повторном использовании – скобель по мягкому материалу (см. рисунок, 1).

Изделие № 521 выполнено из халцедона. Орудие в плане подтреугольное (размеры: 35×15×6 мм). На одной из граней читается мелкая приостряющая односторонняя ретушь. В результате функционального анализа артефакт определен как скобель для работы с относительно твердыми органическими материалами (кость, рог) (см. рисунок, 2).

Изделие № 1015 изготовлено из вулканического туфа белого цвета. Имеет треугольную в плане форму с вогнутым основанием (размер: 19×15×4 мм). Обработано двусторонней ретушью. В результате функционального анализа артефакт интерпретирован как наконечник стрелы (рисунок, 3).

Изделие № 1016 выполнено из прозрачного халцедона, имеющего желтоватый оттенок. Имеет удлинен-

¹ Авторы благодарят ведущего специалиста Института археологии и этнографии СО РАН Н.Н. Зайцева за подготовку рисунков, использованных в данной статье.

Осиновое Озеро (2012 г.). Каменный инвентарь осиноозерской культуры:

1– мясной нож на отщепе (вторичное использование – скобель по мягкому материалу) (№521); 2 – скобель по твердому материалу (№521); 3–4– наконечники стрел (№1015–1016); 5– строгальный нож (вторичное использование – нож по мясу) (№1033); 6– отбойник разовый (№1174); 7– проколка (№1319); 8– скребок по шкуре с вторичной подправкой (№1008); 9– скребок по сухой коже (№1487); 10– сверло по мягкому материалу (дереву) (№1860); 11– нож по мясу (№1245); 12– наковальня-ретушер (№1973)

но-треугольную в плане форму с прямыми сторонами и слабовыраженное вогнутое основание (размеры: 16×10×3 мм). Артефакт обработан двусторонней приострающей ретушью. В результате функционального анализа изделие определено как наконечник стрелы. Острие наконечника обломано (рисунок, 4).

Изделие № 1033 изготовлено из ножевидной пластины яшмовидной породы серо-коричневого цвета. Имеет прямоугольную в плане форму. На одном из краев имеются следы вторичной обработки в виде приострающей ретуши (размеры: 18×9×6 мм). В результате функционального анализа артефакт интерпретирован как строгальный нож и нож по мясу при вторичном использовании (рисунок, 5).

Изделие № 1174 выполнено на удлиненной гальке из яшмовидной породы серого цвета. Имеет продолговатую округлую в плане форму. Следы вторич-

ной обработки отсутствуют (размеры: 82×26×17 мм). В результате функционального анализа артефакт определен как отбойник (рисунок, 6).

Изделие № 1319 выполнено из халцедоновой гальки желто-белого цвета. Имеет подтреугольную в сечении форму (размер: 42×10×5 мм). В результате функционального анализа артефакт интерпретирован как проколка (рисунок, 7).

Изделие № 1008 сделано из отщепе подтреугольной в плане формы из яшмовидной породы бежевого цвета (размеры: 33×24×7 мм). В результате функционального анализа артефакт интерпретирован как скребок по шкуре с вторичной подправкой (рисунок, 8).

Изделие № 1487 — из яшмовидной породы черного цвета трапециевидной в плане формы (размеры: 29×27×7 мм). Рабочий край обработан односторонней приострающей ретушью. В результате функциональ-

ного анализа артефакт интерпретирован как скребок для обработки сухой кожи (рисунок, 9).

Изделие № 1860 выполнено на отщепе из светло-желтого халцедона подтреугольной в плане формы (размеры: 36×19×6 мм). Обработано двусторонней ретушью. В результате функционального анализа артефакт интерпретирован как сверло по мягкому материалу (дереву), впоследствии переоформлено и сломано (рисунок, 10).

Изделие № 1245 изготовлено из яшмовидной породы серо-коричневого цвета. Форма в плане – прямоугольная (размеры: 58×30×8 мм). Артефакт выполнен с применением бифасиальной техники. Режущая поверхность обработана двусторонней приостряющей ретушью. В результате функционального анализа артефакт интерпретирован как нож по мясу (рисунок, 11).

Изделие № 1973 — из песчаника серо-коричневого цвета. Имеет подтреугольную в плане форму, с плоским основанием (размеры: 92×51×50 мм). В результате трасологического анализа интерпретирован как наковальня и ретушер (рисунок, 12).

В целом инструментарий можно охарактеризовать как типичный для жилищных комплексов с разнообразной деятельностью людей. На нижней границе культурного слоя поселения Осинное Озеро были выявлены столбовые ямы, возможно, использовавшиеся под конструкции легкого навеса. Раскопанный участок является монокультурным, относится к периоду проживания племен осиноозерской культуры, использовался ими для активной хозяйственной деятельности в зоне обитания.

В таблице отображена специфика материала, его функционального назначения, а также интенсивность использования и степень износа орудий.

Активный рабочий процесс на территории поселения Осинное Озеро происходил как в самих жилищах, так и за их пределами. В жилищах были зафиксиро-

вано наличие рабочих площадок с разнообразными видами производственной деятельности, отсутствие хозяйственных ям. Они располагались в большом количестве за пределами жилищ. Периферийная часть поселения, вероятно, представляла собой комплекс сезонных легких навесов и шалашей небольших размеров (4×5 м), не заглубленных в землю и использовавшихся для разнообразной деятельности людей в теплое время года. Об этом свидетельствует обилие находок, наличие столбовых и хозяйственных ям [1, с. 373–383, 385; 2, с. 41; 6 с. 124–128]. Возможно, в каждой из таких построек происходила специализированная деятельность. Существование подобных сезонных построек у осиноозерских племен подтверждается на поселении в устье р. Громатуха, где в слое, относящемся ко времени существования данной культуры, были выявлены следы небольшого наземного жилища, квалифицируемого как легкая разборная и транспортабельная конструкция для сезонного поселения небольшой группы охотников. Подавляющее большинство инструментария из жилища относится к орудиям потребления и переработки продуктов охоты, из которых количественно преобладают ложила, применяемые на второй стадии обработки шкур. Вполне вероятно не только временное разделение всей работы со шкурами, но и территориальное выделение этого жилища как специализированного рабочего места. Естественно и создание «внешней» рабочей зоны, так как для лошения требуется сравнительно большая площадь [7, с. 321, 327, 334]. В жилищах хронологически более ранней мальшевской неолитической культуры были организованы практически все виды хозяйственной деятельности. Внутренняя площадь могла четко разделяться на рабочие площадки с разнообразным инструментом и зоны отдыха в крупных жилищах (170 м²), а также иметь универсальный характер в средних (70 м²) жилищах, в которых любое

Основные функциональные характеристики неолитической коллекции 2012 г. поселения Осинное Озеро

№ артефакта по описи	Морфологическая характеристика	Функция	Обрабатываемый материал	Интенсивность износа
57	Отщеп	Нож, при повторном использовании скобель по мягкому материалу	Мясо	Средняя
521	Отщеп	Скобель	Твердый материал	Средняя
1015	Отщеп	Наконечник стрелы	—	Следов нет
1016	Отщеп	Наконечник стрелы	—	Следов нет
1033	Пластина	Строгальный нож, при повторном использовании нож по мясу	Дерево, мясо	Средняя
1174	Удлиненная галька	Отбойник разовый	Камень	Слабая
1319	Отщеп	Проколка	—	—
1008	Отщеп	Скребок, с вторичной подправкой	Шкура	Средняя
1487	Отщеп	Скребок	Сухая кожа	Средняя
1860	Отщеп	Сверло, переоформлено и сломано	Дерево	Высокая
1245	Отщеп	Нож	Мясо	—
1973	Плотный песчаник	Наковальня и ретушер	Камень	—

пространство конструкции могло быть местом ночевки, дневного отдыха или производственного участка в зависимости от конкретной ситуации [7, с. 321–334].

Сопоставление полученных данных о хозяйственной деятельности носителей осиноозерской культуры с результатами проведенных ранее исследований аналогичных показателей жилищных комплексов хронологически более ранней мальшевской неолитической культуры ближайшего в территориальном отношении региона Нижнего Амура показало, что если на раннем этапе неолита жилище было местом, достаточным по площади для организации практически любых производственных операций, то в более позднее время ситуация изменилась. Не только некоторые рабочие площадки стали выноситься во «внешнее пространство» жилищ, но и сами его обитатели начали «специализироваться» на каком-либо определенном этапе производственного процесса. Не исключено, что отразилось это и во внутреннем обустройстве внешне стандартных построек. Данный факт может свидетельствовать о динамике в эволюции палеохозяйства населения в процессе его адаптации к условиям климатических изменений окружающей среды в регионе в период голоцена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Окладников А.П., Васильевский Р.С., Деревянка А. П. Археологические исследования на Осиновом озере (раскопки 1965 года) // Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. Новосибирск, 1971. Ч. II. С. 323–392.
2. Окладников А.П., Деревянка А.П. Осиноозерская культура на Среднем Амуре // Материалы по истории Дальнего Востока (история, археология, этнография, филология). Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО АН СССР, 1973. Т. 9. С. 33–42.
3. Деревянка А.П. Ранний железный век Приамурья. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1973. 354 с.
4. Алкин С.В. Современное состояние изучения осиноозерской неолитической культуры Среднего Приамурья // Актуальные про-

блемы археологии Сибири и Дальнего Востока. Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2011. С.188–198.

5. Кузьмин Я.В., Нестеров С.П. Хронология неолитических культур Западного Приамурья // Традиционная культура востока Азии. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2010. Вып. 6. С. 103–110.

6. Коваленко С.В. Полевые исследования неолитической стоянки на Осиновом озере в 2012 году // Традиционная культура Востока Азии: сборник статей / под ред. Д.П. Волкова, А.П. Забияко, Е.А. Завадской, С.П. Нестерова. Благовещенск: Изд-во Амурск. гос. ун-та, 2014. Вып. 7. С. 102–129.

7. Волков П.В. Опыт эксперимента в археологии. СПб: Нестор-История, 2013. 416 с. (ArchaeologicaVaria).

REFERENCES

1. Okladnikov A.P., Vasil'evskiy R.S., Derevyanko A.P. Archeological Studies of Lake Osinovoe (excavations of 1965). *Materialy polevykh issledovaniy Dal'nevostochnoy arkheologicheskoy ekspeditsii*. Novosibirsk, 1971, part II, pp. 323–392. (In Russ.)
2. Okladnikov A.P., Derevyanko A.P. Osinoozerskaya Culture of the Middle Amur Region. *Materialy po istorii Dal'nego Vostoka (istoriya, arkheologiya, etnografiya, filologiya)*. Vladivostok, Institut istorii, arkheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO AN SSSR, 1973, vol. 9, pp. 33–42. (In Russ.)
3. Derevyanko A.P. The Amur Region in the Early Iron Age. Novosibirsk, Nauka, 1973, 354 p. (In Russ.)
4. Alkin S.V. Current Status of the Study of Neolithic Osinoozerskaya Culture of the Middle Amur Region. *Aktual'nye problemy arkheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Ussuriysk, Izd-vo UGPI, 2011, pp. 188–198. (In Russ.)
5. Kuz'min Ya.V., Nesterov S.P. Chronology of Neolithic Cultures in the Western Amur Region. *Traditsionnaya kul'tura vostoka Azii*. Blagoveshchensk, Amurskiy gos. un-t, 2010, vol. 6, pp. 103–110. (In Russ.)
6. Kovalenko S.V. Field Studies of the Neolithic Site near Lake Osinovoe in 2012. *Traditsionnaya kul'tura Vostoka Azii*. Blagoveshchensk, Izd-vo Amurskogo gos. un-ta, 2014, vol. 7, pp. 102–129. (In Russ.)
7. Volkov P.V. Experimental Experience in Archeology. Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya, 2013, 416 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 7.03.2016

DOI: 10.15372/HSS20160203
УДК 902

А.В. ТАБАРЕВ, Д.А. ИВАНОВА

**ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦЫ ЗЕРКАЛ:
ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ИНВЕНТАРЯ КУЛЬТУРЫ ЯЁЙ,
ЯПОНСКИЙ АРХИПЕЛАГ***

Андрей Владимирович Табарев,
д-р ист. наук, главный научный сотрудник,
Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090 г. Новосибирск, пр. Ак. Лаврентьева, 17,
e-mail: olmec@yandex.ru
Дарья Александровна Иванова, аспирант,
Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090 г. Новосибирск, пр. Ак. Лаврентьева, 17,
e-mail: nightliro@bk.ru

Культура яёй (III в. до н.э. – III в. н.э.) начинает распространяться по Японскому архипелагу с территории Корейского полуострова и, в первую очередь, с о. Кюсю. Наряду с технологическими инновациями (земледелие, скотоводство, металлургия) возникают и новые формы социальной организации (сложные вожества), возглавляемые харизматичными лидерами, в том числе женщинами. Настоящая статья основана на материалах коллекций в музеях префектуры Фукуока (о. Кюсю, Япония), а также литературе, посвященной феномену элитных женских погребений с большим количеством бронзовых зеркал. Особое внимание уделено некрополям Сугу-Окамото, Микумо и Хирабару.

Ключевые слова: Японский архипелаг, Кюсю, культура яёй, погребения, бронзовые зеркала.

A.V. TABAREV, D.A. IVANOVA

**LADIES OF THE MIRRORS:
PECULIARITIES OF THE BURIALS GOODS IN YAYOI CULTURE,
JAPANESE ARCHIPELAGO**

Andrey V. Tabarev,
Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
17, Ak. Lavrentieva str., Novosibirsk, 630090, Russia,
e-mail: olmec@yandex.ru
Darya A. Ivanova,
graduate student, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
17, Ak. Lavrentieva str., Novosibirsk, 630090, Russia,
e-mail: nightliro@bk.

The article is based on the results of work with the collections kept in the museums of Fukuoka prefecture (Kyushu, Japan), and on analysis of a wide range of literature devoted to the phenomenon of elite female burials in Yayoi culture accompanied with large numbers of bronze mirrors. It is illustrated with the most significant data on Sugu-Okamoto, Mikumo, and Hirabaru necropoleis. The events which occurred on the Japanese Islands during III BC – III AD marked not only the shift from one culture (Jomon) to another (Yayoi), but also fundamental changes almost in all cultural components. These changes included replacement of subsistence economy with the producing one; emergence of new technologies and the upgrade of former ones; modification of burial ritual and social structure. All these changes were connected with a strong migratory impulse from the territory of Korean Peninsula. Yayoi culture was spreading across the archipelago from the territory of Kyushu, where the new forms of social organization (complex chiefdoms) headed by charismatic leaders appeared. According to historical records and archaeological data, women occupied a special place among these leaders.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-50-00036).

The authors use these data to interpret the role of mirrors in Yayoi society. Mirrors belong to the traditional shamanistic attributes among aboriginals in North and Eastern Asia. With the emergence and spread of metallurgy mirrors became part of prestige economy and served as indicators of a special status of the buried persons. The case of the elite Yayoi burials on Kyushu shows parallel development of several interesting processes: moving from the import of bronze mirrors to their manufacturing with the local or Chinese molds; emergence of items with hypertrophic parameters based on prestige technologies; empowerment of chiefs with the unique skills to master the “magic” of the mirrors, and gradual institutionalization of mirrors into one of the Sacred Japanese Treasures.

Key words: Japanese Archipelago, Kyushu, Yayoi culture, burials, bronze mirrors.

События III в. до н.э. – III в. н.э., имевшие место на островах Японского архипелага, – это не просто переход от одной культуры (дзёмон) к другой (яёй¹). Это время кардинальных изменений практически во всех культурных составляющих: смена присваивающей экономики на производящую (появление земледелия и скотоводства); появление абсолютно новых технологий (металлургия) и кардинальное совершенствование ранее существовавших занятий (домостроительство, гончарство, ткачество); изменения в погребальном обряде и социальной структуре общества. По мнению большинства специалистов, все эти изменения связаны с мощным миграционным импульсом с территории Корейского полуострова.

Традиционно период Яёй датируется III в. до н.э. – III в. н.э. и подразделяется на ранний (III–II вв. до н.э.), средний (II–I вв. до н.э.) и поздний (I–III вв. н.э.) периоды. По поводу нижней хронологической границы в последнее время ведется дискуссия: ряд археологов, ссылаясь на датировки зерен культурных злаков, относят начало культуры яёй вплоть до VII–IX вв. до н.э. [1, с. 156; 2, с. 66].

Обращались к материалам культуры яёй и отечественные исследователи, в литературе 1950–1980-х гг. имеется ряд интересных обзорных статей [3; 4, с. 138–148; 5, с. 67–77]. К сожалению, за последние 30 лет специальных работ по культуре яёй в русскоязычной археологической литературе практически не добавилось. За этот же период объем информации по памятникам и материалам культуры стремительно увеличивается, количество публикаций (отчетов о раскопках и различных исследовательских проектов, статей, монографий, презентаций на конференциях и т.д.) только на японском языке исчисляется тысячами.

Культура яёй начинает распространяться по архипелагу с территории о. Кюсю, и именно на этой территории возникают новые формы социальной организации (сложные вождества), возглавляемые яркими харизматичными лидерами, среди которых, судя по письменным источникам и данным археологических раскопок, особое место занимали женщины.

Настоящая статья появилась в результате работы с коллекциями в музеях префектуры Фукуока

¹ В 1884 г. в квартале Яёй в Токио был найден сосуд, который позже был определен как «принадлежащий эпохе, пришедшей на смену культуре дзёмон». Приблизительно с 1896 г. понятие «керамика типа яёй», введенное Макита Содзиро, прочно вошло в научный оборот. В японской археологической литературе наряду с термином «культура яёй» используются также термины «период», «эпоха» и «традиция» яёй.

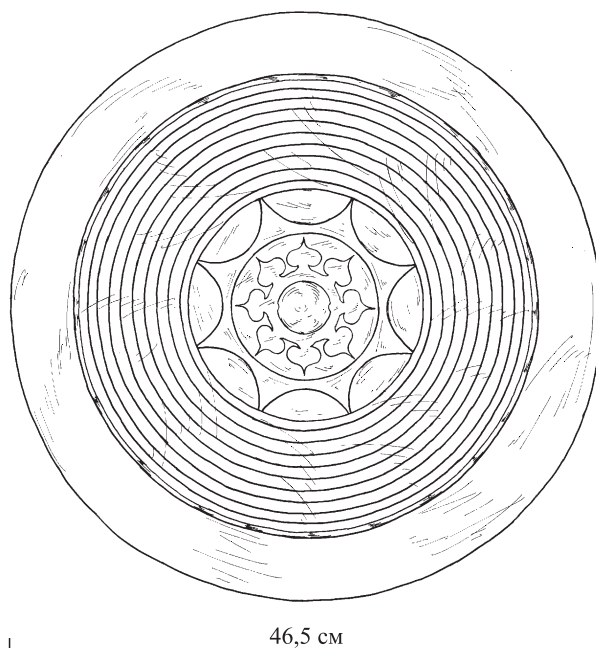
(о. Кюсю, Япония) и анализа большого объема литературы, посвященной феномену элитных женских погребений с большим количеством бронзовых зеркал. В качестве наиболее ярких примеров мы приводим данные по некрополям Сугу-Окамото, Микумо и Хирабару.

Некрополь Сугу-Окамото расположен в черте г. Фукуока. Его протяженность с севера на юг составляет 2 км, а с запада на восток – 1 км. Он обнаружен еще в 1899 г., наиболее активно изучался в 1979–1980 гг. В 1986 г. памятник был признан достоянием культурного наследия (на его месте построен Национальный исторический музей [6, с. 33–37; 7]), датируется средними поздними периодами культуры. Состоит из гробниц с насыпями, с погребальными урнами, а также площадок со следами бронзолитейного производства. Всего на памятнике зафиксировано около 300 погребений. Особого внимания заслуживает Комплекс D – гробница с погребальной урной, в которой находились останки женщины, и мегалитической конструкцией. Последняя выполнена из двух камней. Один лежит горизонтально на поверхности земли, а другой установлен вертикально, вплотную к первому. Размеры первого камня: 3,6 x 2 x 0,3 м, а второго 1,2 x 0,4 x 1,5 м. Погребальный инвентарь представлен разнообразным бронзовым оружием (алебарда, мечи, наконечники стрел), стеклянными украшениями *магатама* (каплевидные подвески) и *кудатама* (цилиндрические бусы), а также 32 бронзовыми зеркалами. Судя по дизайну – узорам, напоминающим буквы T, V, L, и изображениям четырех небожителей, зеркала были произведены в Китае в конце Ранней Хань. Обилие инвентаря и мегалитическая конструкция позволяют предполагать, что погребенная в урне женщина была представительницей высшей элиты, а сам могильник представлял собой семейный некрополь [8, с. 73; 9]. Подтверждения того, что погребенная обладала высоким статусом, присутствуют в китайских хрониках «Хоу Хань-шу» («История династии Поздняя Хань»). Здесь впервые встречается известие о посольстве одного из японских властителей в Китай: «Правитель государства На (Ну) восточных иноземцев Ва (Во) прислал послов и подношения». «На» фигурирует и далее в качестве названия одного из «государств». Археологически «На» отождествляется с комплексами Сугу-Окамото, Хиэ и Нака в префектуре Фукуока.

Погребения племенной элиты обнаружены также на памятнике Микумо (г. Итосима, префектура Фукуока). В китайских хрониках «Вэй чжи» («История династии Вэй») этот район описывался как «страна Ито».

В центре прямоугольной насыпи со рвом располагались две гробницы с погребальными урнами. Исходя из особенностей погребальных урн, специалисты отнесли их к среднему периоду культуры яёй. В гробнице № 1 погребен мужчина, а в гробнице № 2 – женщина. Оба уложены на спину, головой на северо-восток, ноги прижаты к груди. Внутри могильной ямы № 1, помимо урны, найдены бронзовые меч и алебарда, а также кувшин, покрытый киноварью. Основная же часть погребального инвентаря находилась внутри урны – бронзовые наконечники стрел, стеклянные бусы различных типов, бронзовое украшение-четырёхлистник и 35 бронзовых зеркал. Инвентарь женского погребения немногим уступает мужскому – 22 бронзовых зеркала, 20 подвесок-*магатама* из стекла и жадеита, все это свидетельствует о не менее высоком социальном положении погребенной. Все зеркала, найденные в погребениях, отнесены экспертами к раннеханьским [10, с. 73].

Самое эффектное женское погребение изучено в некрополе Хирабару. Он входит в группу памятников Сонэ (округ Итосима, префектура Фукуока), с 1982 г. внесен в национальный реестр. Некрополь состоит из пяти курганов, датированных поздним периодом яёй (середина II в. н.э.). Первый из курганов был раскопан известным японским исследователем Харада Дайроку еще в 1965 г., а остальные – в ходе специального проекта в 1988–1999 гг. Курган № 1 представляет собой окруженную канавкой насыпь прямоугольной формы 12 x 14 м, в центре которой находилась погребальная камера с гробом, выдолбленным из цельного ствола дерева. Вокруг прослеживаются лунки от 10 столбов, поддерживавших временную деревянную конструкцию. Еще две ямки от более крупных столбов (до 70 см в диаметре и 20 м высотой) зафиксированы к востоку от погребальной камеры. В самой камере найдены разнообразные изделия – янтарные и агатовые бусы, серьги, оружие, многочисленные фрагменты бронзовых зеркал. Из них реконструировано 40 зеркал – самое большое количество, известное для захоронений культуры яёй. В музейной реконструкции зеркала расположены вокруг погребенного, который находился, таким образом, в особом «магическом» пространстве. Все зеркала китайского типа, пять из них – с орнаментом «внутреннего цветка» (китайские образцы этого типа относятся к II–I вв. до н.э.), отличаются необычными размерами. Их диаметр – 46,5 см и вес каждого почти по 8 кг – это самые большие зеркала, известные не только в Японии, но и в Китае (см. рисунок) [11, с. 47]. Существует версия, что эти пять зеркал могли быть изготовлены в Японии по китайским образцам или с использованием китайских литейных форм. Большая часть материалов из раскопок кургана № 1 в силу своей уникальности объявлена национальным достоянием и хранится в Музее истории Ито-коку. В сопровождающих основную гробницу курганов № 2–5 инвентаря значительно меньше, найдено всего два небольших зеркала и около десятка разноцветных бусин.

Бронзовое зеркало с орнаментом «внутреннего цветка», диаметр – 46,5 см., вес – 8 кг. Некрополь Хирабару, префектура Фукуока

С уникальной гробницей в некрополе Хирабару многие японские и зарубежные авторы связывают имя легендарной правительницы страны Яматай – Химики (Пимико) (около 170–248 гг. н.э.)². Сведения о ней присутствуют в китайских, японских и корейских источниках. Они формируют в значительной степени мифологизированный образ «царицы-шаманки», искусного дипломата и военачальника, избранной для прекращения кровавых междоусобиц. Она была незамужней, никто не видел лица Химики, ее замок тщательно охранялся, на церемониях она появлялась закутанной в покрывала. Сообщается, что именно ей в 240 г. н.э. преподнесли в подарок 100 бронзовых зеркал из Китая. Примечательно и то, что после смерти Химики правительницей была выбрана еще одна шаманка – 13-летняя девочка.

Авторы настоящей публикации уверены, что связь зеркал и служителей культа не случайна. Зеркало – один из традиционных атрибутов шаманов у народов Северной и Восточной Азии. С возникновением и распространением металлургии зеркала становятся одним из предметов престижной экономики, а в погребальном инвентаре служат явным индикатором особого статуса покойного. В случае с элитными яёйскими погребениями на о. Кюсю мы наблюдаем интересное

² Некоторые археологи и историки в качестве возможной гробницы Химики рассматривают элитное погребение в кургане Сакураи Часуяма (префектура Нара, о. Хонсю). Общее количество бронзовых зеркал в нем может превышать 100 (в настоящее время реконструировано уже 81 зеркало).

развитие сразу нескольких процессов: переход от импорта бронзовых зеркал к изготовлению собственных или по импортным формам; появление в рамках престижных технологий предметов с гипертрофированными размерами; наделение вождя уникальными способностями управлять «магией» зеркал и постепенную институализацию зеркал в одну из священных японских регалий³.

Тема зеркал проявляется в самых разнообразных формах и в современной японской культуре (изобразительное искусство, кино, манга). Например, магия зеркал сопровождает персонажей рассказов известного японского писателя Эдогава Рампо. Один из героев (рассказ «Ад зеркал»), одержимый игрой в отражения, сходит с ума после того, как проводит время в зеркальной сфере (аналог гробницы) [12].

Авторы выражают искреннюю признательность научному сотруднику Музея Михо (Япония) канд. ист. наук С.В. Лаптеву за помощь с публикациями, посещением музеев и памятников, а также за ценные комментарии по сюжету статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чжонъ Хан Док. Ильбон-ый когахак (Археология Японии). Сеул, 2002. 332 с. (на корейском яз.).
2. Лаптев С.В. Очерки по археологии и истории Японии. М.: Моск. гос. ун-т леса, 2007. 98 с.
3. Воробьев М.В. Древняя Япония: историко-археологический очерк. М.: Вост. литература, 1958. 183 с.
4. Деревянко А.П. Культура Яёй и ее связи с материковыми культурами // Окладников А.П., Деревянко А.П. Археология Северной и Центральной Азии. М.: Наука, 1975. С. 138–148.
5. Арутюнов С.А. Период Яёй // Александров А.В., Арутюнов С.А., Бродянский Д.Л. Палеометалл северо-западной части Тихого океана. Владивосток: Дальневост. ун-т, 1982. С. 67–77.
6. Янагида Я. Ито-коку. Мигумо исэки гун (Государство Ито. Комплекс памятников в Мигумо) // Кикан ко:когаху («Квартальная археология»). Токио, 1995, № 51. С. 33–37 (на яп. яз.).
7. Накоку-но сюто. Сугу-Окамото исэки – Накоку-кара Ямагайкоку-э (Столица государства На. Памятник Сугу-Окамото – из государства На в государство Яматай) / под ред. Комитета по образованию г. Касуга. Токио: Ёсикава ко:бункан, 1994. 162 с. (на яп. яз.).
8. Лаптев С.В. Контакты древнего населения Японии с народами, проживавшими на территории Китая до VI в. н.э. М.: Моск. гос. ун-т леса, 2003. 262 с.
9. Сидзэн то исэки кара мита Фукуока но рэкиси (Природа и история г. Фукуока на основе анализов археологических памятников) / под ред. Комитета по образованию г. Фукуока. Фукуока: Фукуока-си кё:ику иинкай, 2013. 470 с. (на яп. яз.).
10. Лаптев С.В. Превращение зеркала в одну из трех священных регалий // Труды VIII междунар. симпозиума Междунар. науч. о-ва Синто «Синто и японская культура». М.: Макс Пресс, 2003. С. 13–19.
11. Сёва о какэта коукогахуся. Харата Дайроку: Итококу ни роман о мотомэта отоко (В погоне за археологом эпохи Сёва. Харата Дайроку: человек, искавший романтику в стране Ито). Итосима: Исторический музей страны Ито, 2010. С. 47 (на яп. яз.).
12. Рампо Э. Демоны Луны. СПб.: Кристалл, 2000. 864 с.

REFERENCES

1. Chjon Khan Dok. Archaeology of Japan, Seoul, 2002, 332 p. (In Korean)
2. Laptev S.V. Essays on the archaeology and history of Japan. Moscow, 2007, 98 p. (In Russ.)
3. Vorobyov M.V. Ancient Japan: The historical and archaeological essay. Moscow, 1958, 183 p. (In Russ.)
4. Derevianko A.P. Yayoi culture and its connections with the mainland cultures. Okladnikov A.P., Derevianko A.P. *Archeologiya Severnoj i Centralnoj Azii*. Moscow, 1975, pp. 138–148. (In Russ.)
5. Arutyunov S.A. Period of Yayoi culture. Aleksandrov A.V., Arutyunov S.A., Brodjanskij D.L. *Paleometall severozapadnoj Pasifiki, Vladivostok: Dalnevostochniy un-t*, 1982, pp. 67–77. (In Russ.)
6. Yanagida Y. The state of Ito. Complex of monuments in Migumo. *Quarterly Archaeology*, Tokyo, 1995, no. 51, pp. 33–37. (In Japan)
7. The capital of Na. Sugu-Okamoto Site. From Na to Yamatai. *Ed. Committee of Kasuga*, Tokyo, Yosikawa ko:bunkan, 1994, 162 p. (In Japan)
8. Laptev S.V. Contacts of the Ancient Japanese Population with Nations living in China in VI century AD. Moscow, 2003, 262 p. (In Russ.)
9. Nature and History of Fukuoka on the Basis of Archaeological Sites. *Educational Committee of Fukuoka*, Fukuoka, 2013, 470 p. (In Japan)
10. Laptev S.V. Transformation of the Mirror into one of the Three Sacred Regalia. *Trudy VIII mezhdunarodnogo simpoziuma mezhdunarodnogo nauchnogo obshchestva Sinto "Sinto i yaponskaya kultura"*. Moscow: Max Press, 2003, pp. 13–19. (In Russ.)
11. On the trace of archaeologist of Siova Epoch. Harada Dairoku: Man who was looking for the romance in the Country of Ito, Itoshima, Historical Museum of the Country Ito, 2010, p. 47 (In Japan)
12. Rampo E. The Demons of Moon. Sankt-Petersburg, 2000, 864 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 18.04.2016

³ Имеются в виду регалии или три священных сокровища Японии: бронзовое зеркало Ята-но кагами, подвески из яшмы, Ясакани-но магагата и меч Кусанаги-но цуруги.

DOI: 10.15372/HSS20160204
УДК 903.05

С.П. НЕСТЕРОВ

МАТЕРИАЛЫ ПО МОХЭСКОМУ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОМУ ПРОИЗВОДСТВУ С ОЗЕРА ДОЛГОГО В АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Сергей Павлович Нестеров,
д-р ист. наук, главный научный сотрудник,
Институт археологии и этнографии СО РАН
РФ, 630090, г. Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17
nesterov@archaeology.nsc.ru

В ходе археологических исследований в 2014 г. в Амурской области на памятнике Озеро Долгое, в заполнении глубокой воронки ямы № 17 обнаружены многочисленные находки железных криц, шлаков, фрагментов сосудов со следами высокотемпературного воздействия и отверстием в тулове под воздуходувное сопло и др., которые являются отходами металлургического производства. Все вместе они сложились в комплекс предметов, связанных с выплавкой небольших порций железа в керамических сосудах-горнах. Наличие производственного мусора в западине на поверхности террасы свидетельствует о том, что где-то рядом для выплавки металла существовала специальная постоянная площадка или помещение, которые периодически убирались и освобождались от отходов изготовления железа. Остатки от железоделательного производства принадлежат мохэ троицкой группы и датируются IX–X вв. н.э.

Ключевые слова: Амурская область, Озеро Долгое, мохэ, сосуд-горн, металлургическое производство.

S.P. NESTEROV

MATERIALS ON METALLURGICAL MANUFACTURE OF MOHE FROM LAKE DOLGOE IN THE AMUR REGION

Sergey P. Nesterov,
Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
17, Lavrentieva str., Novosibirsk, 630090, Russia,
e-mail: nesterov@archaeology.nsc.ru

In 2014, in the Amur region near the Amur River on the site Ozero Dolgoe two submarine pits were excavated. On the present-day surface submarine pit № 16 was rectangular in shape with rounded corners (4,2×5 m), steep sides and a depth of 46–52 cm. The submarine pit № 17 is square shaped with rounded corners (4,6×4,8 m), with steep slope, depth 40–51 cm. The stratigraphic and planigraphic observations, structure of the burnt wooden frames at the bottom of deep pits № 16 and № 17, and the discovered artifacts allowed to suggest that these are funerary complexes of Mohe of Troitskaya group dated from the VIII century. However, AMS 14C analysis of coal samples from the pit № 17 allowed to obtain the new dates – 1760±40 years ago (MTS-17572), cal. ±1σ 230-340 BC, ±2σ 139-385 BC, or the first half of the III–IV century. These dates are different from the previously proposed ones, therefore the discrepancy of 400-500 years in dating requires additional carbon dating of samples, and additional study of similar depressions (there are 41 of them left on the site). Findings from a filling of a deep funnel pit № 17 include 95 kg of glandular wreckage of krita of various sizes (total weight 1.55 kg), 89 pieces of slag (weight 0.4 kg); 200 fragments of pottery vessels from at least three groups of Mohe of Troitskaya group; a piece of iron armor plates and possibly fragment of an iron boiler; 17 riverine pebbles, 7 pebbles splintered, 2 stone, and 7 stone chippings and flakes, about 240 burnt animal bones. They have developed into a complex of objects associated with the smelting of small portions of iron in ceramic vessels-furnaces. Similar vessels for smelting of iron and bronze were found at the of Mohe settlement of Aspen Lake. The presence of industrial waste in a depression on the surface of the terrace suggests that somewhere near to metal smelting there was a special area or workshop, which was periodically cleaned and freed from the iron manufacturing waste. Remains of iron production belong to Mohe of Troitskaya group, and dated IX–X centuries.

Key words: Amur region, Long Lake, Mohe, ceramic vessels-furnaces, metallurgical production.

Памятник Озеро Долгое расположен в 10,4 км северо-западнее от р. Амур и примерно в 10 км северо-восточнее устья р. Буреи, на северном берегу оз. Долгое в Архаринском районе Амурской области, где зафиксировано 57 западин размерами от 3 до 7 м, глубиной до 85 см. В 2008 г. здесь были исследованы два жилища: одно – талаканской культуры (II в. до н.э. – III в. н.э.), другое – михайловской культуры (III–X вв. н.э.), оба датируются в пределах второй половины III–IV в. н.э.

В 2014 г. были раскопаны еще две западины. На современной поверхности западина № 16 имела подпрямоугольную форму с закругленными углами (4,2×5 м), крутые борта и глубину 46–52 см. Западина № 17 была подквадратной формы с закругленными углами (4,6×4,8 м), с крутыми склонами, глубиной 40–51 см. Стратиграфические и планиграфические наблюдения, конструкция сожженных деревянных рам на дне глубоких ям № 16 и 17, обнаруженные артефакты позволили предположить, что они являются погребальными комплексами троицкой группы мохэ VIII в.¹, не исключено, кенотафами, так как антропологический материал отсутствовал.

При засыпке этих ям в их середине специально были сформированы подпрямоугольные в плане глубокие воронковидные западины. В заполнении воронки ямы № 16 глубиной 84–86 см находки были единичными (17 шт.), в отличие от располагавшейся в 2 м севернее ямы № 17, где в заполнении воронки метровой глубины обнаружено более 650 находок.

Контур пятна западины № 17 на глубине 27–36 см² приобрел вытянутую с юго-запада на северо-восток форму размером 4,4×3,6 м. В нем обнаружены целая и расколота галька, 7 фрагментов керамики и скопления около 240 мелких, раздробленных обломков костей косули.

На уровне 36–41 см контуры пятна приобрели подовальную в плане форму (3,45×3,75 м) (рис. 1, 1). На юго-восточном склоне западины найден фрагмент доньшка сосуда троицкой группы мохэ. На глубине 46–66 см общие размеры пятна ямы № 17 составили 3,7×2,56 м, а воронки черного цвета в ее середине – 3,46×2,15 м. В ее пределах найдены железистые шлаки, 2 куски железной крицы и фрагменты керамики троицкой группы мохэ (рис. 1, 2).

На глубине 74–89 см контур внутреннего черного пятна стал вытянутой с юго-запада на северо-восток аморфной формы, размером 2,89×2,28 м. Наход-

ки в пределах воронки здесь более многочисленны в северной и южной частях (рис. 1, 3). Здесь обнаружено большое количество железистого шлака и криц, фрагментов керамики, каменный скол и три речные гальки, лежащие в ряд. Найден фрагмент стенки сосуда с ошлакованной поверхностью, которая образовалась в результате высокотемпературного воздействия (рис. 2, 2).

Размеры воронки аморфной формы на глубине 88–99 см составили 2,3×1,35 м. Находок в пределах черного пятна много, они залегают на разных уровнях (рис. 1, 4). Это фрагменты керамики; куски, в том числе их скопления, железистого шлака; железистые крицы; обломки костей животного. Три крупные гальки, лежащие в ряд, найдены в южном углу черного пятна воронки.

Развал сосуда троицкой группы мохэ обнаружен в воронке на глубине 108 см. Цвет – коричневый. Сохранилась верхняя часть горшка с валиком ниже венчика. На фрагментах тулова также имеется валик. Черепки данного сосуда, в том числе венчики, были найдены в разрозненном виде и на разных уровнях. Из обломков данного сосуда реставрируется его часть с отверстием в тулове, вокруг которого на внешней стороне имеется ошлакование от высокотемпературного воздействия (рис. 2, 1). Диаметр венчика сосуда – 19,5 см, высота сохранившейся части – около 19 см. Рядом с устьем горшка найден обломок панцирной пластины. Ее сохранившаяся длина 1,3–1,4 см, ширина 2,2 см, толщина 1 мм (рис. 2, 7).

На уровне 120 см контур ямы № 17 приобрел прямоугольную форму со слегка округлыми углами и слабоогнутой северо-западной и юго-восточной стеной. Черное пятно воронки в его середине уменьшилось и приобрело в плане вытянутую с юго-запада на северо-восток аморфную форму. Его размеры: длина – 1,46–1,96 м, ширина – 0,88–1,28 см. Основная масса находок оказалась сосредоточена в ее средней части (рис. 1, 5). Это обломки железистых шлаков, железистые крицы, обломки минимум от трех сосудов троицкой группы мохэ, фрагменты которых встречались выше по уровню заполнения. Найдена металлическая пластина (2,6–2,9×2,4–2,8 см) толщиной 4 мм (рис. 2, 6). Встреченные речные гальки имеют средние и крупные размеры. На некоторых фрагментах присутствуют следы копти и трещины от высокотемпературного нагрева (рис. 2, 9, 10).

Всего в заполнении воронки в яме № 17 обнаружено: 95 обломков железистой крицы разных размеров (рис. 2, 5, 8, 11) (общий вес 1,55 кг), 89 кусков шлака (вес 0,4 кг); около 200 фрагментов керамики минимум от трех сосудов троицкой группы мохэ (рис. 2, 1, 3, 4); 2 железных предмета; 17 речных галек, 7 расколотых галек, 2 камня, 7 каменных сколов и отщепов и около 240 костей животных (в основном косули).

В отличие от большого количества находок в заполнении воронки в яме № 17, артефакты с ее дна были немногочисленны. Это 6 костяных наконечников стрел, неорнаментированный фрагмент керамики и 21

¹ Однако по образцу угля из ямы № 17 методом AMS была получена дата 1760±40 л.н. (MTC-17572), кал. ±1σ 230–340 гг. н.э., ±2σ 139–385 гг. н.э., т.е. первая половине III–IV в. Она отличается от предложенной ранее даты, их расхождение на 400–500 лет требует дополнительного изучения и датирования аналогичных западин, которых на памятнике осталось примерно 41. Автор благодарит профессора Дай Куникита из Университета Токио за возможность воспользоваться результатом радиоуглеродного датирования.

² Во всех случаях послойной характеристики заполнения западины № 17 глубина уровня дается от условного нуля, принятого для раскопа 2014 г.

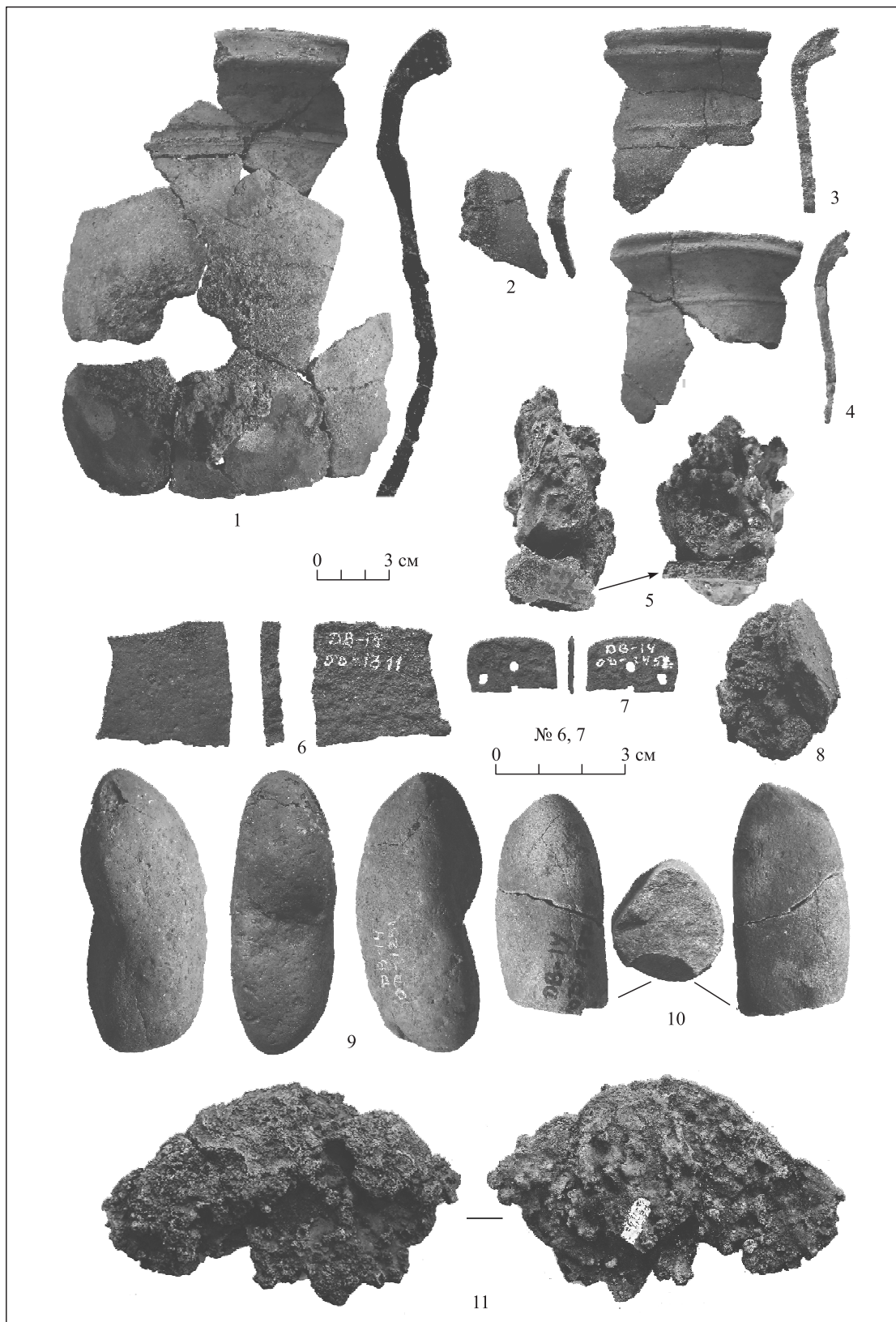

Рис. 2. Находки из заполнения воронки в яме № 17: 1–4 – фрагменты сосудов; 5, 8, 11 – обломки криц; 6 – железная пластина; 7 – панцирная пластина; 9–10 – гальки

галька. За периметром сожженной конструкции была найдена плитка-абразив, стоявшая вплотную к раме в вертикальном положении. Ее использовали в качестве камня для предотвращения сдвига деревянной рамы в этом месте (рис. 1, 5).

Состав находок из заполнения воронки в яме № 17, характер рассредоточения свидетельствуют о том, что в эту глубокую яму на поверхности террасы несколько раз выбрасывались отходы от железо-плавильного производства. Присутствие в «металлургическом» мусоре фрагмента железной панцирной пластины и пластины можно считать случайностью. Однако размеры обеих пластин не являются случайными. Они были специально обрублены до малых размеров для переплавки в небольшом горне. Если исходить из присутствия в яме остатков от трех сосудов, на тулове одного из которых есть отверстие под воздуходувное сопло, двух криц, к которым «приварились» фрагменты керамики (рис. 2, 5, 8), следы высокотемпературного воздействия на керамику (рис. 2, 1, 2), то можно предположить, что плавка железа происходила в керамических горшках.

Реконструируемая общая высота горшка с отверстием под сопло около 25 см (см. рис. 2, 1). Учитывая, что сопловое отверстие расположено примерно посередине тулова, выплавка железа осуществлялась небольшими порциями. Использование керамических сосудов в качестве горна для выплавки железа известно из средневекового жилища, раскопанного в 1965 г. на берегу оз. Осинового. Это небольшой фрагмент сильно оплавленного сосуда, на внутренней стенке которого присутствуют кусочки рудного сплава [1, с. 44–45, 203, табл. V]. Аналогичный сосуд-горн, но для переплавки бронзы, обнаружен здесь же в 2009 г. в жилище 2. Такой же способ плавки железа в сосудах-горнах известен в раннем железном веке на Ангаре [2, с. 168].

Все найденные в воронке крицы относятся к «спецкрицам» – неоднородному по составу, сильно загрязненному шлаком и пустотами слиткам металла. Прежде чем такую крицу использовать в производстве, нужно было из нее «выжечь шлак, сварить железо в более монолитный кусок, чтобы железо хорошо поддавалось проковке» [3, с. 98–99]. Не исключено, что на оз. Долгое мохэские металлурги в керамических сосудах-горнах могли получать спецкрицу из железной руды, о чем свидетельствуют приваренные к ней фрагменты керамики (видимо, сосуд развалил-

ся во время плавки), а также переплавлять спецкрицу и железный лом.

На практике керамические сосуды были основой в какой-то конструкции, хотя по имеющимся материалам из воронки трудно судить о горновом устройстве в целом. Однако обнаруженные здесь на разных уровнях крупные и средние по размерам гальки со следами копоти и камни, которые оказались в яме вместе с обломками железистых криц и шлаков как отработанный материал, позволяют предположить, что они также были использованы при устройстве плавильной печи, возможно в качестве обкладки сосуда-горна. Например, в конструкции двух мохэских печей-горнов на берегу р. Буреи (памятник Усть-Талакан) наряду с глиняной обмазкой были использованы и речные гальки [4, с. 177].

Наличие металлургического мусора в западине ямы № 17 свидетельствует также о том, что где-то рядом для выплавки металла имелась специальная постоянная площадка или помещение, которые периодически убирались и освобождались от отработанного материала и отходов производства.

Судя по обнаруженной керамике, глубокую западину на берегу оз. Долгое мохэские металлурги трицкой группы использовали для выброса отходов железоделательного производства в IX–X вв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Деревянко Е.И. Мохэские памятники на Среднем Амуре. Новосибирск, 1975. 250 с.
2. Гладilin А.В. Металлургия Среднеангарья // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск, 1985. С. 167–180.
3. Ленков В.Д. Металлургия и металлообработка у чжурчженей в XII веке (по материалам исследований Шайгинского городища). Новосибирск, 1974. 188 с.
4. Древности Буреи. Новосибирск, 2000. 352 с.

REFERENCES

1. Derevyanko E.I. Sites of Mohe in the Middle Amur. Novosibirsk, 1975. 250 p. (In Russ.)
2. Gladilin A.V. Metallurgy of the Middle Angara Region. *Arheologicheskie issledovaniya v rayonah novostroek Sibiri*. Novosibirsk, 1985, pp. 167–180 (In Russ.)
3. Lenkov V.D. Metallurgy and Metalworking of the Jurchens in the XII century (based on research of the Shayginskoe settlement). Novosibirsk, 1974. 188 p. (In Russ.)
4. *Antiquities of the Bureya*. Novosibirsk, 2000. 352 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 7.04.2016

DOI: 10.15372/HSS20160205
УДК 903.21

Ю. С. ХУДЯКОВ, Ю. А. ФИЛИППОВИЧ

**ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ И КОНСКОЙ СБРУИ
ИЗ КОЛЛЕКЦИИ СЛУЧАЙНЫХ НАХОДОК С РЕКИ ТЕСЬ
В МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЕ***

Юлий Сергеевич Худяков,
д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник,
Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17
e-mail: khudjakov@mail.ru
Юрий Александрович Филиппович, инженер,
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2

В статье анализируется коллекция находок железных предметов вооружения и конской сбруи из Минусинской котловины, которые могут относиться к культуре енисейских кыргызов. Особый интерес вызывает железный наконечник копья из этой коллекции с оригинальной конструкцией. Он ромбический с углублениями на гранях. В прошлом такие копья в курганах енисейских кыргызов не встречались. Среди находок имеется железный палаш с согнутым клинком и съемным перекрестьем. По особенностям конструкции эта находка относится к третьему типу палашей, которые имелись на вооружении енисейских кыргызских воинов в эпоху развитого Средневековья. Обнаруженные предметы вооружения могут происходить из захоронения енисейского кыргызского воина на возвышенности в долине р. Тесь в конце I – начале II тыс. н. э.

Ключевые слова: Южная Сибирь, енисейские кыргызы, железный век.

JU. S. KHUDYAKOV, YU.A. FILIPPOVITSH

**THE OBJECTS OF ARMAMENT AND HORSE HARNESS
FROM THE COLLECTION OF RANDOM FINDINGS
IN THE VALLEY OF TES' RIVER IN THE MINUSINSK HOLLOW**

Julius S. Khudyakov,
Doctor of Sciences, Professor, Chief Researcher,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
17, Ak. Lavrentyev str., Novosibirsk, 630090,
e-mail: khudjakov@mail.ru
Yuriy A. Filippovich, Engineer,
Novosibirsk national State University,
2, Pirogov str., Novosibirsk, 630090, Russia

The article analyzes the collection of finds - iron objects of armament and horse harness from the Minusinsk Hollow. Judging from the good state of preservation and bent blade of a broadsword they could belong to the culture of the Yenisei Kyrgyz. The iron tip of a spear from the collection is distinguished by its original design. The tip has a rhombic shape with indentations on the sides. The similar tips of spears in the burial mounds of the culture of the Yenisei Kyrgyz did not occur in the past. Among the objects there is an iron broadsword with bent blade and detachable guard. According to design features, this finding relates to the third type of broadswords that were in the inventory of the Yenisei Kyrgyz warriors in the era of the High Middle Ages. A horse harness from the collection has iron bits, composed of two elements with the rings on the ends. There are also two damaged iron stirrups with flat loops and apertures for threading the leather straps. The embossing ornament is drawn on the surfaces of the loops, that

*Исследование выполнено благодаря финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 10-50-00036.

reproduces a schematic image of a bird. Judging by the composition and form of the discovered objects of armament and harness from the Minusinsk Hollow, they could originate from the burial place of the Yenisei Kyrgyz warrior, buried in the uplands in the valley of Tes' River in the end of the first millennium – the beginning of the second millennium A.D.

The fact that among the weapons from the internment in the valley of Tes' River there is a broadsword, whose blade was bent twice for ritual purposes, and a spear of infrequent form, this burial mound could belong to the professional Kyrgyz warrior – combatant. In the past objects with similar shape were found by archaeologists in the course of excavations of burial mounds of the culture of the Yenisei Kyrgyz people in the territory of Tuva.

Key words: Southern Siberia, Yenisei Kyrgyz, iron tip of spear, broadsword, bits, stirrups, Minusinsk Hollow.

Предметом анализа в данной статье являются некоторые хорошо сохранившиеся железные предметы вооружения и конской сбруи. Они были случайно обнаружены местными жителями в 2010 г. в Минусинской котловине. По имеющимся сведениям, они были найдены на возвышенности, на берегу р. Тесь, в 5 км по направлению к р. Енисей от с. Троицкое Боградского района Хакасии. Обстоятельства обнаружения данной находки не известны.

В составе этой коллекции имеется железный наконечник копья, палаш с согнутым вдвое клинком, съемные перекрестье и навершие палаша, железные удила с однокольчатыми окончаниями звеньев и два стремена с пластинчатыми орнаментированными петлями и пластинчатой подножкой. По сведениям одного из авторов настоящей статьи – Ю. А. Филипповича, помимо этих находок, которые были им приобретены, в коллекции имелись поясные и сбруйные пряжки, бляшки, накладки, тесло и мотыга, железные трехлопастные, плоские и ромбические в сечении наконечники стрел. Несмотря на случайный характер обнаружения и приобретения только некоторой части предметов вооружения и конской сбруи из состава этой коллекции, данные находки могут представлять определенный интерес для специалистов по культуре средневекового населения Южной Сибири.

Железный наконечник копья из изучаемой коллекции следует выделить особо: его оригинальность – наличие ромбического в сечении пера и углублений на гранях. Он может быть выделен в самостоятельный тип.

Тун 1. Удлиненно-ромбические. Длина пера – 17 см, ширина пера – 3 см, длина втулки – 11 см. Наконечник имеет ромбическое в сечении перо удлиненно-ромбической формы с удлиненными углублениями на гранях, с затупленным острием, выемкой на одной из граней, покатыми плечиками и конической втулкой (рис. 1, 1).

В составе разработанной ранее классификации кыргызских копий подобных наконечников ранее не было зафиксировано. По сечению и форме пера данный наконечник копья близок ромбическим в сечении наконечникам удлиненно-ромбической формы, которые находились на вооружении у енисейских кыргызских воинов на протяжении раннего и развитого Средневековья [1, с. 56-58].

Палаш из данной коллекции можно отнести к выделенной ранее первой группе с трехгранным клинком и обоюдоострым острием, характерным для клинкового оружия средневековых енисейских кыргызов [2,

с. 16]. По форме перекрестья этот палаш можно отнести к третьему типу кыргызских палашей [1, с. 37–38].

Тун 3. С фигурной гардой. Длина клинка – 80 см, ширина клинка – 3 см, высота рукояти – 9 см. Палаш с длинным, прямым однолезвийным клинком, двулезвийным острием, упором, окаймленным узкой пластинчатой оковкой, прямым череном рукояти с выемками на одной из сторон и конце (рис. 1, 2, 3). Перекрестье сохранилось отдельно. Оно овальное в плане, с ромбическим расширением по центру, имеет округлые, дисковидные окончания. Внутри перекрестье пластинчатое с овальным отверстием для закрепления на упоре клинка. Между боковыми стенками перекрестья имеются треугольные выемки. Одна из сторон перекрестья повреждена разломом. Длина перекрестья – 10 см, ширина – 2,2 см (рис. 1, 4).

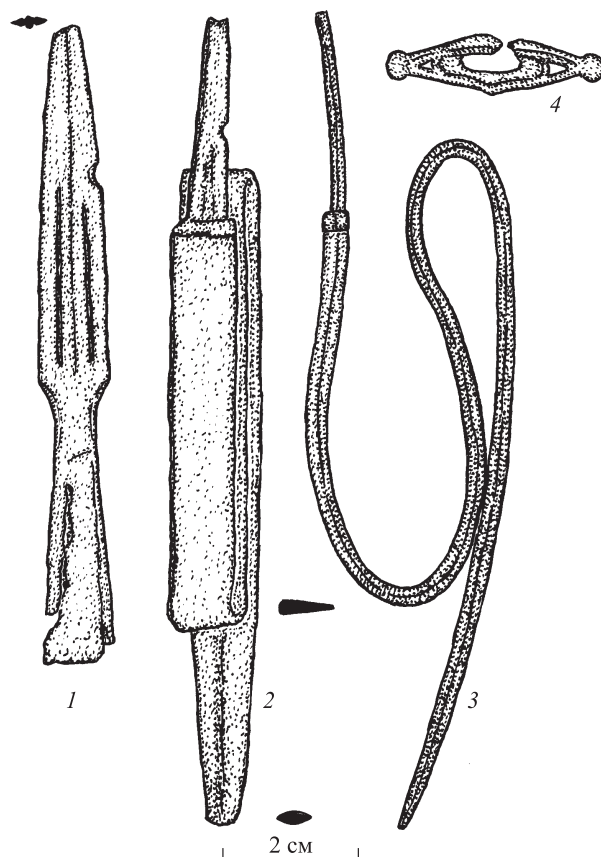

Рис. 1. Копье и палаш из коллекции с р. Тесь.

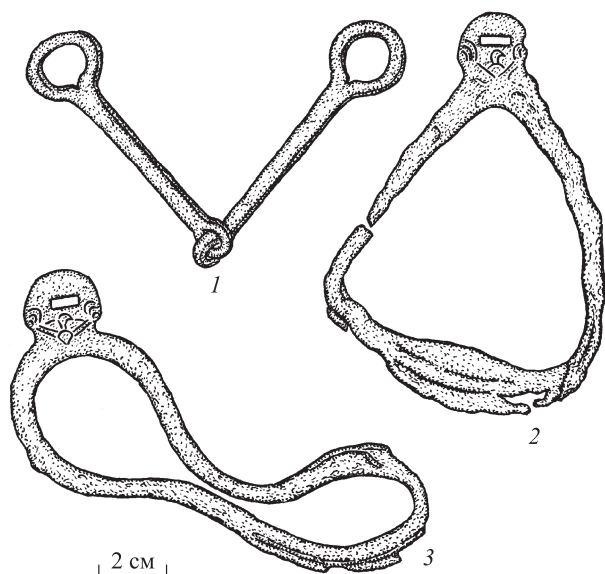

Рис. 2. Удила и стремяна из коллекции с р. Тесь.

Близкие по конструкции клинка и перекрестья палаши имелись у енисейских кыргызских воинов в эпоху развитого Средневековья [1, с. 39; 2, с. 17].

Среди предметов конской сбруи в изучаемой коллекции представлены железные удила. По конструктивным особенностям их можно отнести к типу двусоставных, с однокольчатыми окончаниями звеньев. Эти удила с прямоугольными в сечении звеньями, соединенными между собой с помощью продетых одно в другое округлых петель, и одинарными кольцевыми окончаниями. Одно из звеньев немного длиннее другого. Длина звеньев – 7–7,5 см, диаметр петель – 1,5 см, диаметр окончаний звеньев – 3 см (рис. 2, 1).

Подобные железные двусоставные удила с однокольчатыми окончаниями звеньев бытовали в кочевнических культурах Центрально-Азиатского историко-культурного региона в течение длительного периода, включая эпохи раннего железа, хунно-сяньбийского времени и Средневековья. В культуре енисейских кыргызов, минусинских тюрок и кыштымов аналогичные удила, наряду с другими формами удил, применялись на всем протяжении раннего и развитого Средневековья [3, с. 133, рис. 5, 47; 4, с. 83; 5, с. 134–135].

Среди сбруйных принадлежностей изучаемой коллекции особое внимание привлекают железные стремяна. Оба стремяна можно отнести к одному типу.

Тип 1. С пластинчатой петлей, полуовальным проемом и пластинчатой подножкой. Высота пластинчатой петли – 3,5 см, высота проема – 13 см, ширина проема – 13 см. (рис. 2, 2, 3). Петли имеют вид полуовальной пластины с уступами и шейкой при подходе к проему. В центре каждой петли прямоугольная прорезь для продевания ремня путлища. На нижней части петель, под отверстием, нанесен гравированный орнамент – стилизованное изображение птицы с повернутой вправо головой, маленьким туловищем и развер-

нутыми в разные стороны в «геральдической позе» крыльями, заканчивающимися выделенными изогнутыми перьями. Проем стремени окаймлен округлой в сечении железной дужкой. Подножка стремени оформлена в виде овальной пластины, раскованной в обе стороны от центрального выпуклого основания. Оба стремяна повреждены. У одного из них сломана дужка и частично обломана подножка. Дужка второго стремени смята, оба края подножки обломаны.

Несмотря на частичное повреждение, эти стремяна могут использоваться для уточнения хронологии всей коллекции находок. Стремяна со схожей по очертаниям пластинчатой петлей и плоской подножкой опубликованы А.А. Гавриловой среди предметов конского убранства из могильника Кудыргэ в Горном Алтае. Они были отнесены к кудыргинскому этапу древнетюркской культуры [6, табл. VII, 4; VIII, 9, 10]. Находки таких стремян известны из других древнетюркских памятников Горного Алтая [7, рис. 57, 10; 58, 7]. В памятниках культуры енисейских кыргызов похожие стремяна появились на завершающем этапе эпохи чаа-тасов. Близкие по форме железные стремяна с пластинчатой подножкой, выпуклым основанием и пластинчатой петлей с прямоугольным отверстием и полукруглым верхом были обнаружены в тайниках Копенского чаа-таса в Минусинской котловине [8, с. 41, рис. 43; 9, с. 35; 10, с. 330, табл. LIX, 5]. Близкое по форме стремя с пластинчатой петлей было найдено также в Уйбатском чаа-тасе [5, табл. VI, 14]. Аналогичные стремяна присутствуют в кыргызских памятниках эпохи Кыргызского Великодержавия IX–X вв., они были найдены в кыргызских захоронениях по обряду кремации и кимакских памятниках в Степном Алтае [4, с. 94, рис. 211, 2, 3, 9]. Судя по имеющимся аналогиям, данная пара стремян из состава изучаемой коллекции должна относиться к культуре енисейских кыргызов конца I тыс. н. э.

Вероятнее всего, изучаемый набор предметов оружия ближнего боя и конского снаряжения может принадлежать инвентарному комплексу кыргызского воина конца I – начала II тыс. н. э. Судя по ритуальному повреждению клинка палаша, эти предметы должны были входить в состав сопроводительного инвентаря кыргызского дружинного воинского погребения. К сожалению, изучение обнаруженных вместе с железных наконечников стрел, а также бляшек и накладок от поясных и уздечных ремней, которые являются характерными и обычными предметами для сопроводительного инвентаря большей части кыргызских воинских захоронений конца I – начала II тыс. н. э., исследованных в Саяно-Алтае, представляет трудности, поскольку эти изделия не были приобретены. Близкие по форме предметы вооружения и конской сбруи встречаются в кыргызских курганах в Туве [11, рис. 6, 1–4; 9, 1, 2; 12, 1–3; 15, 1–5; 24, 3, 4]. Вполне вероятно, что на возвышенности в долине р. Тесь было случайно обнаружено скопление предметов, входивших в состав сопроводительного инвентаря енисейского кыр-

гызского воина. Остается только выразить сожаление по поводу того, что этот весьма ценный для науки памятник не был исследован археологами, а обнаружен не специалистами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI – XII вв. Новосибирск, 1980. 176 с.
2. Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск, 1997. 160 с.
3. Левашова В. П. Два могильника кыргыз-хакасов // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1952. № 24. С. 121–136.
4. Могильников В. А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М., 2002. 362 с.
5. Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984. 175 с.
6. Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. 142 с.
7. Бобров В. В., Васютин А. С., Васютин С. А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III – VII века). Новосибирск, 2003. 224 с.
8. Евтюхова Л. А., Киселев С. В. Чаа-тас у села Копены // Труды Государственного исторического музея. М., 1940. Вып. XI. С. 21–54.
9. Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948. 110 с.
10. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири // Материалы и исследования по археологии СССР. М., Л., 1949. № 9. 364 с.
11. Нечаева Л. Г. Погребения с трупосожжением могильника Тора-Тал-Арты // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М.; Л., 1966. Т. II. С. 108–142.

REFERENCES

1. Khudyakov J. S. The armament of the Yenisei Kyrgyz people in the VI – XII centuries. Novosibirsk, 1980, 176 p. (In Russ.)
2. Khudyakov J. S. The armament of nomads of Southern Siberia and Central Asia in the era of the High Middle Ages. Novosibirsk, 1997, 160 p. (In Russ.)
3. Levashova V.P. Two burial grounds of the Kyrgyz-Khakas people. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. Moscow, 1952, no. 24, pp. 121–136 (In Russ.)
4. Moghilnikov V.A. The nomads of the northwestern foothills of the Altai Mountains in the IX – XI centuries. Moscow, 2002, 362 p. (In Russ.)
5. Savinov D.G. The people of Southern Siberia in the Old Turkic era. Leningrad, 1984, 175 p. (In Russ.)
6. Gavrilova A.A. The burial ground Kudyrgae as a source on history of the Altai tribes. Moscow; Leningrad, 1965, 142 p. (In Russ.)
7. Bobrov V.V., Vasutin A.S., Vasutin S.A. The Eastern Altai Mountains in the era of the Migration Period (III–VII centuries). Novosibirsk, 2003, 223 p. (In Russ.)
8. Yevtukhova L.A., Kiselev S.V. The tchaatas at the Kopeny Village. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeiya*. Moscow, 1940, ed. XI, pp. 21–54. (In Russ.)
9. Yevtukhova L.A. The archaeological monuments of the Yenisei Kyrgyz (Khakas) people. Abakan, 1948, 110 p. (In Russ.)
10. Kiselev S.V. The ancient history of Southern Siberia. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. Moscow; Leningrad, 1949, no. 9, 364 p. (In Russ.)
11. Nechayeva L. G. The interments with the cremation of the burial ground Tora-Tal-Arty. *Trudy Tuvinskoi kompleksnoi arkheologo-ethnographicheskoi ekspeditsii*. Moscow; Leningrad, 1966, vol. II, pp. 108–142 (In Russ.)

Статья принята
редакцией 14.04.2016

DOI: 10.15372/HSS20160206
УДК 903.26

Л.В. ТАТАУРОВА

**НАТЕЛЬНЫЕ КРЕСТЫ КАК КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ МАРКЕР
(ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ РУССКОГО КОМПЛЕКСА ИЗЮК-I)**

Лариса Вениаминовна Татаурова,
канд. ист. наук, доцент,
старший научный сотрудник,
Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН
РФ, 644024, г. Омск, пр. К. Маркса, 15
e-mail: Li-sa65@mail.ru

В статье на примере археологических материалов одного памятника предпринята попытка привлечь дополнительные критерии, позволяющие атрибутировать определенные типы нательных крестов как старообрядческие. Сделан вывод о том, что для отнесения определенных групп населения к течениям в православии необходимо использовать комплекс признаков, так как культовое медное литье XVII–XVIII вв. в качестве определяющего признака выступать не может. Впервые в научный оборот введена найденная в культурном слое поселения медная старообрядческая иконка.

Ключевые слова: археология Нового времени, медное культовое литье, христианство, конфессии, погребальный обряд.

L.V. TATAUROVA

**PECTORAL CROSSES AS CONFESSIONAL MARKERS
(ON ARCHAEOLOGICAL MATERIALS OF RUSSIAN COMPLEX IZYUK-I)**

Larissa V. Tataurova,
Candidate of Sciences (History),
Associated Professor, Senior,
Researcher of the sector of archaeology
Omsk Division of the Institute of Archaeology and Ethnography
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
15, Karl Marx str., 644024, Omsk, Russia,
e-mail: Li-sa65@mail.ru

An increasing amount of archaeological research on the monuments of Modern time in Siberia, along with publication of the received materials promoted the study of cult copper molding as a category of finds. On the basis of materials from the Ilim fortress V.I. Molodin has created a typology of crosses attributing them to the Old Belief or Catholic types. In regard to the Old Belief types of crosses it is stated that they can't be identity marks of confessional appurtenance of their owners because the same crosses were used also by the followers of official Orthodoxy.

The purpose of this article is to reveal signs of confessional distinctions on the basis of archaeological materials from the Russian complexes of Modern time. The author used materials of an archaeological monument of Izyuk-I (Omsk region). According to the written sources in the XVII–XIX centuries the majority of villagers in the settlement of Izyuk were Old Believers. The materials from a funeral complex showed that more than a quarter of collected crosses which were worn on the neck belong to the Old Belief types. They were classified by researchers as belonging to this type on the basis of analysis of their morphology and texts of prayers. It is possible that Old Believers also used other types of crosses as the texts of prayers could be missing or difficult to read because of low-quality molding. Another criterion could be position of hands of the buried, because according to the ethnographic data the arms of the Old Believers were folded in a certain way. The author comes to conclusion that certain groups of population can be attributed to various religious confessions only on the basis of a set of signs while the cult copper molding of the XVII–XVIII centuries can not be used as the defining feature. For this purpose it is necessary to analyze more profoundly an archaeological context, to correlate it with the available stavoграфические материалы and written sources. The pectoral cross found in one of burials is of special interest. The paper introduces for the first time into scientific circulation the copper Old Belief icon found in an occupation layer of the settlement with the image of Saint martyrs Quiricus and Julitta.

Key words: archeology of Modern time, copper cult molding, Christianity, faiths, funeral ceremony.

Выявление этнической и конфессиональной принадлежности населения в период освоения Сибири является важным аспектом, который влияет на определение роли этого населения в исторической модели прошлого. В археологии Нового времени помощь в решении данной задачи оказывают письменные источники. Однако они дают лишь описательную характеристику, например, элементов хозяйственной деятельности, духовной культуры, не обозначая материальные маркеры, которые могут быть понятны археологу.

Рассмотрим такой аспект, как религия. После реформ Никона в русском православии произошел раскол, следствием которого стало появление староверческих религиозных течений. В Сибири в XVII в. развивался процесс заселения и освоения территорий. Естественно, жители городов и деревень, в большинстве своем православные, далеко не все были последователями церковных нововведений. Однако конфессиональные особенности сложно проследить на археологическом памятнике, ведь основные элементы материальной культуры у староверов и никониан были идентичными.

Цель работы – выявить признаки конфессиональных различий на основе археологического материала русских комплексов Нового времени Западной Сибири.

Интересные результаты в плане обозначенной цели дали материалы, полученные в ходе изучения памятника Изюк-I (Большереченский район Омской области, раскопки автора 1999–2004 гг.) [1]. По архивным материалам датой основания этой русской деревни можно считать 1662 г. [2, с. 137], строилась она во время церковной реформы Никона. Верхняя граница – конец XIX в., хотя началом разъезда деревни считают 1796 г. [2, с. 141]. Монетный комплекс Изюка дает нам даты от 1726 г. до 1891 г. [1, с. 9].

В 2000 г. после опубликования мною первых результатов раскопок погребального комплекса вопрос о конфессиональной принадлежности жителей Изюка (она же Евгацино) стал предметом дискуссии [1, с. 25, 26; 2, с. 137]. Позднее на основании письменных источников был сделан вывод, что большую часть жителей Изюка составляли староверы-поморцы [2, с. 144, 145]. В 1701 г. из 18 семей, проживавших в деревне, 16 были староверами. В разное время в течение XVIII в. и в 1801 г. из 175 семей 158 считали себя староверами. Из 40 семей, проживавших в Изюке в 1801 г., 39 были старообрядцами [2, с. 138].

Комплекс материальной культуры, выявленный при археологическом исследовании памятника Изюк-I, как уже говорилось выше, представляет общерусские традиции [3, с. 174–242]. Из всей совокупности артефактов только культовое медное литье, как основной, но не единственный конфессиональный признак, может способствовать достижению поставленной цели.

Изучение этого вида медной пластики в Сибири заметно активизировалось в последние десятилетия. Связано это с изданием каталогов музейных коллек-

ций и активизацией археологических исследований памятников Нового времени, как аборигенного, так и русского населения [4; 5; 6; 7; 8]. Опубликованные работы в основном посвящены нательным крестам: разработана типология, сделаны попытки проследить конфессиональную принадлежность их владельцев [6; 9; 10]. Однако вопросы выделения в общей массе ставрографического материала предметов культового литья, относящегося к старообрядческим традициям, только поставлены [10, с. 106–122; 11, с. 202–221].

Причин несколько: опубликованные музейные коллекции формировались в XIX–XX вв., и недостатком этих источников является отсутствие документации об их происхождении [4; 7, с. 93–95]; в большинстве работ, характеризующих музейные и археологические материалы, предметы, относимые к староверческим, детально не рассматриваются, а зачастую относятся к старообрядческим на основании анализа публикаций; русское население Сибири в XVII–XVIII вв. как до, так и после церковного раскола продолжало использовать «старообрядческое» культовое медное литье, за неимением «никонианских» крестов [11, с. 213], которое стало более востребованным в связи с указами Петра I от 1722–1723 гг. [12, с. 46; 13, с. 208].

Из сказанного следует вопрос: насколько вообще возможно выявление конфессиональных групп в составе населения изучаемого памятника по наличию культового медного литья?

Г.Х. Самигулов в ряде публикаций на эту тему пришел к выводу, что привлечение нательных крестов как конфессионального маркера некорректно, так как этими изделиями пользовались в XVIII–XIX вв. православные всех течений в России [11, с. 217]. Полностью согласна с исследователем в том, что для решения вопроса об отнесении разных типов медной пластики к той или иной ветви православия необходима публикация всей массы имеющегося археологического и музейного материала. Это создаст серьезную источниковую базу, но вряд ли позволит решить однозначно, какие типы крестов станут конфессионально знаковыми. Во-первых, отчасти в силу указанных выше причин; во-вторых, большая часть археологических находок литья имеет разное качество отливки и сохранность, что особенно важно для выявления морфологических особенностей и прочтения титла с лицевой стороны и текста молитвы на обороте. Исходя из анализа материалов моих коллекций, следует отметить, что не на всех экземплярах молитва присутствует (есть много случаев, когда обратная сторона гладкая), а на части находок текст не читается. Это связано с качеством изготовления предметов. Например, во второй половине XIX в. в Западной Сибири среди старообрядцев-литейщиков медных изделий бытовала практика устраивать мастерские на конных повозках. Они возили с собой все необходимое оборудование для литья крестов [13, с. 208], по мере необходимости изготавливали их, и, вероятно, тут же распространяли. Говорить о высоком качестве таких изделий не приходится. По-

добная практика медного литья, вероятно, имела место и в более раннее время.

Каким мне видится выход? Во-первых, не стоит разрушать «до основания» созданные концепции выделения старообрядческих предметов. Во-вторых (и это касается археологического материала), более скрупулезно следует относиться к контексту обнаружения крестов и интерпретации этого контекста; в-третьих, необходимо выявить другие признаки, позволяющие определять конфессиональные особенности.

Главным критерием в работе с материалом является его привязка к региону, памятнику, исторической ситуации. В этом плане показательны археологические коллекции: они получены из культурного слоя, имеют относительную, а иногда и абсолютную датировку, связаны с определенной этнической группой, то есть включены в исторический контекст, с которым можно соотнести данные письменных источников.

Например, по материалам кладбища Илимского острога В.И. Молодин на основании анализа определенных типов крестов выделяет старообрядческий компонент в составе населения (около 15 %), который относит к XVIII – XIX вв. [6, с. 106–122]. Конечно, нельзя говорить о том, что этот процент был стабильным в обозначенный период времени. Рассмотрение другой группы предметов культового медного литья позволило исследователю выявить среди населения Илимского острога присутствие приверженцев католической ветви христианства [10, с. 123–135]. И.М. Бердников на материалах Иркутска выделяет захоронения с католическими крестами [9, с. 138–165; 14, с. 164–178]. На мой взгляд, эти ставрографические материалы выступают конфессиональным признаком.

Возвращаясь к археологическим материалам д. Изюк, постараемся выделить черты, которые могут указывать на принадлежность ее жителей к староверам.

Начнем с анализа предметов культового медного литья, найденных при изучении кладбища д. Изюк, где археологически изучено 262 могилы. У 80 % погребенных зафиксированы нательные крестики – всего 207 [15, с. 158]. Их систематизация по типам выполнена И.Д. Кромм, на основании чего сделана попытка их датировки [16, с. 222–226].

Ряд исследователей культового медного литья, используя искусствоведческий, культурологический и исторический подходы, пришли к выводу, что к старообрядческим относятся кресты типа 1, подтипа 1 (мужской) и типа 5, подтипа 1 (женский) [10, с. 106–122; 17, с. 334–351]. Попробуем проанализировать их в контексте изучаемого памятника. Эти типы тельников в собрании Изюка представлены: тип 1, подтип 1 – 29 экз., тип 5 – 38, т. е. всего 67, что в совокупности более четверти всей коллекции. Необходимо отметить, что 99 крестов относятся к типу 1, подтипу 2 [16, с. 224].

Рассмотрим распространение старообрядческих типов крестов во взрослых погребениях. Из 53 женских захоронений кресты обнаружены в 45, старооб-

рядческие – в 25. В 18 из них – кресты 5-го типа, тип 1, подтип 1 представлен в 7 могилах. В 28 мужских захоронениях зафиксировано 20 крестиков, из них 6 старообрядческих относятся к типу 1 подтипу 1.

Еще одной чертой погребального обряда староверов можно считать положение рук умершего. В материалах Изюка их зафиксировано 13 вариантов [1, с. 98]. Особенности в положении рук отмечены и на других археологических памятниках Нового времени, что интерпретируется как конфессиональные различия [18, с. 135]. По православным канонам руки умершего должны быть уложены на груди крестообразно, правая сверху. По данным этнографии – для мирян руки должны быть скрещены на груди, правая на левой; для старообрядцев – руки согнуты в локтях поперек туловища, правая сверху, пальцы «крестиком» [19, с. 193].

Проследим сочетание указанных признаков: положение рук поперек туловища и тип нательного креста.

В женской серии в 23 погребениях зафиксировано положение рук поперек туловища, в 10 из них – старообрядческие кресты; руки, скрещенные на груди, отмечены в одном случае, но вместе с крестом 5-го типа. 15 погребений по положению рук можно отнести к «переходным» формам: правая рука лежит на поясе, а левая на груди, или левая рука лежит на поясе, а правая в области сердца. В шести погребениях с «переходным» положением рук – старообрядческие крестики.

В серии мужских погребений с положением рук похожая картина: в 12 они расположены поперек туловища, но только в четырех погребениях были старообрядческие кресты 1-го типа. В шести случаях руки скрещены на груди (причем в пяти из них левая рука лежала на правой), кресты либо отсутствуют, либо относятся ко 2-му подтипу типа 1, в одном захоронении наперсный крест. «Переходные» формы встречены семь раз, два с крестами 1 типа, подтипа 1.

Рассматривать представительную детскую серию по сочетанию типов крестов и положению рук не объективно. Детские погребения имели плохую сохранность, особенности положения рук не всегда прослеживались. По крестам такая статистика: на 183 ребенка – 142 крестика, из них 54 можно отнести к старообрядческим, преобладает тип 1.

Анализ планиграфии и стратиграфии могил на кладбище Изюка позволил сделать вывод о семейном принципе расположения погребений, на основе чего выделено 32 комплекса [1, с. 113–135]. Развитие кладбища происходило постепенно, но по археологическому материалу невозможно определить временную динамику этого процесса. Соотношение типов крестов внутри выделенных комплексов различное, имеются комплексы, где у всех погребенных найдены только старообрядческие крестики. Но чаще – это тип 1, подтипы 1,2 и тип 5. А.А. Крих для жителей д. Евгашино отмечает, что «нормальной ситуацией являлась принадлежность членов одной семьи к разным религиозным традициям» [2, с. 145]. Хотя этому, возможно, есть и другое объяснение. Как сказано выше, не все кресты

на обороте имеют молитву (оборот креста гладкий), а на многих она не читается. На лицевой стороне все старообрядческие каноны соблюдены: восьмиконечный Голгофский крест, титулы ЦРЬ СЛЫ (Царь Славы), ИС ХС (Иисус Христос), НИКА. Может быть, за неимением противоречия (текста молитвы) эти кресты тоже могли быть востребованы у староверов.

Еще одной чертой культуры староверов считается использование для погребения долбленых колод [19, с. 195]. На Изюке только три захоронения являются исключением из этого правила: два взрослых женских – в гробах из досок, у умерших старообрядческие крестики 1-го типа, руки – одна на поясе, другая – на груди; и одно детское – в люльке без крестика. Однако колоды для взрослых погребений, вероятно, стоит считать старообрядческим маркером для XIX в., когда происходит массовый переход к захоронениям в дощатых гробах [1, с. 93,94].

В контексте анализа культового литья стоит остановиться еще на нескольких сюжетах. В мужском погребении вместо обычного тельника был обнаружен наперсный крест [15, с. 161]. Его владелец, вероятно, имел священнический сан [20, с. 233, 234]. Интересно парное захоронение в колоде женщины около 45 лет со сложенными поперек туловища руками, но крест 7-го типа с распятием, исследователи относят такие к католическим [9, с. 170; 10, с. 125, 131], у нее в ногах младенец со старообрядческим крестом. Уникальным можно считать крест из детского (около 2 лет) погребения, на одной стороне которого распятый Иисус, на обороте – Дева Мария с младенцем [15, с. 161], аналогичный найден в г. Иркутске и интерпретируется как католический [9, с. 149, 160].

Внимания заслуживает еще один предмет культового литья. В нижнем уровне культурного слоя поселения была обнаружена бронзовая иконка-образок с изображением святых мучеников Кирика и Улиты (см. рисунок).

Иконка размером 5,3 на 3,0 см, толщиной 0,1 см. Наверху с изображением Спаса Нерукотворного оконтурено резным бортиком. Край образка тоже с бортиком, внутри мученица Улита с крестом в руке, и Кирик со сложенными на груди руками. В левом верхнем углу нечитаемые буквы, в нижнем правом – цветок лотоса. Обратная сторона гладкая, наверху имеется петелька, но без отверстия. В публикациях подобные образки встречены в каталогах музейных коллекций с краткими описаниями [4, с. 98; 7, с. 95]. Аналогии из археологических памятников мне не известны.

Святые мученики Кирик и Улита, как гонимые и принявшие смерть за веру, особо почитались у старообрядцев, которые считали их своими покровителями. Этим святым молились женщины за здоровье детей [21, с. 8]. Образки использовались как средники трехстворчатых складней или в составе врезных икон [13, с. 208; 21, № 202, 203]. К сожалению, из археологического контекста к его интерпретации ничего нельзя добавить, он был найден в межжилищном пространстве.

Бронзовая иконка с изображением Кирика и Улиты с поселения Изюк-1 (Омская область).

Таким образом, по письменным источникам в д. Изюк большинство населения принадлежало к староверам поморского толка; более четверти всех обнаруженных крестов относится к старообрядческим типам, из 80 взрослых, похороненных на кладбище, у 35 руки сложены поперек тела, у 22 «переходные» формы положения рук. В поселенческом слое найдена почитаемая у старообрядцев икона.

Для отнесения определенных групп населения к тому или иному течению в православии необходимо использовать комплекс признаков, что требует тщательного анализа археологического контекста, соотнесения его с имеющимся ставрографическим материалом и письменными источниками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Татаурова Л.В. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII–XIX вв. по материалам комплекса Изюк-1. Омск, 2010. 284 с.
2. Крих А.А. Этническая история русского населения Среднего Прииртышья (XVII–XX века). Омск, 2012. 295 с.
3. Татаурова Л.В., Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., Тихомиров К.Н., Тихонов С.С. Адаптация русских в Западной Сибири

в конце XVI–XVIII веках (по материалам археологических исследований). Омск, 2014. 374 с.

4. Карпенко Е.В. Медное художественное литье XII–XX вв. в собрании Национального художественного музея Республики Беларусь. Каталог. Минск, 2004. 178 с.

5. Русский православный крест в собрании Российского этнографического музея. СПб., 2007. 348 с.

6. Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск, 2007. 248 с.

7. Исаева Н.Н. Из опыта каталогизации коллекции медного литья Красноярского музея // Русское медное литье М., 1993. Вып. 2. С.93–103.

8. Боброва А.И. Нателные кресты с Тискинского могильника // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 4 (20). С.107–115.

9. Бердников И.М. Нателные кресты, иконы и образки из раскопок Крестовоздвиженского некрополя (г. Иркутск) // Известия Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология, этнология, антропология, 2012. № 1 (1). С.138–165.

10. Молодин В.И. Очерки по ставрографии. Красноярск, 2008. 164 с.

11. Самигулов Г.Х. Еще раз о литых крестах-тельниках конца XVII – середины XIX века (к вопросу о старообрядческих крестах) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2008. С. 202–221.

12. Захарова С.О. Становление и развитие старообрядческих центров медного литья // Вестник Чел. гос. ун-та, 1999. № 1 (9). Серия 1. История. С. 44–49.

13. Белобородов С.А., Гончаров Ю.А. Старообрядческая иконописная традиция и меднолитейный промысел в Зауралье в XVII – начале XX в. // Сибирская икона. Омск, 1999. С.207–212.

14. Бердников И.М. Кресты-тельники из раскопок некрополя Спасской церкви города Иркутска // Вестник НГУ. 2012. Т. II, вып. 7. С.164–178.

15. Татаурова Л.В. Характеристика ставрографических материалов комплекса Изюк-I // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Омск, 2012. Т. 12. С. 158–162.

16. Кромм И.Д., Бердников И.М. Выявление возможности датирования ставрографической коллекции Омского Прииртышья методом сравнительного анализа с материалами из некролей г. Иркутска // Вестн. Ом. гос. ун-та, 2012. № 4. С. 222–226.

17. Винокурова Э.П. Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы. XVII век. М., 1999. С. 326–360.

18. Самигулов Г.Х. Первое челябинское кладбище (по итогам археологических раскопок) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2002. С. 133–136.

19. Бардина П.Е. Быт русских сибиряков Томского края. Томск, 1995. 223 с.

20. Кромм И.Д. Наперсный крест из русского погребального комплекса Изюк I // Археология, этнография, палеоэкология Северной Евразии. Красноярск, 2011. С. 232–234.

21. Гнutowa С.В., Зотова Е.Я. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI – начала XX века. М., 2000. 136 с.

REFERENCES

1. Tataurova L.V. The Funeral Rite of the Russians in the Middle Irtysh XVII–XIX Centuries, Based on Complex Izyuk-I. Omsk, 2010, 284 p. (In Russ.)

2. Krikkh A.A. Ethnic History of the Russian Population in the Middle Irtysh Region (XVII–XX centuries). Omsk, 2012, 295 p. (In Russ.)

3. Tataurova L.V., Tataurov S.F., Tataurov F.S., Tikhomirov K.N., Tikhonov S.S. Adaptation of Russians in Western Siberia at the End of the XVI – Beginning of the XVIII centuries (on the materials of archaeological studies). Omsk, 2014, 374 p. (In Russ.)

4. Karpenko E.V. Art copper castings of the XIX–XX centuries in the collection of the National Art Museum of Belarus. Minsk, 2004, 178 p. (In Russ.)

5. Russian Orthodox crosses in the collection of the Russian Ethnographic Museum. SPb, 2007, 348 p. (In Russ.)

6. Molodin V.I. Crosses worn on the neck from the Ilim fortress. Novosibirsk, 2007, 248 p. (In Russ.)

7. Isaeva N.N. From the experience of cataloging the collection of copper castings in Krasnoyarsk Museum. Russkoe mednoye lit'e. M., 1993, pp. 93–103 (In Russ.)

8. Bobrova A.I. Crosses worn on the neck of the Tiskinskii Necropolis. Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii. 2004, no. 4 (20), pp. 107–115 (In Russ.)

9. Berdnikov I.M. Crosses worn on the neck, icons and small icons from the excavations of the Krestovozdvizhenskii necropolis (Irkutsk). Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya geoarkheologiya, etnologiya, antropologiya. 2012, no. 1 (1), pp. 138–165 (In Russ.)

10. Molodin V.I. Essays on history of the Orthodox cross. Krasnoyarsk, 2008, 164 p. (In Russ.)

11. Samigulov G.Kh. Once again about castings of crosses worn on the neck in the end XVIII – the middle of XIX century (the issue of the Old Believers Cross). Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh. Omsk, 2008, pp. 202–221 (In Russ.)

12. Zakharova S.O. Formation and development of centers of Old Believers copper casting. Vestnik Chelyabinskogo universiteta, 1999, no. 1 (9), Seriya 1. Istoriya, pp. 44–49 (In Russ.)

13. Beloborodov S.A., Goncharov Iu.A. Old Believers iconographic tradition and copper castings craft in the Urals region in XVII – the beginning of XX century. Sibirskaya ikona. Omsk, 1999, pp. 207–212 (In Russ.)

14. Berdnikov I.M. Crosses worn on the neck from the excavations of the Spasskii Church in Irkutsk. Vestnik NGU. 2012, vol. II, issue 7, pp. 164–178 (In Russ.)

15. Tataurova L.V. Characterization of stavrography materials of complex Izyuk-I. Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: problemy kul'tury i sotsiuma. Omsk, 2012, vol. 12, pp. 158–162 (In Russ.)

16. Kromm I.D., Berdnikov I.M. Identifying opportunities for dating stavrography collection of Omsk Irtysh region based on the comparative analysis of the materials from Irkutsk necropolis. Vestnik Omskogo universiteta. Omsk, 2012, no. 4, pp. 222–226 (In Russ.)

17. Vinokurova E.P. Metal casting crosses worn on the neck of XVII century. Kul'tura srednevekovoi Moskvy. XVII vek. M., 1999, pp. 326–360 (In Russ.)

18. Samigulov G.Kh. First Chelyabinsk necropolis (on the results of archaeological excavations). Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh. Omsk, 2002, pp. 133–136 (In Russ.)

19. Bardina P.E. Life of the Russian Siberians of the Tomsk Krai. Tomsk, 1995, 223 p. (In Russ.)

20. Kromm I.D. Pectoral orthodox cross in the Russian necropolis Izyuk-I. Arkheologiya, etnografiya, paleoekologiya Severnoi Evrazii. Krasnoyarsk, 2011, pp. 232–234. (In Russ.)

21. Gnutowa S.V., Zotova E.Ia. Crosses worn on the neck, icons and folding icons. Art copper casting at the beginning of XX century. Moscow, 2000, 136 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 14.04.2016

ЭТНОГРАФИЯ

DOI: 10.15372/HSS20160207
УДК 39+72+694

А.Ю. МАЙНИЧЕВА

МЕТОДИКА ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ РАССЕЛЕНИЯ РУССКИХ В СИБИРИ: КУЛЬТУРА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Анна Юрьевна Майничева,
д-р. ист. наук, ведущий научный сотрудник,
Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17
e-mail: annmaini@gmail.com

В статье рассмотрены основные методические приемы, разработанные и апробированные в полевых условиях автором для проведения этнографических обследований расселения русских в Сибири. Новизна работы связана с тем, что впервые при составлении методик и программ особое внимание уделено устойчивости и изменчивости мировоззренческих аспектов культуры жизнеобеспечения. Существенную роль в разработанной методике играют специфическим этнографические приемы: непосредственное наблюдение, опросы, интервью. Предлагается применять метод моделирования, при построении модели рекомендуется выбирать существенные характеристики, описывающие модель расселения (принципы и особенности расселения, коммуникации, месторасположение, планировочная структура поселений). Моделирование позволяет в полной мере учесть как диахронные, так и синхронные трансформации, выделить роль мировоззренческих установок.

Ключевые слова: культура жизнеобеспечения, мировоззрение, расселение, русские, Сибирь.

A.Y. MAINICHEVA

TECHNIQUES OF ETHNOGRAPHIC STUDIES OF RUSSIAN LOCATION IN SIBERIA: CULTURE OF LIFE SUPPORT AND WORLDVIEW

Anna Y. Mainicheva,
Dr. of Historical Sciences, Leading Researcher,
Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS,
17, Ak. Lavrentiev str., 630090, Novosibirsk, Russia,
e-mail: annmaini@gmail.com

The article reports about identifying ways to preserve stability as well as to change the Russian location in Siberia during the XVII – early XXI centuries in the worldview aspect of the culture of life support. An important objective in this area is to study the structure of the location and to establish the laws underlying the choice of location and layout of settlements as one of the important elements of the culture of life support. This article discusses some of the principles underlying the selection of methods and programming ethnographic survey of Russian location in Siberia. Modeling method is used to organize the available data on location. To this end, one selects essential characteristics describing with a certain degree of approximation a settlement pattern. They include principles and features of a settlement, communications of the population, location and plan structure of settlements. Modeling allows to consider both the diachronic and synchronous transformations; to reveal worldview attitudes. Working with the model requires the collection of specific data in order to form the source base. Materials are collected and studied on the basis of various

sources which include the principles and structure of the location, system of communications; settlements directly described and studied on the spot, informants' tales about location and settlements, geographic and topographic maps etc. Much attention is paid to the specific ethnographic research methods: method of direct observation, polling method, interviewing.

Key words: culture of life support, worldview, settlement, Russians, Siberia.

Выявление способов сохранения устойчивости и путей изменений в системе расселения русских в Сибири на протяжении XVII – начала XXI вв. является одним из направлений исследования мировоззренческих аспектов культуры жизнеобеспечения. Важной задачей в этой области является изучение структуры расселения и установление закономерностей, касающихся выбора локализации и планировки поселений как одного из важных элементов культуры жизнеобеспечения. Работа в этом направлении была начата [1, 2, 3, 4, 5], однако методические приемы, применяемые для достижения поставленной цели, пока недостаточно разработаны, поэтому в данной статье рассматриваются некоторые принципы выбора методики и составления программ этнографического обследования расселения русских в Сибири.

Для систематизации данных по расселению предлагается применить метод моделирования: выбираются существенные характеристики, с определенной степенью приближения описывающие модель расселения. К ним можно отнести принципы и особенности расселения, коммуникации населения, месторасположение и планировочную структуру поселений. Моделирование позволяет в полной мере учесть как диахронные, так и синхронные трансформации, выделить роль мировоззренческих установок. Для работы с моделью требуется сбор конкретных данных, формирующую источниковую базу. Источниками для сбора и изучения материала являются принципы и структура расселения, система коммуникации; поселения, непосредственно описываемые и изучаемые на месте; рассказы информантов, посвященные расселению и самим поселениям; географические и топографические карты; фотоснимки, отражающие внешний вид поселений и находящиеся в музейных и в частных собраниях; художественные произведения (гравюры, картины, скульптура) при условии достоверной передачи этнографической специфики; литературные источники, малые формы фольклора; данные ономастики и языка; сведения из архивных источников; археологические памятники (наскальные изображения, остатки поселений и т.п.).

До выезда на место проведения работ требуется проанализировать имеющуюся научную литературу по изучаемому региону и выделенным поселениям. Необходимо ознакомиться с опубликованными статьями, заметками и отчетами предшествующих исследователей, выделить отмеченные особенности расселения и систематизировать факты, касающиеся избранной тематики. В обследуемом регионе сведения о расселении получают благодаря непосредственному наблюдению, интервьюированию и опросу местных жителей, т. е. используются специфические методи-

ческие приемы этнографии. Кроме того, потребуется работа с материалами краеведческих музеев, архивов, местных учреждений (администраций, отделов архитектуры и культуры, библиотек), где хранятся документы, карты, чертежи, неопубликованные заметки и дневники местных краеведов. Большую помощь при сборе материалов оказывают работники различных учреждений культуры, учителя, краеведы, общественники – все те, кто интересуется местной историей, хозяйством, бытом населения и может стать экспертами.

Важным источником информации о расселении являются сведения, полученные от местных жителей, – как издавна проживающих в данной местности, так и новоселов. Поскольку трансформация расселения и развитие поселений выясняются в исторической ретроспективе, то следует обращаться к лицам старшего возраста. У людей среднего возраста можно получить сведения, которые сообщали им представители старшего поколения. Желательно узнать о наличии в семейных архивах фотографий, документов, записок о землепользовании и скопировать их. Если информант – приезжий, необходимо выяснить, какие отличия нашел он в расселении и поселениях на новом месте по сравнению с местом его прежнего жительства, попросить дать сравнение. По вопросам современного положения в расселении можно беседовать с молодежью, узнавая современное состояние расселения и сохранность исторической памяти.

В обследовании необходимо выявить хронологическую датировку бытования тех или иных фактов, касающихся расселения и его трансформаций. В беседе с информантом требуется уточнять место (область, район, селение), в котором он видел описываемые им явления. Все сведения заносятся в полевой дневник. При копировании документов должны быть указаны: название учреждения, из фондов которого получены материалы, полное название документа, дата его составления, фамилия составителя. При фиксации письменных источников, объектов непосредственного наблюдения и бесед с информантами целесообразно использовать имеющиеся технические средства: диктофон, фотоаппарат, видеокамеру. Для определения расстояний и взаимного расположения объектов может понадобиться метрологический и геодезический инструмент. Чертежи и рисунки нужно сопровождать данными измерений.

В беседе с информантами требуется указать дату записи и сведения о них, составленные по следующей схеме:

Фамилия, имя, отчество (девичья фамилия замужних женщин). Год и место рождения. Этническая принадлежность. Фамилия, имя, отчество отца. Фамилия,

имя, отчество матери. Время и причина его приезда (родителей или дедов) в Сибирь. Фамилии, имена, отчества приехавших родственников. Состав семьи. Родной язык. Самоназвание, откуда оно пошло. Занятия, социальное положение, профессия информанта и его предков. История перемещений.

Интервьюирование и опрос предполагают составление специализированных программ, на основе которых формируется серия вопросников, адаптированных к различным аспектам изучаемой проблематики. Основными разделами программы логично выбрать характеристики модели расселения: система расселения, система коммуникаций населения, включая пути сообщения и связи между населенными пунктами, виды деятельности населения, связанные с сухопутными и прочими путями, характеристика поселений. Для установления устойчивости и изменчивости расселения требуется вопросники по разделам составлять таким образом, чтобы показать трансформации расселения в исторической динамике с учетом мировоззренческих установок.

Программа «Система расселения» включает ряд тем, таких, как взаимное расположение населенных пунктов, характеристика природных условий, этнические группы жителей поселений, плотность и дисперсность расселения. Необходимо установить тип расселения (гнездовой, линейный, заимочный), выделить исторический центр, вокруг которого формировалось расселение, определить факторы формирования исторического центра (исторические условия, природные особенности, мировоззренческие установки, хозяйственная деятельность, родственные взаимосвязи и пр.). Потребуется определение времени и причин основания отдельных поселений в связи с миграциями, социально-экономическими и политико-идеологическими условиями, а также современных изменений в системе расселения и сохранения исторической памяти. Нужно записать сохранившиеся легенды и предания о системе расселения.

Программа «Система коммуникаций населения» охватывает как собственно инфраструктуру, связанную с расселением (например, транспортные пути), так и вопросы производственных, культурно-бытовых, культовых, торговых, родственных, соседских и других взаимосвязей между селениями.

Серия вопросников может касаться путей сообщения, которые составляют дороги и водные пути между населенными пунктами, на покосы, на лесосеки, в лес, на ягодники, в охотничьи и рыболовные угодья, а также заброшенные дороги, старые караванные пути, этапные пути, переправы через реки, буераки (овраги), низины, болота, мосты, паромы, броды. Требуется установить название путей сообщения на местном диалекте или каком-либо другом языке, бытующее в данной местности; объяснение этих названий; виды дорог – колесная, конная, пешеходная; местные названия дорог с объяснением, почему они так называются; их различия, связанные с временами года; протяженность дорог, в мерах длины и времени, устройство

дорог – насыпь и ее размеры, кюветы, отводные ямы; кто и как прокладывал и ремонтировал дороги; время существования таких дорог – постоянно, временно, причины этого; местные легенды, сказки, суеверия, обряды, связанные с дорогами. Ориентирами на различных дорогах могут быть вешки, заломы, знаки и пр.; необходимо узнать их название на местном диалекте или каком-либо другом языке, бытующее в данной местности, объяснение их названий, виды ориентиров на дорогах, материал, из которого изготавливаются ориентиры, срок службы ориентиров, месторасположения ориентиров на дорогах, причины их использования (на обычных дорогах между селениями, на дорогах, ведущих на лесосеку, покос, пастбище, ягодники, в охотничьи и рыболовные угодья и пр.), протяженность в мерах длины или во времени пути между знаками ориентиров; кто делал метки, знаки на дорогах; время существования ориентиров на дорогах, восстановление знаков ориентиров, в каких случаях, кем и как, старые ориентиры на дорогах, места их расположения, время и причины их использования и неиспользования, приметы старых ориентиров на местности, включая мировоззренческий аспект; местные легенды, сказки, суеверия, обряды, связанные с ориентирами.

Вопросник для выявления производственных связей может включать пункты, устанавливающие селения, составлявшие земельное общество, условия бытования отдельной сельской общины, наличие в селении промышленного или ремесленного предприятия, факт работы на нем крестьян окрестных поселений с указанием расстояния до них. Потребуется выявить формы хозяйства в исторической динамике, включая вид, объединение селений, распределение производственных функций между ними, проезд жителей селения для работы в другом населенном пункте, причины этого и используемый транспорт. Торговые взаимосвязи подразумевают вывоз своей продукции и приобретение товаров, что потребует сведений о поселениях, куда и какую вывозили жители продукцию и выезжали за покупками, а также количество, месторасположение и вид магазинов, ярмарок и торговых точек (в том числе передвижных).

Родственные взаимосвязи жителей устанавливаются по материнской и отцовской линиям, выявляется круг селений, в которых расселены однофамильцы и родственники, указываются причины и время расселения родственных коллективов, а также уточняют, откуда брали жен, причины, ограничения, запреты на бракосочетание в своем селении (близкое родство, социальное или сословное положение), преимущественные отношения с родственниками, живущими в других селениях (по мужской линии – отцы, братья, сыновья или по женской – матери, сестры, дочери).

Общая характеристика поездок включает информацию о цели поездок в другие населенные пункты, частоте путешествий, расстоянии, считающемся дальним и ближним в километрах, днях пути и т.п., местное название для понятий «дальняя дорога», «ближняя дорога», характеристику путешествия

на дальние расстояния (кто, куда, зачем, как часто), наземных и водных путей сообщения, транспортных средств и тяглового скота, причин остановок в пути по временам года и в течение суток, сроков и мест остановок на дорогах и водных путях, их обустройства, опасных мест на дорогах и водных путях, их описания и признаки, меры предосторожности в пути, а также местные легенды, сказки, суеверия, обряды, связанные с путешествиями.

Виды деятельности населения, связанные, например, с сухопутными путями: подразумеваются ямская повинность, извоз, строительство и ремонт дорог. Например, вопросники по строительству дорог могут быть разработаны со следующими подтемами: кто занимался строительством и ремонтом дорог, виды работ (рубка леса, возведение насыпей, рытье кюветов, ям и т.д.), материалы, использовавшиеся для строительства новых дорог и ремонта существующих, места их поступления, инструменты, использовавшиеся при прокладывании или ремонте дорог, продолжительность строительства дороги и видов ремонтных работ, количество рабочих, требуемых для строительства и ремонта дорог, частота ремонтных работ на дорогах, участки дорог, чаще всего требующие ремонта; местные легенды, сказки, суеверия, обряды, связанные со строительством дорог.

Поскольку поселения являются значимым компонентом культуры жизнеобеспечения, необходима программа «Постоянные и сезонные поселения», которая была бы посвящена темам, охватывающим информацию о названиях поселений, их типах, исторической памяти об образовании поселений, первых жителях, о темпах и направленности заселений и переселений, месторасположении и планировочной структуре, размещении социально значимых объектов, трансформациях состава населения в исторической динамике. Уточняющими вопросами могут стать характеристика источников и мест забора питьевой воды, уход за естественными и искусственными источниками, конструкции и принцип действия колодцев различных типов. Особая часть посвящается частям поселения или отдельным его участкам (концам), перепланировкам с указанием их причин, правилам определения и обустройства границ поселения, расселению представителей различных социальных, этнических и профессиональных групп, а также местам захоронений, кладбищам и скотомогильникам.

Таким образом, модельный подход, подразумевающий детальную разработку программ и на их основе вопросников, применение их в полевых условиях, позволяет собрать и систематизировать данные по расселению русских в Сибири, на основе которых можно выявить устойчивость и изменчивость мировоззренческих установок в культуре жизнеобеспечения населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Майничева А.Ю. Методологические принципы оценки архитектурного историко-культурного наследия населенных мест (на примере г. Березова) // Вестник Сургут. гос. пед. у-та. 2012. № 4. С. 200–205.
2. Майничева А.Ю. Методические основы этнографических исследований объектов деревянного зодчества // Баландинские чтения. 2013. № 1. С. 257–263.
3. Майничева А.Ю. Методика обследования культовых зданий и сооружений русских в Сибири // Баландинские чтения. 2014. Т. 9, № 2. С. 40–46.
4. Майничева А.Ю. Образование поселений в исторической памяти русских Сибири // Баландинские чтения. 2014. № 1. С. 64–66.
5. Майничева А.Ю., Глухих Е.И., Рыговский Д.С. Полевые исследования жилищного комплекса как одного из частей культуры жизнеобеспечения русских старожилів Хакасско-Минусинской котловины // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. Материалы X Междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 2015. С. 131–134.

REFERENCES

1. Mainicheva A.Y. The methodological principles for evaluating architectural historical and cultural heritage of populated areas (the case of Berezov). *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2012, no. 4, pp. 200–205. (In Russ.)
2. Mainicheva A.Y. Methodic bases of ethnographic studies of objects of wooden architecture. *Balandinskiye chteniya*. 2013, no. 1, pp. 257–263. (In Russ.)
3. Mainicheva A.Y. Survey methodology of religious buildings of Russians in Siberia. *Balandinskiye chteniya*. 2014, vol. 9, no. 2, pp. 40–46. (In Russ.)
4. Mainicheva A.Y. The establishment of settlements in the historical memory of Russians in Siberia. *Balandinskiye chteniya*. 2014, no. 1, pp. 64–66. (In Russ.)
5. Mainicheva A.Y., Glukhikh E.I., Rygovsky D.S. Field studies of the housing complex as a part of the culture of life support of Russian old-timers in Khakass-Minusinsk Region. *Polevye issledovaniya v Priirtysh'e, Verhnem Priob'e i na Altae. Materialy X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Barnaul, 2015, pp. 131–134. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 18.04.2016

DOI: 10.15372/HSS20160208
УДК 392.31

Е.Ф. ФУРСОВА

БРАЧНЫЕ СВЯЗИ СИБИРСКИХ КРЕСТЬЯН КАК МЕХАНИЗМ СОХРАНЕНИЯ ИХ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ОБОСОБЛЕННОСТИ*

Елена Федоровна Фурсова,
д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник,
Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17,
e-mail: mf11@mail.ru

Картографирование кругов брачных связей русских сибиряков представляет тем больший интерес, что ни в дореволюционной, ни в советской этнографии не было обобщающих исследований на эту тему. Согласно полевым данным, подбор невест в сибирских старожильческих селениях юга Западной Сибири, как правило, происходил по принципу этнокультурной близости и землячества. У старообрядцев, кроме этнокультурной близости, при выборе невест руководствовались принципом единства вероисповедания, а именно, принадлежностью к конкретному согласию. Такие браки поддерживались старшими поколениями селян. На основе полевых материалов автор делает вывод, что традиции сватанья невест из соседних и даже отдаленных деревень свидетельствуют о приверженности обычаю деревенской экзогамии, ориентация же на «своих» невест, внутри близкой в культурном отношении группы, указывает на эндогамию. Стойкость этих обычаев способствовала сохранению этнокультурных групп юга Западной Сибири до начала 1930-х гг.

Ключевые слова: Западная Сибирь, круги брачных связей, этнокультурные группы, старожилы, переселенцы, обычаи экзогамии, эндогамии.

E.F. FURSOVA

MARITAL RELATIONSHIPS OF SIBERIAN PEASANTS AS A MECHANISM OF PRESERVATION OF CULTURAL ISOLATION

Elena F. Fursova,
Dr. of Historical Sciences, Leading Researcher,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
17, 630090, Ak. Lavrentieva str., Novosibirsk, 630090, Russia,
e-mail: mf11@mail.ru

The purpose of the article is not only to revive interest in a controversial issue of prevalence of exogamy or endogamy practices in the selection of marriage partners in Siberian villages, but also to substantiate the author's position on this subject on the basis of new ethnographic materials of the early XX century. Of interest is mapping the circles of marital relations of the members of the Russian ethnos, especially Siberians, due to the fact that neither pre-revolutionary, nor Soviet ethnographers produced any comprehensive studies on this topic. Mapping the marital relationships allows to confirm or deny the data on the territory of settlement of ethnic groups (especially groups of Old Believers) obtained from the oral reports of the informants; to complement the whole wedding ritual complex with necessary materials. While historians on the basis of historical data concluded that exogamy was typical of the XVIII century, ethnographers based on field materials of the late XIX century wrote about the wide-spread endogamy, which contributed to isolation of certain ethnic groups (such as the Cossacks, peasants).

Expeditions organized by the Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences obtained field data that proves, regardless of the work of predecessors, that in the late XIX – early XX century representatives of specific ethnic and cultural (ethnographic) groups created local groups, whose members avoided intermarriages. Endogamous marriages were supported by the older generations of villagers. Hence, the tradition of matchmaking brides from neighboring and even remote villages reflected the commitment of the villagers to the custom of exogamy, while commitment to “our” brides from the culturally similar group points to endogamy. Persistence of these practices contributed to the preservation of ethnic and cultural groups in the southern part of Western Siberia through to the early 1930s when in line with the state's policy of the “new life” the youth was oriented to take advantage of the right to choose their own destiny.

Key words: Western Siberia, circles of marital relations, cultural groups, Old-timers, Immigrants, customs of exogamy, endogamy.

*Работа выполнена благодаря финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 14-50-00036.

Картографирование явлений духовной и материальной культуры всегда являлось одним из центральных направлений исследований отечественных этнографов. В работах, посвященных задачам картографирования традиционных обрядов, основное внимание уделялось свадебной обрядности (А.К. Байбурин, А.В. Гура, К.В. Чистов, Г.Г. Шаповалова и др.). Картографирование кругов брачных связей представителей русского этноса, особенно сибиряков¹, представляет тем больший интерес, что ни в дореволюционной, ни в советской этнографии не было обобщающих исследований на эту тему. Картографирование кругов брачных связей позволяет подтвердить или опровергнуть полученные из устных сообщений информантов границы проживания этнографических групп (особенно старообрядческих), дополнить необходимыми материалами весь комплекс семейно-свадебных обычаев.

В Сибири во второй половине XVIII в., согласно исследованиям историка Н.А. Миненко, примерно 80 % браков заключалось между жителями разных деревень [1, с. 195]. В отличие от архивных источников, метрических книг, переписей населения, полевые этнографические материалы позволяют обозначить не только круг деревень юга Западной Сибири, которые поддерживали семейно-родственные связи, но и весь комплекс сопутствующих данных (каким образом и по каким критериям налаживались родственные связи, формы общения родственников и пр.). Частично эти вопросы затрагивались нами в ранее вышедших работах на основе этнографических материалов Приобья, в которых была раскрыта традиция избирательного гостевания во время престольных или съезжих праздников, связанная с установлением родственных отношений, прежде всего брачных союзов [2, с. 107–118].

Проведенные Институтом этнографии Российской академии наук в 1960–1970-х гг. полевые исследования показали значительную плотность семейно-родственных связей. Был выявлен тот факт, что экзогамия, характерная для XVIII в., уступила место широко распространившейся эндогамии, что способствовало обособленности этнографических групп (например, казаков, крестьян) [3, с. 238–239]. Круги брачных связей на примере русских Алтая рассматривала В.А. Липинская, которая пришла к выводу, что приезд переселенцев конца XIX – начала XX в. не вызвал в старожильческих семьях отказа от прежних предпочтений в выборе невест [3, с. 238].

Согласно материалам экспедиций, проведенных Институтом археологии и этнографии СО РАН², представители конкретных этнокультурных (этнографических) групп создавали в конце XIX – нача-

ле XX в. локальные коллективы, мало роднившиеся между собой. По поводу традиций сватовства местные жители высказывались кратко, но четко. Например, кержачка из д. Платоновка Северного района Новосибирской области отмечала: «Чалдон к хохлу уже не ехал. Кержак к чалдону уже не пойдет»³. В населенных пунктах, составлявших брачные круги, проживали крестьяне не только соответствующей конфессии или старообрядческого согласия, но и близкие в этнокультурном отношении селяне. Семьи, входящие в фамильные гнезда, были связаны родством по мужской линии, круги брачных связей между соседствующими деревнями характеризовали родство по женской линии.

Среди пожилых жителей Верхнего Приобья можно было встретить много информантов, хорошо осведомленных в вопросах наименования тех населенных пунктов, из которых односельчане ездили сватать невест и с которыми поддерживали родственно-соседские связи и обменивались гостевыми визитами. Например, сибирячка Е.И. Цопина из Сузунского района Новосибирской области поясняла: «В Тарадановой с Чирухи, Каргополовой, Малышевой невест брали... Парень девку присмотрел, засылает сватов...»⁴. Из этих сел на Петров день и Масленку приезжали в Тараданову родственники, а с ними также их соседи и знакомые⁵.

Таким образом, смотр и выбор невест был тесно связан с гостевыми визитами во время так называемых престольных (вариант: съезжих) праздников народно-церковного календаря. Жители бывшего с. Чемское по р. Чем⁶ хорошо помнят, что к ним на престольный праздник Михайлов день приезжали гости из соседних селений Мосты, Агафониха, Дергаусово (там жили *чалдоны*). В д. Колтырак Тарсьминской волости Кузнецкого уезда крестьяне съезжались на Николу летнего из Юртов, Макрушиной, Гагаркиной и Степногутовой⁷.

Из деревни Милованово Ординской волости Барнаульского уезда ехали праздновать Казанскую в д. Ключи этой же волости, а у себя принимали гостей в Крещение. Состояли миловановцы в связях также с соседями д. Малетино. В Чаусской волости Томского уезда из деревень Паутово и Выюнов ездили в Кандыкову на Николу зимнего, в Паутово ждали

³ Блинова Домна Федоровна, 1918 г.р., родилась в д. Платоновка Верхне-Тарской волости Каинского уезда. Родители приехали из с. Глубокое Витебской губернии. Старообрядцы. – ПМА. Д. 31. Л. 7.

⁴ Цопина Евдокия Ивановна, 1915 г.р., родилась в д. Тараданово Малышевской волости Барнаульского уезда. Деды и родители – местные сибиряки.

⁵ Сотникова (дев.: Зыкова) Марина Семеновна, 1907 г.р., родилась в д. Тараданово Малышевской волости Барнаульского уезда. Деды и родители – местные старообрядцы.

⁶ В настоящее время входит в Тогучинский район Новосибирской области.

⁷ Некрасов Е.И., д. Колтырак Тогучинского района Новосибирской области.

¹ Здесь: сибиряки – жители Сибири, от топонима «Сибирь» (обобщенный вариант толкования). Вариант: сибиряки – коренные русские жители Сибири (местный вариант толкования).

² Восточнославянский этнографический отряд (1982–2015 гг.), руководитель Е.Ф. Фурсова.

родственников и гостей из этих деревень в Михайлов день, во Вьюнах – на Крещение⁸.

Во всех перечисленных в качестве примера деревнях население относилось к так называемым сибирякам (чалдонам), для которых была характерна устоявшаяся система выбора брачных партнеров, поскольку все деревни были связаны соответствующими обязательствами. Сватать в другую деревню ехали в том случае, если не находилось подходящей девушки по месту проживания. Как считают информанты, раньше сватать предпочитали девушек, которых рекомендовали соседи, родственники; бывал даже специальный термин – «подобрать» невесту. Поэтому каждая девушка должна была с малых лет следить за своей репутацией, стараясь создать о себе мнение хозяйственной, трудолюбивой. Смотрели «на род»: не было ли в родне будущей невестки или зятя пьяниц, больных, гулящих и т.д.

Российские переселенцы в первые годы жизни в Сибири также ориентировались на своих, близких в этнокультурном отношении «расейских», хотя устойчивых кругов брачных связей в первой четверти XX в. у них не сложилось. Много таких примеров обнаружилось, например, во время экспедиционных работ в Топчихинском районе Алтайского края. Так, у старейшей жительницы с. Чистюнька В.Г. Сидельниковой родители были привезены из Черниговской и Полтавской губерний в соседнее с. Хабазино, оба родителя А.Г. Иконниковой являлись потомками воронежских уроженцев⁹. «Мои предки по матери приехали в Сибирь из Киевской губернии, а по папе – они воронежские», – вспоминала о своих родителях К.С. Тюркина¹⁰. По ее мнению, родители, хотя и разговаривали, употребляя русские и украинские слова, однако хорошо понимали друг друга, так как и ранее, в Воронежской губернии, эти восточнославянские народы жили вместе. О родственном сближении семей в с. Локтинское Каменской волости Томского уезда, приехавших из разных селений Орловской губернии, писала сибирская фольклористка Н.С. Кутафина (на основе метрических книг Пророко-Ильинской церкви начала XX в.) [4, с. 100].

Если кому-то из приезжих удавалось выйти замуж за сибиряка, они и их родственники входили в местную систему брачных кругов, приспособившись к гостевым традициям. Приведем воспоминания жительницы волостного с. Шубинка Бийского округа Т. И. Толмачевой. «В Шубинке праздник был Покров в честь

Покровской церкви. Престольный праздник Покрова Божьей Матери. К нам все съезжались: приезжали разные родственники и знакомые из деревень Безруковой и Чемровки. Тетка Зиновия из Чемровки была взята, няня Анютка в Чемровку выходила замуж... Вот уже сколько там сватов-то! Вот они все и приезжали. Родственные связи крепкие были»¹¹. В рассказе звучала гордость рязанцев, вступивших в родственные отношения с коренными сибиряками из Безруковой и Чемровки (по-рязански «Чамровки»), с которыми, таким образом, наладились гостевые отношения.

В среде белорусов и украинцев Причулымья и Барабы в первой трети XX в. браки заключались как среди этнически «своих», так и с местными старожилами православного вероисповедания. Такие «смешенные» браки не считались престижными у сибиряков, редко отдававших своих дочерей «добром», не желая обрекать их на бедность и неустроенность. Переселенцы, как уже отмечалось, стремились породниться с местными жителями, чтобы быстрее адаптироваться и улучшить свое экономическое положение. В ходе экспедиционных наблюдений много чалдонско-белорусских браков, заключенных в 1920–1930-х гг., наблюдалось в Причулымье, в деревнях по р. Каргат. Например, К. И. Аникеенко из д. Васильевка Чулымского района Новосибирской области вспоминала, как ее мама, «могилевская белоруска», Анна Яковлевна Королева и ее сестры выходили замуж за сибиряков¹². В сибирской семье сначала «не очень приветливо встретили невесток, но потом полюбили за трудолюбие».

Малозаметные градации этнокультурных различий и связанные с ними варианты коллективных прозвищ и самоназваний существовали среди южно-русских и украинцев, которые в представлении местных сибиряков выглядели одинаковыми («хахлы», т.е. не умевшие говорить твердое «г»). По этому поводу приведем интересный случай из жизни семьи переселенцев из Тамбовской губернии, который рассказала А.Д. Маторина¹³. «У нас в Седельниково всяких, и чалдонов, и всяких. А там деревни Кули, там хахлы. У меня сестра выходила замуж, свадьбу гуляли как по-хохлатски. Привезли ее, она со свадьбы ... Гости домой с мамой и она с имя: «Не буду в хахлах жить, и все». Это как по-чалдонски говорят, а эти шибко по-хохлатски. И приехала домой со свадьбы. Дак он все ее жалел, такой курчавый, красивый жених-то был, и она-то кудрявая. Ну и эта, как вот в Грушку поедут, все к нам заезжали: «Ульяна, миленькая, как я тебя люблю».

⁸ Пономарева Н.И., д. Вандакурово Колыванского района Новосибирской области.

⁹ Сидельникова Варвара Григорьевна, 1921 г.р., родилась в с. Хабазино Топчихинского района Алтайского края. По материнской линии – из Черниговской губернии, по отцовской – из Полтавской. – ПМА, 2015; Иконникова Анна Гавриловна, 1927 г.р., проживает в с. Чистюнька Топчихинского района Алтайского края. Потомок воронежских переселенцев.

¹⁰ Тюркина (дев.: Твердохлебова) Клара Степановна, 1934 г.р., д. Переясловка Топчихинского района Алтайского края. ПМА, 2015. Потомок киевских и воронежских переселенцев.

¹¹ Толмачева Татьяна Ивановна, 1910 г.р., д. Шубинка Шубинской волости Бийского уезда. Деды приехали из Рязанской губернии в 1880-х гг.

¹² Аникеенко (по мужу – Ильюшенко) Клавдия Ивановна, 1918 г.р., д. Верх-Каргат Каргатской волости Каинского уезда. Деды по отцу – сибиряки, по матери – переселенцы из Могилевской губернии. – ПМА. Р. 27. Л. 2.

¹³ Маторина (дев.: Граненко) Анна Дмитриевна, 1930 г.р., д. Тамбовка Седельниковского района Омской области. Звали «тамбошами».

Как выяснилось из бесед, севернорусские переселенцы не считали благополучными союзы с южнорусскими, украинцами, белорусами. Поэтому села в Кыштовской и Верх-Тарской волостях Каинского уезда, где проживали выходцы из западных губерний Российской империи, составляли свои круги брачных связей. В последние входили соседние селения с преобладанием православного белорусского населения – деревень Колбаса, Крутиха, Ивановка, Камышенка. Селяне-католики в расположенных по соседству с. Спасское (ныне пос. Венгерovo) и д. Тынгыза также старались заключать браки внутри своего круга, ориентируясь на единоверческую семью.

В старообрядческих семьях значительно дольше, вплоть до Второй мировой войны, родители возражали против случайных браков, т.е. заключения союзов с не-старообрядцами. Так, сузунские старообрядцы и «двоеданы» были ориентированы на единоверцев из расположенных недалеко старообрядческих селений Алтайского края. Приведем рассказ православной сибирячки А.А. Некрасовой из с. Малышево Сузунского района Новосибирской области: «На съезжий праздник Крещеня, а летом на Троицу – приезжали в Малышеву из Бобровки, Аллаку... Аллакские-то замуж в Бобровку выходили. Родня там. На Аллаке были старoverы, и в Бобровке были старoverы. Они и роднились. У них не церква была, а моленна... Были они кержаки»¹⁴. Еще сообщения от информантов-«двоеданов» о сватовстве в Ординской волости Барнаульского уезда: «На Миколу Зимнего к нам в Устюжанино ехали сваты с Верх-Алеуса, Пушкарей, Среднего Алеуса, а у кого были сродственники, так и из Строчей ехали. Престольный же праздник. Мы ездили в Средний и Верхний Алеусы, Пушкари»¹⁵.

Эта ситуация являлась типичной, что подтверждается многочисленными сообщениями и по отношению к другим группам старообрядцев. «Наши деревенские женихи брали деревенских невест из Красковой, Новососедовой (Старый Искитим. – Е.Ф.)», – вспоминала потомственная кержачка Р.Л. Шмакова¹⁶ из д. Верх-Ики Маслянинского района Новосибирской области. Вместе с тем для 1920-х гг. известны случаи, когда старообрядцы сватали невест из не-старообрядческих семей, но всегда при условии перекрещивания в «свою веру», т.е. согласие. Действительно, антропологические исследования свидетельствуют, что даже наиболее замкнутые в прошлом старообрядческие группы не были полностью изолированными [5, с. 158–166].

¹⁴ Некрасова Анфиса Андреевна, 1910 г. р., д. Малышево Сузунского района Новосибирской области. Старообрядка. – ПМА, 1991/2. Л. 11.

¹⁵ Спиридонова Елизавета Александровна, 1911 г. р., с. Новокузьминка Ординской волости Барнаульского уезда. Кержачка. – ПМА, 1990.

¹⁶ Шмакова Р.Л., 1902 г. р., родилась в Новошмаково Боровлянской волости Барнаульского уезда (ныне Черепановского района Новосибирской области). Кержачка австрийского согласия. Прожила в д. Верх-Ики Маслянинского района Новосибирской области. – ПМА, 1990. Д. 20.

Свои брачные связи сложились и у выходцев с территорий Витебской, Виленской губерний – русских старообрядцев-беспоповцев Васюганья (по р. Таре), которые приезжали сватать невест в отдаленные селения федосеевского согласия (деревни Бергуль, Макаровка, Платоновка). По воспоминаниям жителя д. Макаровка Геннадия Петровича Федотова, когда «на Богородицу ездили в Бергуль – девчата уже угощали орехом. Двадцать восьмого августа как раз орехи поспевают. Большинство парней ездили пригладить себе невесту»¹⁷. «Белорусские москали», как их звали на территории Белоруссии, или, по-сибирски – кержаки, длительное время роднились в своей среде, считая даже единоверцев из близлежащей деревни Ичкала неподходящей партией своим детям. Согласно нашим данным, основной причиной такого неприятия были культурные различия: ичкалинцы являлись носителями северо-восточных русских традиций, бергульская группа – северо-западных.

Аналогичными материалами мы располагаем и в отношении алтайских старообрядцев. В 1920-е гг. в Солонешенском районе Алтайского края, при жизни старшего поколения наставников соблюдалась брачная связь, четко ориентированная на представителей конкретных согласий и этнокультурных групп. Так, солонешенские «поляки»¹⁸ роднились со старообрядцами деревень Сибирячиха, Топольное, Колбино (теперь Искра), Туманово. Солонешенские часовенные роднились с соседями из пос. Глиняный¹⁹. Поскольку в одних и тех же селениях, случалось, проживали представители разных согласий, то приверженцы каждой «веры» имели свою сеть брачных кругов. «Мы славяне, чисто русские. Раньше брали только своей веры. Если ты согласна перейти в нашу веру, значит, брали», – рассказывала старейшая «кержачка» с. Солонешное А. А. Филиппова в 1999 г.²⁰

Село Шемонаиха Восточно-Казахстанской области Казахстана в 1995 г. местными жителями считалось чалдонским, хотя П. Палласом, посетившим в XVIII в. Алтайский горный округ, оно указывалось как «коренное польское селение» [6, с. 217]. Согласно нашим полевым исследованиям, круг брачных связей шемонаихинцев первой четверти XX в. охватывал села, с населением которых наблюдалась общность истории, этнических и религиозных традиций (старожильческие села Спасское и Белый Камень)²¹.

¹⁷ Федотов Геннадий Петрович, 1919 г. р., д. Макаровка Северного района Новосибирской области. Старообрядец. – ПМА, 1994.

¹⁸ «Поляками» называли старообрядцев, насильственно переселенных в 60-х гг. XVIII в. с современных территорий Брянской области России и Гомельской области Белоруссии (территорий бывшей Речи Посполитой) в указанные им районы Западной и Восточной Сибири – в Забайкалье и на Алтай. На Алтае по месту выхода получили коллективное прозвище «поляки».

¹⁹ ПМА. РА13, л. 27 об.

²⁰ Филиппова Анна Антоновна, 1918 г. р., с. Солонешное Алтайского края. Старообрядка часовенного согласия.

²¹ Агафонова Анна Никоновна, 1915 г. р., с. Шемонаиха Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан. ПМА, 1995. №. 21, л. 45 об.

Несмотря на то, что деревни были распределены в плане сватанья невест, тем не менее, инциденты по этому поводу случались. Курский переселенец Т.И. Плюшов, как и другие пожилые мужчины, считал деревенские драки за невест обычным явлением: «Дрались старики, и молодые дрались из-за девок. Вот в этой деревне много девок, а в той деревне парней много. Ну и в этой деревне парни есть, вот они встречаются, а этим парням обидно, что наших девок берут, вот и стычка у них получалась. Кто сильнее, тот и побивал. Да, бывало, и курские дрались с сибиряками. В каком краю сильнее парни, те и побеждали»²².

Местами знакомства молодежи были не только съезжие или престольные праздники, но и святочные игрища, масленичные катания на санях и с гор. На эти молодежные гуляния собирались только односельчане, ребятам из других деревень появляться возбранялось под угрозой битья²³.

В период гражданской войны и коллективизации, а также в связи с пропагандой интернационалистских, антирелигиозных идей круги брачных связей стали постепенно размываться. С разрушением церквей и уничтожением приходов уходили в прошлое престольные праздники и связанные с ними традиции гостевания. Часть молодежи восприняла новые идеи и считала «устаревшими» взгляды родителей на брак. В своем выборе такие молодые люди уже не ориентировались на местные крестьянские традиции и не принимали во внимание культурные и экономические условия жизни новой семьи. Однако многие наши информанты, сочетавшиеся браком в 1920-х гг., считали, что они прислушивались к советам родителей и придерживались сложившихся обычаев, предпочитая жить в своей или окрестных деревнях (по этому поводу приводили такую поговорку: «Хоть за курицу, да со своей улицы»). Часть предсвадебных обычаев, в том числе ориентации на выбор брачных партнеров, стойко сохранялась до начала 1930-х гг., т.е. до массовых репрессий среди крестьянства последующего десятилетия.

Приведенные этнографические факты не были единичными, они подтверждались сообщениями многих информантов 1910–1920-х гг. рождения. Согласно полевым данным, подбор невест в сибирских селениях юга Западной Сибири, как правило, происходил по принципу этнокультурной близости (землячества) и единства вероисповедания. При соответствующем подходе не возникало особых разногласий относительно

но исполнения свадебных обрядов, а впоследствии – различий в жизненно-бытовых укладах. Следовательно, традиции сватанья невест из соседних и даже отдаленных деревень свидетельствуют о приверженности обычаю деревенской экзогамии, ориентация же на «своих» невест, внутри близкой в культурном отношении группы, указывает на эндогамию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск: Наука, 1979. 350 с.
2. Фурсова Е.Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. Ч. 2. 268 с.
3. Липинская В.А. Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае XVIII – начало XX века. М.: Наука, 1996. 269 с.
4. Кутафина Н.С. Метрические книги Пророко-Ильинской церкви с. Локтинского Каменской волости Томского уезда // Православные традиции в народной культуре восточных славян Сибири и массовые формы религиозного сознания XIX–XX вв. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2006. С. 92 – 114.
5. Русские старожилы Сибири. Историко-антропологический очерк. М.: Наука, 1973. 189 с.
6. Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санкт-Петербургской императорской академии наук. СПб., 1786. Ч. 2, кн. 2. 1770 г. 571 с.

REFERENCES

1. Minenko N.A. Russian Peasant Family in Western Siberia (XVIII – First Half of the XIX century). Novosibirsk: Nauka, 1979. 350 p. (In Russ.)
2. Fursova E.F. Calendar customs and rituals of the East-Slavonic Peoples of the Novosibirsk Region. Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arheologii i etnografii SO RAN, 2003, pp. 175–181. (In Russ.)
3. Lipinskaya V.A. Old-Settlers and Resettlers. Russians in the Altay Region of the XVIII–Early XX century. Moscow: Nauka, 1996, 269 p. (In Russ.)
4. Kutafina N.S. Parish Registers of the Church of Ilya the Prophet in the Village of Loktinskoye, Kamenskaya volost of the Tomsk uyezd. *Pravoslavnye traditsii v narodnoy kulture vostochnykh slavyan Sibiri i massovye formy religioznogo soznaniya XIX–XX vv.* Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arheologii i etnografii SO RAN, 2006, pp. 92–114. (In Russ.)
5. Russian Old-Settlers of Siberia. Historical and Anthropological Essay. Moscow: Nauka, 1973, 189 p. (In Russ.)
6. Pallas P.S. Journey Through Various Places of the Russian State By Order of the Saint-Petersburg Academy of Sciences. Saint Petersburg, 1786, vol. 2, b. 2, 1770, 571 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 7.03.2016

²² Плюшов Т.И., 1918 г.р., с. Загайново Тальменского района Алтайского края. Родители приехали из Курской губернии.

²³ Зубарева (по мужу Потапова) Ольга Дмитриевна, 1912 г.р., родилась в д. Кирза Ордынского района Новосибирской области. Коренная сибирячка. – ПИМА. № 23. Л. 22.

DOI: 10.15372/HSS20160209
УДК 39:34

А.А. БАДМАЕВ

**ТРАДИЦИИ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ В БУРЯТСКОМ ОБЩЕСТВЕ
(XVIII–XIX вв.)***

Андрей Андреевич Бадмаев,
канд. ист. наук, старший научный сотрудник,
Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, 17
e-mail: badmaevaa@ngs.ru

Статья посвящена традициям разрешения конфликтов у бурят XVIII–XIX вв. Показано, что в условиях традиционного общества было два пути для примирения: внесудебное, когда агрессор, осознавая порочность своего поступка, приносил извинения жертве, и та прощала его; судебное, осуществляемое судом инородческих начальников. Последний имел несколько инстанций, и судебное разбирательство, инициированное жертвой, как правило, завершалось на его нижней ступени. Данный институт был освящен традиционным мировоззрением, которое, поддерживая среди народа авторитет судей и инородческих начальников, признавало верховенство мифического суда небожителей и духов над их судом.

Ключевые слова: буряты, Байкальский регион, конфликт, агрессия, жертва, обычное право, традиционное мировоззрение.

A.A. BADMAEV

**TRADITIONS OF CONFLICT RESOLUTION IN THE BURYAT SOCIETY
(BASED ON THE MATERIALS OF THE XVII–XIX CENTURIES)**

Andrey A. Badmaev,
Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
17, Ak. Lavrentyeva str., Novosibirsk, 630090, Russia,
e-mail: badmaevaa@ngs.ru

Issues related to the study of methods of social conflicts resolution remain understudied in the Buryat ethnographical literature. The purpose of the present research is to reveal traditions of handling the conflicts among the Buryats in the XVIII–XIX centuries. There were various types of social collisions: some of them were intergroup and even interethnic conflicts, while others were intragroup (including family conflicts). The author considers the latter type of collisions. The research is based on the literary and archival sources of the XVIII–XIX centuries.

In a traditional society there were two possible ways of reconciliation: extrajudicial (when the aggressor admitted depravity of his or her action, apologized to his or her victim and received forgiveness) and judicial (held by the Court of the non-Buryat chiefs). Aggressors and their victims belonged to the local groups interested in the prompt resolution of conflicts. The Buryat courts had the estate character and were totally controlled by the “indigenous chiefs”, therefore all levels of this judicial system were aimed at achieving reconciliation. Investigation, judgment and execution were held by the “indigenous chiefs”. Proceedings initiated by the victims were usually completed by the lowest-level courts. Along with substantive examination of cases and carrying out of sentences (prescribing fines or even corporal punishment for the aggressor) the courts were instrumental in maintaining the peace and stability within the local groups.

This social institute was sanctified by the traditional worldview that supported the authority of the court’s and the indigenous chiefs among popular masses. At the same time, according to the traditional beliefs the superiority of the mythical court of “white” sky inhabitants and spirits over the ordinary courts was generally accepted. For this purpose people continued the practice of taking oath near the “shaman stones”.

Key words: Buryats, Baikal region, conflict, aggression, victim, common law, traditional worldview.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 14–50–00036.

Столкновение личных интересов в том или ином этническом сообществе может принимать форму агрессии и сопровождаться насилием. Чтобы сохранить внутренний мир и целостность, этническая группа на протяжении всей своей истории создает и поддерживает механизмы примирения. В этом плане не является исключением бурятский народ, который сформировался и эволюционировал в условиях Российского государства. Практически до конца XIX в. он представлял собой традиционное общество, которое, унаследовав традиции преодоления постконфликтных ситуаций в вошедших в его состав субэтнических группах, пыталось развивать эти традиции в новых исторических реалиях.

Конфликтные ситуации, возникавшие в жизни бурят, вызывались столкновением экономических или этнических интересов, социальными, религиозными или гендерными противоречиями. Для их разрешения бурятское общество принимало соответствующие меры, направленные на примирение конфликтующих сторон и тем самым на гармонизацию отношений внутри общества, а в случае, если одной из сторон был представлен другой народ, то и вовне его.

Бытовой инцидент в семье и локальной группе мог быть урегулирован без участия общества по обоюдному согласию сторон. Тот, кто проявил агрессию и чувствовал свою вину, обычно первым стремился уладить конфликт. На такой шаг могло подтолкнуть полученное им воспитание, в том числе религиозное. Но религиозная мораль еще не укоренилась среди массы бурят, так как их приобщение к буддизму и православию имело сравнительно короткую историю и не было завершено к концу XIX в. Соответственно, мироощущение бурят не могло быть однородным, у многих из них оно характеризовалось как синкретичное, включавшее как шаманские, так и буддийские, христианские представления. Между тем поведенческие установки большинства из них оставались традиционными и транслировались, не меняя сущностных характеристик.

Для бурят было присуще долготерпение: надеясь на осознание человеком аморальности своего агрессивного поведения, они сносили первое и второе оскорбление, но третье служило для них поводом для обращения в суд [1, с. 187]. Вероятно, данное качество поддерживалось народными представлениями о природе агрессивности: согласно им, такое поведение было обусловлено вмешательством в дела людей злых *заяанууд* 'духов' и восточных черных *тэнгэринууд* 'небожителей'. Считалось, что эту категорию мифических персонажей, в отличие от белых тэнгриев и заянов, можно умиловить жертвой, но тогда, когда происходила чья-либо беспричинная агрессия, проводился шаманский обряд *орго ама гаргаха* 'вывести злоречие, вражду' [1, с. 175]. Сама этимология названия обряда указывает, что в понимании бурят причиной конфликта было испытываемое актором чувство враждебности к окружающим, которое в острые моменты выплескивалось, обретая вербальные формы.

Вероятно, уже во второй половине XVIII в. внесудебное разрешение бытовых коллизий у бурят являлось событием нечастым, при этом число их обращений в суд было значительно¹.

Если быстрого примирения не происходило, то такой конфликт неизбежно получал общественный резонанс, и родовая группа, членами которой являлись и агрессор, и жертва, вмешивалась в него, играя роль медиатора. Посреднической компетенцией обладали старики, которые, собрав свой круг, «стыдили провинившегося и, увещевая его на будущее время не позволять себе подобных поступков, заставляли извиниться перед обиженным» [1, с. 190]. При отказе виновного принести извинения пострадавший обращался с жалобой к улусному старшине, и на этом уровне конфронтация, как правило, заканчивалась [1, с. 190]. В крайнем случае она могла стать предметом дальнейших разбирательств бурятской властной вертикали.

На следующем этапе ею уже занимался родовой *шуленга* вместе с улусными старшинами и уважаемыми людьми рода, потом – собрание *суглан* из шуленг и старшин близких родов. Если суд данной инстанции не мог вынести решение, то окончательную точку в процессе ставил суд, производимый в инородческой конторе или степной думе главным тайшой или по его желанию собранием родоначальников всех родов, входящих в данную этнотерриториальную группу. Основным итогом, к чему стремились судьи, было гарантирующее общественное спокойствие примирение сторон конфликта, т. е. признание агрессором своей вины и прощение его жертвой.

В представлении бурят суд инородческих начальников не был последним, и не только потому, что можно было искать правду в русских судебных учреждениях. Верили, что подобно нему существует небесное собрание из духов-покровителей и простых духов, которые судили земных людей, в том числе самих судей-родоначальников за неверно вынесенные вердикты, и исправляли допущенные ими ошибки [1, с. 187]. Эти воззрения на практике реализовывались при проведении божьбы у «шаманских камней», когда истец и обвиняемый или лица, выбранные их заменить, приносили на таких местах клятву высшим силам или должны были переночевать там.

Семейная ссора, получившая огласку и прошедшая через все перечисленные выше уровни общественного и судебного рассмотрения и порицания, могла дойти до суда инородческих начальников, который в свою очередь пытался примирить супругов, наставляя их жить «дружно и по совести». Убедившись в их нежелании мириться, суд на время сажал рассорившихся супругов в тюремную избу и даже мог приказывать высечь их прилюдно плетью. Последнее средство, применявшееся к враждующим сторонам, предусматривало следующее: «<...> им (супругам. – А.Б.) давали есть по куску мяса, а потом заставляли меняться жвачкою.

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 17–18.

Если они затруднялись таким лакомством, то на них сыпались со стороны примиряющих толчки, кулаки, подзатыльники, и они невольно глотали» [2, с. 370]. На психологическом уровне такой метод примирения был эффективен: примененное насилие в какой-то степени подавляло волю супругов, а на подсознательном уровне данный акт убеждал их в том, что они являются единым целым – семьей. Итак, суд инородческих начальников, выполнявший функцию разрешения гражданских конфликтов, помогал локальному обществу сохранять его ячейку, семью, представлявшую также отдельную хозяйственную единицу, благодаря которой обеспечивалось общественное благосостояние. Об этом свидетельствует и прописанное в обычном праве наказание за оскорбление родителей взрослыми детьми, сводившееся к публичной порке оступившегося. Причем эта акция содержала воспитательный момент: как правило, на экзекуцию собирали всю молодежь улуса, и именно ей делалось соответствующее начальственное внушение [3, с. 32].

Общего свода обычного права у бурят не существовало, поэтому во многих территориальных группах имелись собственные кодексы, которые по мере устаревания в них статей обновлялись. Такое многообразие отражало этап становления бурятского народа, включившего в свой состав разные по происхождению группы автохтонов и вынужденных мигрантов. Среди них наиболее известны сборники «степных» законов хоринских и селенгинских бурят, в общих чертах напоминающие ойрато-монгольский свод законов «Великое уложение» 1640 г. Отдельно можно назвать право верхоленских бурят, а также булагатов и хонгодоров [4]. Однако все это множество бурятских локальных кодексов имело общие истоки, бравшие начало в кодифицированных нормах Монгольской империи, а затем сменивших ее в Центральной Азии государственных образований восточных и западных монголов. Таким образом, правовые нормы бурят, на начальном этапе являвшиеся калькой со средневекового монгольского права, со временем дополнялись, а запущенный законотворческий процесс расширял и фрагментировал сферу действия обычного права.

В локальных вариациях обычного права бурят имелись нюансы в отношении предмета судебного разбирательства. В частности, за вербальное оскорбление, по хоринскому своду, предусматривалось преследование, а булагато-хонгодорское право откладывало в этом [4, с. 95]. В то же время словесные угрозы и выраженное в них обещание физической расправы давали ход делу, и по результатам его рассмотрения в суде агрессор обязан был письменно отказаться от таких намерений [4, с. 97]. Также в последнем своде законов были ограничены сроки обращения истца к родоначальнику с жалобой и в суд инородческих начальников.

Правоприменительная практика предполагала примирение участников конфликта с обязательной компенсацией жертве нанесенного вреда. В зависимости от тяжести содеянного и от социального статуса потерпевшего и обидчика судьбы выносили свой вер-

дикт. Судебное решение предусматривало, прежде всего, экономическое наказание виновного в инциденте: оно варьировало в зависимости от нанесенного жертве морального урона и физических увечий и представляло конкретную денежную сумму или определенное число голов домашнего скота.

Усиление позиций буддизма, а также укрепление системы управления и связанное с этим упрочение власти степной аристократии у западно-забайкальских бурят проецировались в их обычном праве. Согласно Положению 11 хоринских родов 1808 г., за словесное оскорбление и избивание настоятеля монастыря, любой другой представитель бурятского общества подвергался наказанию. Причем это равно относилось как к родоначальникам, ламам, так и рядовым аратам и послушникам. При назначении наказания суд исходил из социального статуса виновного: обидчик, вышший лама или сайт-родоначальник в звании титулярного советника, вносил денежные суммы отдельно в пользу потерпевшего, локального сообщества и буддийской общины; все остальные виновные, занимавшие место ниже в социальной иерархии, хотя и обходились меньшими штрафами, но карались ударами палкой или плеткой [3, с. 24–25]. Заметим, что приговоры по делам, в которых фигурировали иные духовные и светские лица, также предусматривали применение к агрессору, занимавшему более низкое общественное положение, по сравнению с жертвой, обоих видов наказания.

Самые крупные штрафы налагались на оскорбивших тайшу в звании коллежского асессора. Это выглядит тем более удивительно, что за ту же обиду, но нанесенную главному тайше, дослужившемуся до надворного советника и стоявшему на верхней строчке управленческой иерархии, полагалась намного меньшая компенсация [3, с. 25]. Подчеркнем, что в случае конфронтации с более статусными лицами агрессоры из числа простых лам и инородческих начальников несли в целом большие финансовые расходы, чем рядовые буряты; единственно, в чем они были уравнены с простонародьем, это в основной части штрафа. Неизмеримо меньшим был размер штрафа, который брали с оскорбивших рядового бурята лам и родоначальников: жертве полагалось вылатить лишь 5 руб., а вот обществу – до 20 руб. [3, с. 26]. Очевидно, что взыскания в пользу локального общества и местного буддийского монастыря должны были искупить вину преступника перед ними за нарушение общественного порядка и согласия.

При тяжелых травмах, нанесенных жертве, действовало правило – одинаково наказывать любого агрессора независимо от его статуса: в течение полугода виновный оплачивал лечение потерпевшего, если увечья оказывались неизлечимыми – отдавал жертве стадо в 50 голов разной породы. В последнем случае пострадавший обязан был после получения скота, пригнанного ему в счет возмещения ущерба, написать соответствующую расписку сайтам [3, с. 27]. Таким образом, примирение сторон конфликта оформлялось письменно. Нужно указать, что упомянутая выше категория пре-

ступлений наказывалась по архаичным статьям, в которых любое физическое увечье, нанесенное жертве, следовало возместить определенным поголовьем скота.

Как было отмечено, в степные законы вторгались новые мотивы, отражавшие усиление роли управленческой элиты и влияния буддизма, поэтому за нанесенное их представителям «бесчестье» наказание становилось суровее, чем «черному» люду. Но необходимо иметь в виду, что на стороне бурятских родоначальников было и традиционное мировоззрение, согласно которому считалось, что их власть является сакральной и данной свыше [1, с. 190–191]. Очевидно, и на это указывает М.Н. Хангалов, в XVIII в. их авторитет пошатнулся в глазах бурят по причине той неблагодарной роли, которую они исполняли, выступая посредниками между русскими сборщиками ясака, мелкими чиновниками и казаками, и податным бурятским населением. Было немало примеров, когда поставленные над родоначальниками сборщики ясака прилюдно их оскорбляли, а они, в свою очередь зараженные мздоимством первых, обирали рядовых бурят, делая «черные» поборы [5]. Поэтому социальный протест бурятских низов выражался не только в пассивной форме – подаче многочисленных жалоб русской администрации на лихоимство родоначальников, но и в прямом столкновении с ненавистными сайтами, иногда заканчивавшимся нанесением последним побоев.

Из сказанного становится понятно, что обычное право закрепляло систему социального неравенства, которая сложилась в рассматриваемое время в бурятском обществе. Об этом можно судить хотя бы по тому, что не сопоставимы были по своей тяжести денежные взыскания для бедняка и для состоятельного человека; первый, внося его, мог просто разориться. Сложно также говорить о непредвзятости суда при рассмотрении конфликта между инородческим начальником и рядовым бурятом, когда суд вершился представителями управленческой элиты.

Несколько иная система наказаний была предусмотрена в булагато-хонгодорском праве 1818 г.: в зависимости от рецидива вводилась восходящая шкала штрафов – за небольшое «бесчестье» виновный платил «в первый раз, 5 рублей, во второй, 10 рублей, а в третий, 15 рублей» [4, с. 97], за более тяжкое оскорбление и побои сумма штрафа возрастала в 2–3 раза. Вспомнив, насколько были терпеливы буряты, надо думать, что на практике денежные взыскания не опускались ниже 15 руб. Было в нем также прописано, что физическое наказание должно применяться только в случае, когда был нанесен урон здоровью жертвы. Примечательно, что мужчины, женщины и дети были уравнены в праве на судебную защиту, следовательно, и в получении материального возмещения за «бесчестье» [4, с. 97]. Между тем обычное право булагатов и хонгаторов, в отличие от хоринского свода законов, отдельно рассматривало случаи нанесения взаимных оскорблений; исходя из антиобщественного характера такого проступка, с обеих сторон конфликта взыскивали штраф в пользу местного общества, а конфликту-

ющих помещали в тюремную избу, причем за особое ожесточение в драке секли лозой. Еще одно различие было связано с вопросом отнесения правонарушений, в результате которых жертва становилась калекой, к компетенции суда инородческих начальников. Булагато-хонгодорский кодекс считал их уголовными преступлениями [4, с. 99] и передавал на рассмотрение в русские судебные инстанции.

Общим моментом и в булагато-хонгодорском и в хоринском кодексах было то, что оплата лечения пострадавшего целиком ложилась на плечи агрессора. Об архаичности данной позиции можно судить на основе материалов М.Н. Хангалова [1, с. 190].

Подводя итоги, можно заключить, что в XVIII–XIX вв. разрешение конфликтов внутри бурятского социума происходило двумя путями: через добровольное примирение противников без участия местного общества; через оказание на них давление местным обществом и решения инородческих судебных инстанций. Заинтересованной в скорейшем исчерпании конфронтации была локальная группа, к которой принадлежали агрессор и жертва. На достижение примирения работали все уровни бурятского суда, имевшего сословный характер, вследствие того что полнота власти в нем была сосредоточена в руках инородческих начальников, которые осуществляли следствие, суд и исполнение наказания. Деятельность суда была органично вплетена в ткань традиционного мировоззрения бурят через апелляцию к мифическому суду небожителей и духов и связанную с этим практику божьбы у «шаманских камней».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. Т. 1. 551 с.
2. Мелетий. Записки забайкальского миссионера иеромонаха Мелетия за 1864 г. // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1865. № 23. С. 365–374.
3. Обычное право хоринских бурят. Памятники старомонгольской письменности / пер. с монг. Новосибирск: ВО «Наука». Сиб. издат. фирма, 1992. 312 с.
4. Самоквасов Д.Я. Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава: Тип. И. Носковского, 1876. 282 с.
5. Залкинд Е.М. Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX в. М.: Наука, 1970. 400 с.

REFERENCES

1. Hangalov, M.N. Works. Ulan-Ude: Buryat kn. izd-vo, 1958. Vol. 1. 551 p. (In Russ.)
2. Meletios. Notes of Transbaikalian missionary hieromonk Melety for 1864. *Pribavleniya k Irkutskim eparkhial'nym vedomostyam*. 1865, no. 23, pp. 365–374. (In Russ.)
3. Customary law Khori buryats. Monuments old-mongolian literature: Trans. with mong. Novosibirsk: Nauka 1992, 312 p. (In Russ.)
4. Samokvasov D.J. Collection of customary law of Siberian natives. Warsaw: Typography I. Noskovskogo, 1876, 282 p. (In Russ.)
5. Zalkind, E.M. The Social system of the Buryats in the XVIII – first half XIX century. Moscow: Nauka, 1970, 400 p. (In Russ.)

DOI: 10.15372/HSS20160210
УДК 392.3 395+397+ 398.4

В.А. БУРНАКОВ

**ЧАЛБАХ ТӨС – ВОПЛОЩЕНИЕ ДУХА ОГНЯ
В ТРАДИЦИОННОЙ РИТУАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ХАКАСОВ
(КОНЕЦ XIX – СЕРЕДИНА XX В.)***

Венарий Алексеевич Бурнаков,
канд. ист. наук, старший научный сотрудник
Новосибирский национальный
исследовательский государственный университет,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2,
e-mail: venariy@ngs.ru

В статье на основе архивных и литературных этнографических сведений рассматривается один из аспектов культа огня у хакасов. Он нашел свое выражение в феномене фетишизма, в частности в виде ритуального изделия *Чалбах төс*. В религиозно-мифологическом сознании он воплощал образ духа-хозяина огня – *От ине*. В традиционном сознании народа этот божок, подобно своему прототипу, наделялся охранительными, покровительственными, лечебными и иными свойствами, воспринимался в качестве одного из ключевых семейно-родовых духов-покровителей. Отводимая ему сакральная роль в духовной жизни хакасов способствовала формированию особой системы обрядности, включающей в себя как индивидуальные акты поклонения, так и коллективные с ее регламентированными нормами жертвоприношения и посвящения ему животного – *ызых'а*.

Ключевые слова: хакасы, традиция, мировоззрение, культ огня, фетиши, Чалбах төс, обряды.

V.A. BURNAKOV

**«CHALBACH TÖS - THE EMBODIMENT OF THE SPIRIT OF FIRE
IN THE TRADITIONAL RITUAL PRACTICE OF KHAKASSES
(LATE XIX – MID-XX CENTURY)**

Venariy A. Burnakov,
Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher,
Novosibirsk National State University,
2, Pirogova str., Novosibirsk, 630090, Russia,
e-mail: venariy@ngs.ru

The aim of the article is to study the cult of fire of Khakasses in its material manifestation such as a fetish of Chalbach töс. To achieve this goal the author sets and solves the following tasks: defining its sacred significance and its role in the worldview and ritual practices of the Khakass people; analysis of its external characteristics; revealing variations of its symbolic design and considering the ways of ritual interaction with this sacred object.

The chronological scope of work covers the period from the late XIX to the mid-XX centuries. Selection of temporal boundaries of the study is determined first of all by the status of the source base related to the topic of the study. The main sources are archival and ethnographic materials. The work is based on a comprehensive, systemic-historical approach to the study of the past. Research methodology is based on historical and ethnographic methods – scientific description, specific historical method and relic.

In the worldview and ritual practices of the Khakasses considerable attention is given to the cult of fire. In traditional consciousness, the fire is endowed with protective and patronizing functions. It was believed that the fire possessed the properties of purification, healing, etc. The image of the spirit of fire has found its vivid expression in the fetish of Chalbach töс.

All major sacred qualities of this supernatural creature transferred to the ritual object. A special system of rites was formed in connection to it. This idol was perceived as one of the most important tribal family spirits-patrons. There was a wide-spread belief that the people's health, well-being and economic success to a large extent depended on its benevolence.

Key words: nation, tradition, worldview, cult of fire, fetish, Chalbach töс, ceremonies.

*Исследование проведено в рамках гранта Российского научного фонда, проект № 14-28-00045.

В традиционном мировоззрении и обрядности хакасов особое место отводилось ритуальным изделиям, в том числе фетишам – *töc' am*. В сознании верующих они воспринимались как символическое изображение и одновременно вместилище почитаемых ими духов. В связи с этим наделялись особой сакральной силой. Такие культовые предметы изготавливались и устанавливались с различной целью, но все же основной мотивацией их ритуального использования была глубокая вера людей в их сверхъестественную силу. Полагали, что она могла быть направлена исключительно на обеспечение благополучия жизни человека, его семьи и рода. Хакасы были убеждены, что фетиши способны избавлять их от различных болезней, защищать от нечистой силы, способствовать плодородию, успешному ведению хозяйственной деятельности и пр. Вместе с тем считалось, что при нарушении норм обращений с фетишами, в частности в случае непочтительного отношения, они могли причинить вред.

Töc' ы имели разнообразные формы, изготавливались они из различных материалов. Отличались они и своим местоположением в пространстве. Причем эти культовые изделия могли быть локализованы как внутри жилища, так и вне его. В отношении каждого из них была сформирована особая система ритуалов. Одним из наиболее распространенных и почитаемых среди фетишей был *Чалбах төс* – ‘букв. Широкий / Обширный фетиш’ (рисунок, 1) [1, с. 933].

Изначально *Чалбах төс* был известен в качестве одного из самых почитаемых домашних духов-покровителей лишь качинцев¹. А.В. Адрианов в этой связи отмечал, что «из всех төсей – чалбак самый чтимый и распространенный – в редкой юрте качинца его нет» [2, с. 523]. Свидетелем данной этнокультурной реалии был и Д.А. Клеменц, писавший, что «у качинцев существуют наследственные в известных фамилиях *изыхи*² и *тюси* [*töc' ы*], напр. инородец из рода Кыштымowych уверял меня, что покровитель их семейства и всего рода Джалбах-тюсь и на него ставится изых, соловый конь. Я заметил как-то по этому поводу, что этого тюся я встречал нередко и в юртах других родов. “Другие заводят его при случае, когда надобность встретится, а нам, Кыштымowych, обязательно иметь его каждому”, был ответ» [3, с. 25].

Следует заметить, что в дальнейшем в результате брачных союзов, а также непосредственных рекомендаций шаманов и иных обоятелей *Чалбах төс* стали воспринимать в качестве фетиша и другие субэтнические группы хакасов. Данный факт, например, констатировал Е.К. Яковлев, писавший о том, что он «весьма распространенный идол у качинцев и у сагайцев»³. Помимо того, православный священник из с. Покровское (Чебаки) Ачинского округа Енисейской губернии Мат-

вей Тыжнов в своем отчете за 1893 г. отмечал факт почитания этого фетиша кызыльцами. Например, в своем отчете этот миссионер сообщал: «Изображают духов на холсте наподобие людей и животных, которых хозяйка дома должны почитать и в известное время приносить им жертву»⁴. Е.К. Яковлев, анализируя культовые предметы этой группы хакасов, в их числе и *Чалбах төс*, пришел к выводу о том, что рассматриваемый «идол заимствован от качинцев» [4, с. 63]. В дальнейшем бытование этого божка в обрядовой сфере кызыльцев подтвердили и этнографические исследования М.С. Усмановой [5, с. 212].

Своеобразное наименование этого культового изделия – *чалбах* (широкий) выражало, очевидно, его специфические, резко отличающиеся от остальных фетишей внешние признаки. По описанию С.В. Иванова, *Чалбах төс* представлял собой прямоугольный кусок белой холщовой ткани размером 20х30 или 30х40 см [6, с. 167]. В его центральной части красной краской (*чоца* – охрой) чаще изображались три антропоморфные фигуры. Над их головами пришивалось такое же число маленьких отрезков красной парчи с наложенными на них кусочками собольих лапок. По сторонам (иногда только справа) нарисованы два дерева – одно корнями вверх, другое же наоборот – вершиной вверх, к небесному светилу – солнцу. Изображения окаймлялись рамкой, имеющей вид двух параллельных линий, внутри которых были начертаны зигзаги. К правому или левому верхнему углам прикреплялась миниатюрная модель бубна, представлявшая собой деревянное кольцо и колотушку из этого же материала [2, с. 523; 4, с. 50; 6, с. 167–168; 7, с. 339; 8, с. 131]. К верхнему краю порой прикрепляли по пучку козьих жил (*сиур*) длиной около 25 см, а также ритуальные ленты чалама синего и красного цвета [2, с. 523; 4, с. 50, 63]⁵. Иногда в той же части *töc' a* могли также пришиваться семь перьев черного орла или тетерева [2, с. 523; 4, с. 50, 63]⁶.

Семантика изображений и составных элементов *Чалбах төс' a* была основательно проанализирована С.В. Ивановым [6, с. 167–173], поэтому не будем подробно останавливаться на этой теме. Заметим лишь, что ученый, опираясь на обширный круг музейных и литературных источников, в том числе на этнографические исследования Н.Ф. Катанова, С.Д. Майнагашева и А.В. Адрианова, пришел к вполне обоснованному и справедливому выводу о том, что в представлении верующих *Чалбах төс* воплощал собой божество огня – *От ине* [2, с. 523]. В традиционных верованиях это сверхъестественное существо выступало главным защитником и покровителем жилища и его обитателей. На тот факт, что хакасы видели в *Чалбах төс' e* домашнего защитника и охранителя, обратил внимание и В. Суховский. Он заметил, что «тряпка с бубном и тремя человечески-

¹ Качинцы (хак. хаастар) – субэтническая группа хакасов, локализованная в центральной и северной частях Хакасии.

² Ыzych – посвящаемое духу или божеству животное (конь / лошадь, корова, баран).

³ Архив Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартянова (АМКМ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 664. Л. 37 об.

⁴ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 667. Оп. 1. Д. 44. Л. 11–11 об.

⁵ Архив Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского (АМАЭС ТГУ). № 682-3. Л. 34.

⁶ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПФА РАН). Ф. 1079. Оп. 1. Д. 305. Л. 3.

ми фигурами считается покровителем юрты» [9, с. 7]. В этой связи в ритуальной лексике хакасов были распространены еще и такие альтернативные его названия, как: *От төзі* – ‘Огненный төс’, *От инези төзі* – ‘Төс богини огня’ и др. [3, с. 33; 6, с. 167; 10, с. 127].

Как отмечают исследователи, *Чалбах төс* размещался обычно внутри жилища на мужской стороне. Ему отводилось самое почетное место в юрте, по традиции — вверху, находилось у алтаря между кроватью хозяев и ящиками с имуществом [7, с. 339]. Архивные материалы также подтверждают и уточняют обозначенное месторасположение этого фетиша: «Чалбак, внутри юрты на южной стороне, кусок холста с 7 перьями птицы»⁷; «Идол помещается на мужской половине, на южной стороне»⁸; «Чалбах (широкий) – төс, подвешивается на ремешках к бревну крыши с южной стороны внутри юрты и состоит из широкого куска холста, разрисованного по краям и посередине охрой, а по краям в виде узорной рамки. В центре изображены человеческие фигуры с пришитыми на головах небольшими кусочками звериной шкурки в виде шапок, иногда же с воткнутыми перьям»⁹; «Чалбах төс располагался ўстўнзарыхта [на южной половине] в верхней стороне юрты. Это кусок красного сукна (сикпен) прямоугольной формы, приблизительно 50x15-20 см»¹⁰; «Чалбах төс висел на южной стороне. Тряпка на ней нарисовано семь человеческих образа желтой краской. Женщины там были нарисованы. Длина – с полметра, висел над полками и ящичками»¹¹; «Делался он из прямоугольного куска холста, там было нарисовано что-то вроде человека. Холст был величиной 50x50 или 40x40. Висел он ўстўнзарыхта [на юге], на значительном расстоянии от иконы. Нарисовано было красной краской – “чоза”»¹².

Основная сакральная функция *Чалбах төс* во многом была обусловлена непосредственным образом воплощенного в нем божества огня. В религиозно-мифологическом сознании хакасов это сверхъестественное существо воспринималось в качестве одного из сильнейших духов Среднего мира. Как уже отмечалось, верующие видели в нем одного из могущественных духов-охранителей и покровителей людей и наделяли его обширными сакральными функциями. Как верно отметил С.В. Иванов, «Чалбак-төс должен был играть роль оберега для членов семьи и для домашнего скота и мог считаться полезным в самых различных случаях» [6, с. 170]. Вместе с тем, ритуальная направленность посвященного божеству огня фетиша все же имела более суженный и конкретизированный характер. Верили, что он приносит «пользу хворым людям и скоту»¹³. Были убеждены, что божок помогает при простудах, легочных заболеваниях, ломоте в костях, болях в боках, зубах и пр. [4, с. 110; 6, с. 167; 7, с. 340].

В отношении *Чалбах төс* была выработана особая ритуальная практика. Она выражалась в периодических жертвоприношениях и посвящениях *ызых*’а. При этом обрядовые действия имели как индивидуальный, так и семейно-родовой характер. В первом случае верующие могли совершать акты поклонения в неограниченном количестве. Обычно это происходило ситуативно, по мере необходимости: например, в случае внезапного заболевания человека или домашнего скота и др. По сообщению хакасских стариков, информаторов М.С. Усмановой: «Когда кто-нибудь в семье заболевает, то его [*Чалбах төс*’а] кормили молоком. С места на место не переносили, не шевелили»¹⁴; «Джалбах төс ест человеческую грудь <...> Брызгали на него только молоком»¹⁵; «Кормили Чалбах төс, если ребенок или взрослый заболевает. Шаман тогда шаманит штанами»¹⁶.

Поклонение *төс*’у совершалось лично хозяином или хозяйкой жилища, при этом могло осуществляться как с участием шамана или иного служителя культа, так и без них. Само священнодействие происходило в утреннее или дневное время [11, с. 101]. Оно включало обращение к фетишу с поклонами, его окуривание богородской травой (*ирбен*) и «кормление». В отдельных случаях верующие произносили слова покаяния перед ним. В качестве жертвенного дара могла быть следующая пища: кипяченое молоко, масло и иногда сметанная каша – *потхы*. Процесс ее подношения представлял собой кропление молоком на *Чалбах төс*’а и обмазывание его другой едой [11, с. 100; 4, с. 50]¹⁷. Отмечая данную ритуальную практику хакасов, П.Е. Островских в своих этнографических заметках писал: «Один экземпляр [*Чалбах төс*] из добытых мною настолько забрызган молоком, что имеет толстую кору и изображения на холсте едва можно разглядеть» [7, с. 340].

Верили, что *Чалбах төс* наделен особой магической силой, способной исцелять определенные болезни людей. Были убеждены в его эффективности при лечении детских испугов. В последнем случае наряду с этим фетишем поклонялись также культовому изделю *Ымай төс* – ‘фетиш богини Умай’. Для этой цели его вынимали из шкатулки (*абдыра*) и размещали около колыбели, где находился ребенок. Рядом стелили и *Чалбах төс*. Для жертвенного угощения этих духов-покровителей приготавливали сметанную кашу. Она выкладывалась в ритуальную чашу (*хара чірче*). Затем мать ребенка с просьбой обращалась к богине Умай и божеству огня – *От ине*. Во время этого процесса специальной ложкой (*хара сомнах*) она трижды клала в очаг *потхы*. Затем, подчерпнув из чаши новую порцию каши, обмазывала ею фетиши. После этого ребенку давали съесть три ложки этой каши. Остатки обрядовой каши должны были доесть остальные дети, присутствовавшие на обряде¹⁸.

⁷ СПФА РАН. Ф. 1079. Оп. 1. Д. 305. Л. 3.

⁸ АМКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 664. Л. 37 об.

⁹ АМАЭС ТГУ № 677-13. Лл. 20–21.

¹⁰ Там же. № 681-5. Л. 2.

¹¹ Там же. Л. 24.

¹² Там же. № 682-3. Л. 7.

¹³ СПФА РАН. Ф. 1079. Оп. 1. Д. 305. Л. 3.

¹⁴ АМАЭС ТГУ № 681-5. Л. 2.

¹⁵ Там же. № 682-3. Л. 7.

¹⁶ Там же. Л. 19.

¹⁷ Там же; № 681-5. Л. 24; № 682-3. Л. 7.

¹⁸ Там же. № 681-1. Л. 58–59.

Семейно-родовые акты почитания *Чалбах төс'* а носили более регламентированный характер и совершались в строго определенное время. Как отмечал А.В. Адрианов, у хакасов «весною и осенью ежегодно совершается чествование домашних пенатов, находящихся на мужской и женской половине почти в каждой юрте» [2, с. 512]. Данное правило распространялось и на *Чалбах төс'* а. Кроме того, требовалось «кормить» фетиш ежемесячно на новолуние. В процессе отправления ритуала использовалось молоко, полученное только от белой коровы. Божок предварительно окуривали *ирбен'ом*. Произносили молитву – *алгыс* и совершали трехкратное кропление молоком (на него), а затем и *араг'ой*. Все эти действия верующие непременно сопровождали поклонами [6, с. 167].

Хакасы верили, что помимо патронажа обитателей юрты *Чалбах төс'* еще покровительствовал домашним животным и способствовал увеличению их поголовья. В связи с этим в народе бытовало следующее выражение – «*Чалбах төс – ол мал оңдайлыг*» – «*Чалбах төс* полезен для скота»¹⁹. На подобные суждения вслед за Н.Ф. Катановым [11, с. 100] обратил внимание Е.К. Яковлев. Он писал, что «Чалбак приносит выздоровление хворающим лошадям и крупному скоту» [4, с. 108]. Поэтому один раз в три года (у некоторых – через семь лет) божееству огня посвящали *ызых'а* – рыжую кобылу. Ритуал проводился шаманом в юрте и, в отличие от всех остальных случаев, обязательно ночью. Шаман совершал камлание, в процессе которого обрызгивал *Чалбах төс'* а молоком. После всех необходимых обрядовых акций его выносили из жилища и клали на спину лошади. Это символизировало тот факт, что это животное полностью принадлежит духу огня. Были убеждены, что он будет на ней ездить. *Ызых'а* по завершению обряда отпускали на свободу. А *Чалбах төс'* а вносили обратно в юрту и возвращали на отведенное для него место [6, с. 170].

Таким образом, представленный материал позволяет сделать вывод о том, что в мировоззрении и обрядовой практике хакасов значительное внимание отводилось культу огня. В традиционном сознании огонь наделялся охранительными и покровительствующими функциями. Верили, что огонь обладал свойствами очищения, исцеления и др. Образ духа огня нашел яркое воплощение в фетише *Чалбах төс'*. Все основные сакральные качества, присущие этому сверхъестественному существу, переносились и на данное ритуальное изделие. В отношении него была сформирована особая система обрядности. Этот божок воспринимался в качестве одного из важнейших семейно-родовых духов-покровителей. Широко бытовала убежденность, что во многом от его благосклонности зависит сохранность здоровья людей, благополучие их жизни и успех в хозяйственной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хакасско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

¹⁹ АМАЭС ТГУ № 681-5. Л. 2.

2. Адрианов А.В. Айран в жизни минусинского инородца // Записки ИРГО по отд-нию этнография, 1909. Т. 34. С. 489–524.

3. Клеменц Д.А. Заметка о тысях // Известия Вост.-Сиб. отд. ИРГО, 1892. Т. XXIII, № 4–5. С. 23–35.

4. Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и Объяснительный каталог Этнографического отдела музея. Описание Минусинского музея. Минусинск, 1900. Вып. IV. 212 с.

5. Усманова М.С. Культ тэсей у кызыльцев // Из истории Сибири. Томск, 1975. Вып. 16. С. 206–215.

6. Иванов С.В. К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья // Сборник Музея антропологии и этнографии. М., Л., 1955. Т. 16. С. 165–264.

7. Островских П.Е. Этнографические заметки о тюрках Минусинского края // Живая старина. 1895. Вып. 3–4. С. 297–348.

8. Кузнецова А.А. Жилища, одежда и пища минусинских и ачинских инородцев // Кузнецова А.А., Кулаков П.Е. Минусинские и ачинские инородцы. Красноярск, 1898. С. 105–213.

9. Суховский В. О шаманстве в Минусинском крае // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском императорском университете. 1901. Т. 17. С. 1–9.

10. Бутанаев В.Я. Бурханнизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан, 2003. 260 с.

11. Катанов Н.Ф. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сент. 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии. Казань, 1897. 104 с.

REFERENCES

1. Khakass-Russian Dictionary. Novosibirsk: Nauka, 2006, 1114 p. (In Russ.)

2. Adriyanov A.V. Ayran in the life of the Minusinsk inorodtsy. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva po ot. Etnografiya*, 1909, vol. 34, pp. 489–524. (In Russ.)

3. Klements D.A. Note about the tyusy. *Izvestiya Vostochno-sibirskogo ot. del. Russkogo Geograficheskogo Obshchestva*, 1892, vol. 23, no. 4–5, pp. 23–35. (In Russ.)

4. Yakovlev E.K. Ethnographic Overview on Native Population in the South Yenisei Valley and Explanatory Catalog of the Ethnographic Department of the Museum. Description of the Minusinsk Museum. Minusinsk, V. I. Kornakov Publ., 1900, vol. IV, 212 p. (In Russ.)

5. Usmanova M.S. Cult of Tyusy at Kyzyltsy. *From the history of Siberia*, 1975, no. 16, pp. 206–215. (In Russ.)

6. Ivanov S.V. On the question of the meaning of the symbols on ancient objects of worship among the peoples of the Sayan-Altai highlands. *Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography*. Vol. 16. Moscow, Leningrad, Publ., of the USSR Academy of Sciences, 1955, pp. 165–264. (In Russ.)

7. Ostrovskikh P.E. Ethnographic Notes about the Turks of the Minusinsk Territory. *Zhivaya Starina*, 1895, vol. III–IV, pp. 297–348. (In Russ.)

8. Kuznetsova A.A. Housing, clothing and food Minusinsk and Achinsk natives. *Kuznetsova A.A., Kulakov P.E. Minusinsk i Achinsk i inorodtsy*. Krasnoyarsk: Yenisei provincial management Publ., 1898, pp. 105–213. (In Russ.)

9. Sukhovskii V. About shamanism in Minusinsk territory. *Izvestiya Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete*, 1901, vol. 17, pp. 1–9. (In Russ.)

10. Butanaev V.Ya. Burkhanism of the Turks of Sayan-Altai. Abakan, KhGU Publ., 2003, 260 p. (In Russ.)

11. Katanov N.F. Report of a Journey Made from May 15 to Sept. 1, 1896 to the Minusinsk District of the Yenisei Province. Kazan', Tipolito-grafiya Imperatorskogo Kazanskogo Universiteta Publ., 1897, 104 p. (In Russ.)

DOI: 10.15372/HSS20160211
УДК 314.83+397

В.В. НИКОЛАЕВ

ПОЛОВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА ЭТНОЛОКАЛЬНЫХ ГРУПП КУМАНДИНЦЕВ И ЧЕЛКАНЦЕВ В 1940–1950-х гг.*

Василий Владимирович Николаев,
канд. ист. наук, научный сотрудник,
Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, 17,
Новосибирский национальный исследовательский государственный университет,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2
e-mail: nikolaevv06@mail.ru

Статья посвящена демографическим трансформациям у кумандинцев и челканцев, вызванных Великой Отечественной войной. Рассматриваются изменения в половозрастной структуре, делается вывод о кризисном состоянии у них демографической сферы после войны, ухудшении условий жизни.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, коренное население Сибири, кумандинцы, челканцы, этнодемография.

V.V. NIKOLAEV

THE AGE-SEX STRUCTURE OF ETHNO-LOCAL GROUPS OF KUMANDINS AND CHELKANS IN THE 1940–1950S

Vasily V. Nikolaev,
Candidate of Historical Sciences, Researcher
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
17, Ak. Lavrentiev str., Novosibirsk, 630090, Russia,
Novosibirsk national research state university,
2, Pirogova str., Novosibirsk, 630090, Russia,
e-mail: nikolaevv06@mail.ru

The article deals with demographic transformations of the ethno-local groups of Kumandins and Chelkans as a result of the Great Patriotic War as exemplified by the age-sex structure. The Great Patriotic War produced catastrophic demographic effects on the indigenous peoples and resulted in more than 1000 deaths. The analysis of age-sex structure allows to reconstruct these effects. The research objective is to consider demographic transformations of the indigenous peoples as a result of the Great Patriotic War (1941-1945) by the example of ethno-local groups of Kumandins and Chelkans. Despite the considerable volume of publications about the Great Patriotic War, the problem of participation indigenous people of Siberia and the North in this war remains understudied. In particular, there are virtually no studies on the demography of indigenous peoples during this period. Research is based on data from the registers of farms of the Nizhneneninsk and Suzop Village Councils, the Solton district of Altai Region, and Malocheben Village Council in the the Turachak district, Oyrat Autonomous Region (now Altai Republic) dated to the early 1950s. In general, the data on the age and sex composition of the Kumandins of the Nizhneneninsk and Suzop Village Councils, as well as the Chelkans of Malochebensky Village Council indicate that there was a demographic crisis during the postwar period. It was characterized by a gender disparity in favor of females, reduction of the share of children in the general structure of the population as a result of the low level of birth rate, increasing share of the elderly, a regressive type of age structure. Combat losses, along with the increased mortality of indigenous people as a result of deterioration of living conditions were the main causes of demographic changes.

Key words: Great Patriotic War, indigenous people of Siberia, Kumandins, Chelkans, ethnodemography.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-28-00045).

Роль коренных народов Севера и Сибири в Великой Отечественной войне остается одной из слабо освещенных тем в научной литературе. Среди неисчислимого количества человеческих жизней, принесенных в жертву на алтарь Победы, трудно «разглядеть» вклад «малых» народов СССР. Специальная литература по данной теме ограничивается статьей С.В. Москаленко и С.Г. Скобелева¹, которыми представлены приблизительные подсчеты боевых потерь народов Сибири, а также работой А.Г. Тучкова [1] о безвозвратных потерях среднеобских селькупов.

В настоящей статье рассматриваются демографические изменения после Великой Отечественной войны у кумандинцев (Нижнененинский и Сузопский сельские советы) и челканцев (Малочечеченский сельский совет). Исследование основано на материалах похозяйственных книг Нижнененинского и Сузопского сельсоветов Солтонского района Алтайского края, находящихся на хранении в местных сельских администрациях, и Малочечеченского сельсовета Турочакского района Ойратской АО (совр. Республика Алтай) – документы хранятся в Турочакском районном архиве, на начало 1950-х гг. Кроме того, использовались материалы «Книг памяти» [2, 3, 4, 5] Алтайского края и Республики Алтай, содержащие сведения о безвозвратных потерях.

Материалы похозяйственного учета населения на начало 1950-х гг. по Малочечеченскому, Нижнененинскому и Сузопскому сельсоветам сохранились в полном объеме, что позволяет произвести необходимые демографические расчеты. В то же время следует учитывать несовершенство данного вида статистических материалов, так как демографические события (например, рождение и смерть) фиксировались несвоевременно.

В «Книге памяти» Алтайского края зафиксировано 205 солтонских кумандинцев, погибших в годы войны, из которых 61 чел. был призван с территории Нижнененинского сельсовета и 51 чел. – с территории Сузопского сельсовета. Из Старобардинского района (совр. Красногорского) было призвано и не вернулось с полей сражений 113 кумандинцев [2, с. 187–294; 3, с. 447–557; 4, с. 232–239; 393–396]. Потери среди горно-алтайской группы кумандинцев определить сложно, так как все представители автохтонного населения в местных «Книгах памяти» были записаны алтайцами.

«Книга памяти» Республики Алтай содержит сведения о 417 алтайцах Турочакского и 313 алтайцах Чойского районов, погибших в годы Великой Отечественной войны [5, с. 174]. На территорию Малочечеченского сельсовета Турочакского района не вернулось не менее 36 чел. Редакционной коллегии многолетнего издания не всегда удавалось установить сведе-

ния о месте призыва. Кроме того, отсутствует информация о судьбах 9 тыс. призывников горноалтайских военкоматов, оказавшихся в рядах Красной армии в 1938–1945 гг. [5, с. 5].

Следует учитывать, что Турочакский и Чойский районы были и остаются территориями компактного проживания трех родственных народов – кумандинцев, тубаларов, и челканцев. Точные сведения о численности коренного населения в 1930–1940-е гг. отсутствуют. Общая численность трех народов в 1930-е гг. примерно составляла не менее 10 тыс. чел. Общие безвозвратные потери кумандинцев, тубаларов и челканцев, по официальным данным, достигали 1048 чел.

По данным похозяйственного учета населения, численность нижнененинских кумандинцев в 1954 г. составляла 285 чел. в 99 домохозяйствах. Сузопская группа кумандинцев в 1953 г. объединяла 100 домохозяйств и 296 чел. Малочечеченская группа челканцев в 1951 г. включала 69 домохозяйств и 269 чел. Сопоставимые показатели численности этнолокальных групп автохтонного населения позволяют провести сравнительный анализ половозрастной структуры.

Во всех трех этнолокальных группах коренного населения фиксируется преобладание женщин над мужчинами. В Нижнененинском сельсовете доли женщин и мужчин в общей структуре населения составили 55,4 и 44,6 % соответственно, в Сузопском – 54,5 и 45,5 %, а в Малочечеченском – 58,9 и 41,1 %.

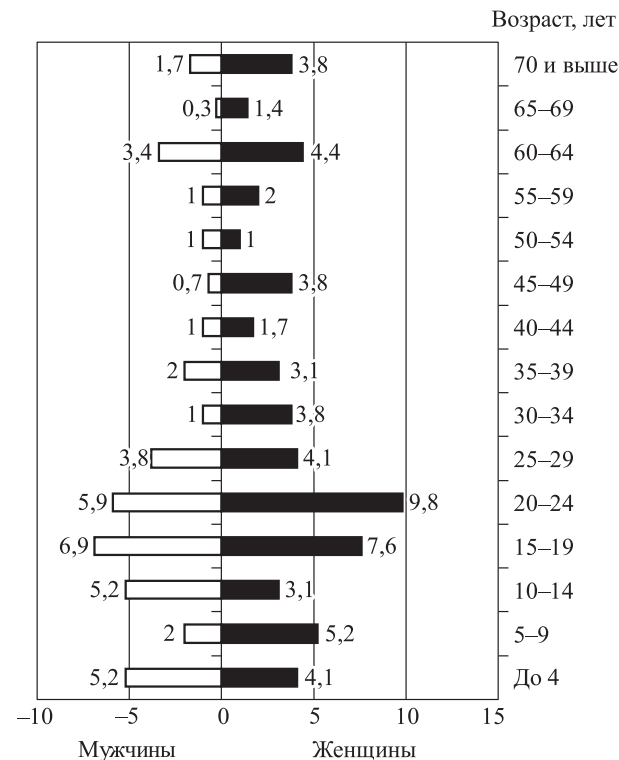

Рис. 1. Распределение коренного населения Малочечеченского сельсовета по полу и возрасту в начале 1950-х гг., % от общего числа мужчин и женщин

¹ Москаленко С.В., Скобелев С.Г. Влияние заболеваемости на динамику численности коренного населения Сибири в XVII–XX вв. // Сибирская заимка. 2001. № 2. [Электронный ресурс]. URL: http://zaimka.ru/to_sun/moskalenko1.shtml (дата обращения: 01.03.2015).

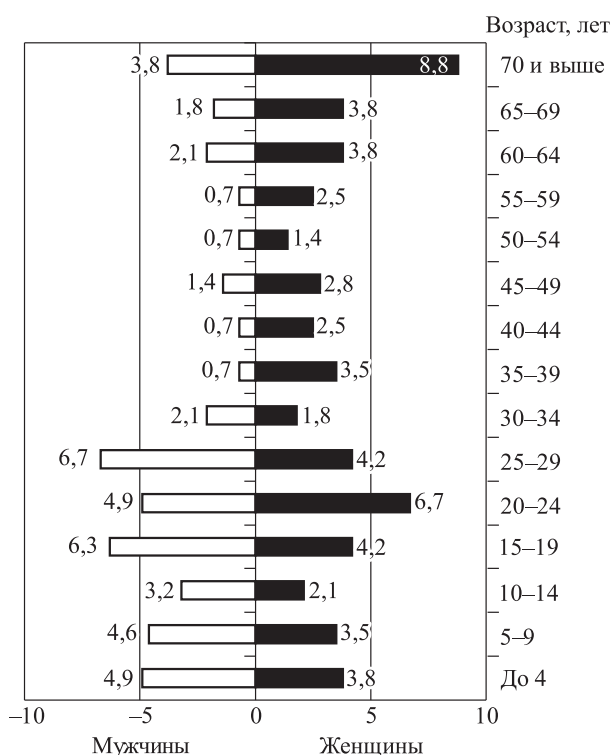

Рис. 2. Распределение коренного населения Нижнененинского сельсовета по полу и возрасту в начале 1950-х гг., % от общего числа мужчин и женщин

В средней и старшей возрастных группах отмечается существенное преобладание женщин над мужчинами: у нижнененинских кумандинцев – в возрасте от 20 лет и старше; у сузопских кумандинцев – в возрасте от 20 до 65 лет и от 70 лет и выше; у малочечеченских челканцев – в возрасте от 15 лет и старше. Наиболее заметна половая диспропорция в возрастных группах от 30 до 49 лет, что соответствует по Нижнененинскому сельскому совету 1905–1924 гг. рождения, по Сузопскому сельскому совету 1904–1923 гг., по Малочечеченскому сельскому совету 1902–1921 гг. рождения. Кумандинцы и челканцы именно этих возрастов, как и другие граждане Советского Союза, подлежали призыву в Вооруженные Силы в годы Великой Отечественной войны, большинство из них погибли на фронте.

В целом доля 30–49-летних мужчин и женщин составила по Нижнененинскому сельсовету – 4,9 и 10,6 %, по Сузопскому – 3,7 и 11,5 %, по Малочечеченскому – 4,7 и 12,4 % соответственно. При этом в отдельных возрастных группах половая диспропорция достигала 3–6-кратного размера (напр., в Нижнененинском и Сузопском сельсоветах в возрасте 35–39 лет, в Малочечеченском сельском совете – 45–49 лет).

Возрастная структура коренного населения рассматриваемых сельсоветов несколько различалась. Так, у нижнененинских кумандинцев соотношение

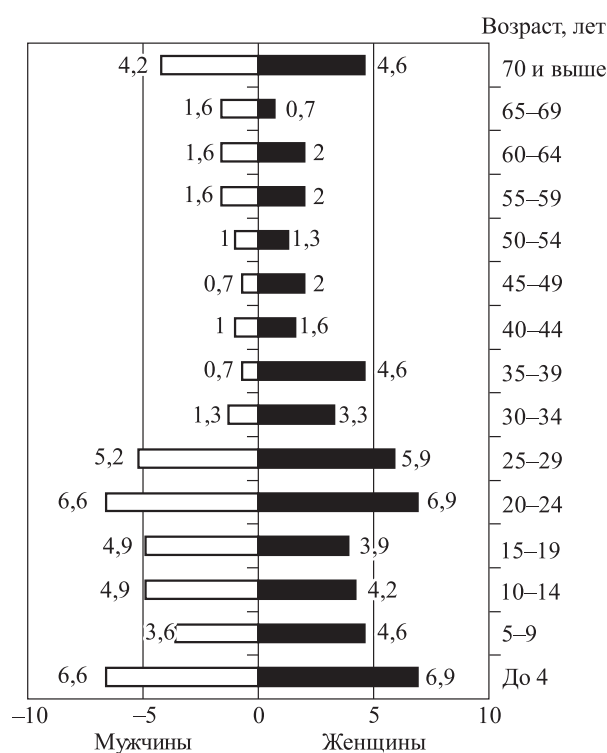

Рис. 3. Распределение коренного населения Сузопского сельсовета по полу и возрасту в начале 1950-х гг., % от общего числа мужчин и женщин

детей, взрослых и пожилых было следующим: 32,6; 43,3 и 24,1 % соответственно; у сузопских кумандинцев – 30,8; 54,5 и 14,7 %, а у малочечеченских челканцев – 24,8; 60,2 и 15 %. В соответствии со шкалой демографического старения Ж. Божё-Гарнье – Э. Россега группа кумандинцев, проживавших в Нижнененинском сельсовете, отличалась очень высоким уровнем демографической старости. Несколько лучше демографическая ситуация выглядела у кумандинцев Сузопского и челканцев Малочечеченского сельсовета, у которых показатели возрастной структуры соответствовали среднему уровню демографической старости. В целом возрастную структуру рассматриваемых групп автохтонного населения можно отнести к регрессивному типу.

Возрастная структура, как и половая, также отражает влияние демографических потерь в годы Великой Отечественной войны. Доля взрослых во всех трех этнолокальных группах в основном представлена 15–29-летними, которые в большинстве своем не подлежали призыву в годы войны. Кроме того, в силу молодости представители этих возрастных групп «легче» и с меньшими потерями перенесли ухудшение условий жизни в тылу. В целом указанные возрастные группы составляли более трети коренного населения: в Нижнененинском сельсовете – 33 %, в Сузопском – 33,4, в Малочечеченском – 38,1 %.

Вместе с тем доля детей в общей структуре автохтонного населения этнолокальных групп была сравнительно незначительной и уступала возрастной группе 15–29-летних. В первую очередь это было связано с резким снижением уровня рождаемости в военные годы из-за призыва в армию большинства мужчин репродуктивного возраста. Так, у нижнененинских кумандинцев доля возрастной группы 1940–1944 гг. рождения (10–14-летние) существенно уступала «соседним»: 5,3 % против 10,5 % 15–19-летних и 8,1 % 5–9-летних. Если же выделить возрастную группу 1941–1945 гг. рождения, то получим еще меньшее значение – 3,2 % от общей численности коренного населения. При этом, по данным похозяйственного учета, в 1943 г. на территории Нижнененинского сельсовета в кумандинских семьях не родилось (или не дожило до 1954 г.) ни одного ребенка. Аналогичная демографическая ситуация складывалась и в других рассматриваемых этнолокальных группах автохтонного населения.

После войны фиксируется некоторое увеличение уровня рождаемости. Доля возрастной группы от 0 до 4 лет в общей структуре населения превысила предшествующие когорты, приходившиеся на военное время, и составила в Нижнененинском сельсовете – 8,7 %, Сузопском – 13,5, Малочеченском – 9,3 %. Компенсационная рождаемость была сравнительно незначительной (за исключением Сузопского сельсовета). В частности, на это указывает тот факт, что доля возрастной группы 0–4-летних уступала довоенным когортам (например, 15–19-летним) в общей структуре населения. На основе таких косвенных данных можно говорить о более низком уровне рождаемости на рубеже 1940–1950-х гг. по сравнению с довоенным периодом. Возможно, более низкие количественные показатели младших возрастных групп обусловлены несовершенством похозяйственного учета населения, связанным с сокрытием демографических событий коренным населением или поздней их фиксации.

Таким образом, Великая Отечественная война привела к катастрофическим демографическим последствиям для коренного населения, которые нашли отражение в половозрастной структуре. В первую очередь фиксируется половая диспропорция в пользу женщин, связанная с безвозвратными потерями в годы войны, затронувшими в основном мужчин 30–49 лет. Дисбаланс в половой структуре автохтонного населения, а также призыв большинства мужчин репродуктивного возраста в годы войны привели к снижению уровня рождаемости, что отразилось на сокращении доли детей в общей структуре населения. В целом половозрастная структура кумандинцев Нижнененинского и Сузопского сельсоветов, а также челканцев Малочеченского сельсовета указывает на кризисное состояние демографической сферы после войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тучков А.Г. «Большая война» и демографическая ситуация у среднеобских селькупов // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. 2012. № 9. С. 100–106.
2. Книга памяти. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1993. Т. 3. 783 с.
3. Книга памяти. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1994. Т. 5. 825 с.
4. Книга памяти. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1996. Т. 9. 599 с.
5. Книга памяти. Горно-Алтайск: изд-во «Юч-Сюмер», 1996. Т. 4. 176 с.

REFERENCES

1. Tuchkov A.G. «Great war» and demographic situation among the Selkups in the Middle Ob Region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2012, vol. 9, pp. 100–106. (In Russ.)
2. Book of Memory. Barnaul: Alt. knizh. izd-vo, 1993, vol. 3, 783 p. (In Russ.)
3. Book of Memory. Barnaul: Alt. knizh. izd-vo, 1994, vol. 5, 825 p. (In Russ.)
4. Book of Memory. Barnaul: Alt. knizh. izd-vo, 1996, vol. 9, 599 p. (In Russ.)
5. Book of Memory. Gorno-Altai: Yuch-Syumer, 1996, vol. 4, 176 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 14.04.2016

DOI: 10.15372/HSS20160212
УДК 392.9

У.В. СВЕТАЧЕВА

**ТРАДИЦИИ ДОМОСТРОЕНИЯ ЮЖНОРУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ
(ЭКСПЕДИЦИЯ МИНУСИНСКОГО МУЗЕЯ ИМ. Н.М. МАРТЬЯНОВА)**

Ульяна Владимировна Светачева,
аспирант,
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М.Мартьянова,
РФ, 662608, г. Минусинск, ул. Ленина, 60,
e-mail: uliankalibra@yandex.ru

Статья посвящена проблеме формирования группы южнорусских переселенцев в Минусинском уезде в XIX – начале XX вв. Затрагиваются вопросы истории возникновения ряда поселений, начиная с первых деревень начала XIX в., описываются традиции домостроительства. Особое внимание уделяется ритуальной сфере, связанной с жилищем: приметам, обычаям и обрядам, бытовавшим у первопоселенцев.

Ключевые слова: Минусинский уезд, домостроительство, переселенцы, украинцы.

U.V. SVETACHEVA

**SOUTH RUSSIAN TRADITIONS OF HOUSE CONSTRUCTION
(ON THE RESULTS OF THE MARTYANOV MUSEUM EXPEDITION IN 2015)**

Uliana V. Svetacheva,
graduate student,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Minusinsk Martyanov museum,
60, Lenina str., Minusinsk, 662608, Russia,
e-mail: uliankalibra@yandex.ru

The objective of this article is to consider the history of development of several South Russian settlements in the Minusinsk region and their architectural traditions. The culture of South Russian resettlers is less studied than that of the old residents. It analyzes the issues related to the formation of the group of South Russian settlers in the Minusinsk uyezd; touches upon an issue establishment of several settlements; describes traditions of house construction, including the rituals of the domicile. The paper is based on the materials of expedition organized by the Minusinsk local history museum in 2015. The expeditionary work was carried out in the villages of Minusinsky, Kuraginsky, Krasnoturansky, Idrinsky Districts of the Krasnoyarsk Krai. Traditional culture of the South Russian resettlers was studied during a short-term trip. The main forms of work were interviews with audio recording and photography.

The majority of South Russian settlements in the Minusinsk uyezd had been formed since the late XIX – early XX centuries. Stolypin agrarian reforms largely contributed to the process of resettlement. However the first descendants from the South Russian territories came here as early as in the early XIX century. It was the time when the village of Kavkazskaya was established.

The settlers were immigrants from Mogilev, Orel, Kharkov, Tambov and Poltava provinces of the Russian Empire. The buildings in the above settlements continued the South Russian architectural traditions: the immigrants used to build dugouts (zemlyankas), mud huts (mazankas, mazanuhas), trampled huts (toptankas), houses of sward layers; hutches of sun-dried bricks were also wide-spread due to the lack of building timber. To some villages it was brought from the sub-taiga areas. Houses of sun-dried bricks prevailed in those villages that had neither wood nor possibilities to import it from other areas. The author notes that some superstitions connected with housebuilding, moving home and house-warming parties (vlazyny) have survived up to our days.

Key words: Minusinsk territory, housebuilding, settlers, Ukrainians.

Во второй половине XIX в. и особенно в начале XX в., после реформ П.А. Столыпина, увеличивается приток мигрантов на территорию Минусинского уез-

да. Расширяется миграционная география: переселяются выходцы из средних и южных губерний Европейской России.

В настоящее время традиционная культура южнорусских переселенцев остается малоизученной. Основное внимание исследователями уделялось культуре русского старожильского населения [1, 2, 3, 4, 5]. Поэтому главной целью кратковременной маршрутной историко-этнографической экспедиции, организованной Минусинским региональным краеведческим музеем им. Н.М. Мартянова в августе – сентябре 2015 г., стало изучение поселений, образованных выходцами с южнорусских территорий Российской империи. В ходе экспедиции были посещены села Кавказское, Ново-Троицкое и Николо-Петровка Минусинского района, Алексеевка и Новопокровка Курагинского района, Моисеевка и Ново-Ивановка Красноярского района Красноярского края.

В работе с информантами использовались вопросы, разработанные участниками экспедиции по программам обследования поселений и построек А.Ю. Майничевой [6, 7, 8, 9] с применением этноэкологического подхода [10].

Рассматривая результаты указанной экспедиции, автор статьи исходит из положения о том, что памятники зодчества являются своеобразным этномаркером, их изучение позволит более полно раскрыть механизмы адаптации переселенцев к новым условиям [6, с. 257]. Следует отметить, что южнорусские и украинские переселенцы XIX – начала XX в. исследователями не разделялись [11, с. 100], поэтому, а также в связи с особенностями полученной информации данный подход сохраняется в статье.

Формирование группы южнорусского населения началось в первой половине XIX в. [11, с. 100]. К 1805 г. относятся первые упоминания о д. Кавказской. В приказе минусинскому волостному правлению встречается информация о группе «кавказских переселенцев», поселившихся «выше деревни Городок по р. Туба»¹. Деревня Кавказская была основана выходцами из Курской губернии, пытавшимися ранее обосноваться на Северном Кавказе. Часть переселенцев уехала в д. Козлову². В 1891 г. произошел крупный пожар, уничтоживший значительную часть основанной деревни. Сохранились названия двух ее частей: Кулацкий край и Лапшиха³.

Согласно «Списку населенных пунктов по сведениям 1859 г.» к этому времени выходцы с Украины проживали в деревнях Кортузной, Кривинской, Ойской, а также Кавказской и Галактионовой (бывшая заимка д. Кавказской) [12].

Со второй половины XIX – начала XX в. увеличился приток населения с южнорусских и украинских территорий [11, с. 98]. К этому времени относится возникновение большей части деревень, посещенных экспедицией. Во второй половине XIX в. появились с. Новотроицкое, д. Моисеевка (1888 г.), д. Новопокровка (1889 г. [13, с. 20]). Деревни Алексеевка, Джирим, Нико-

ло-Петровка и Ново-Ивановка относятся к «стольпинским» деревням: их возникновение согласно «Списку населенных мест Сибирского края. Вып. XV. Минусинский округ» [13] датируется 1908 г.

Большую роль в дальнейшей истории упомянутых населенных пунктов сыграли переселения второй половины XX в., в том числе связанные со строительством Саяно-Шушенской ГЭС и затоплением значительной территории. Кроме того, вследствие политики укрупнения колхозов некоторые деревни либо пришли в упадок, либо перестали существовать. Прежде всего, это коснулось сравнительно новых поселений, в частности «стольпинских» деревень.

Предки информантов прибыли в конце XIX – начале XX в. из Могилевской, Орловской, Харьковской, Тамбовской и Полтавской губерний⁴. Первыми поселенцами были Кризько, Щегловы, Яковенко, Сыченко, Сердюк, Величко⁵ в с. Николо-Петровка, Хало, Коломеец, Кривченко, Бабич, Ганенко, Рыбченко, Жаловы, Тимченко, Верпето, Кривохижа, Свиноренко – в с. Моисеевка. В с. Новопокровка проживали также выходцы из Орловской и Могилевской губерний; называются фамилии – Марикущны, Семеновы, Русаковы, Белякины, Алферовы, Преловы, Менжуренко, Беловы, Саушевы, Хитяевы, Соркины, Рассохины⁶. В расположенную неподалеку от с. Новопокровка Алексеевку переселялись выходцы из Украины и Белоруссии, среди фамилий первопоселенцев здесь называют Алексеевых, Медведевых, Лисица, Беловых, Масюка, Краснощека [14, с. 118–122].

Заселение переселенцами деревень, основанных в начале XX в., чаще всего происходило по плану: так, в Алексеевке под усадьбу и огород земля нарезалась всем поровну, потому улицы были ровные, с широкими переулками и «задами» (*местн.* – задними дворами) [14, с. 118–122].

В застройке данных поселений в разной степени сохранились традиции южнорусского зодчества. Переселенцы строили землянки, мазанки (мазанухи), топтанки, дома из пластов дерна, широко были распространены саманные дома⁷. Информанты отмечают, что саманные дома были теплыми⁸. Первую зиму переселенцы д. Алексеевки жили в куренях (*местн.* – под куренем в данном случае понимается временное жилище, полуземлянка), а затем строили деревянные дома [14, с. 120].

Саманные дома являются традиционными для южнорусского населения. Другой причиной распространения их в Сибири стал дефицит леса в некоторых

⁴ Полевой материал автора: Алексеева П.Л. – д. Новопокровка; Смондарев Л.Ф. – с. Кавказское; Егорова Г.А. – с. Кавказское; Торба П.Л. – д. Николо-Петровка; Куприна Т.В. – с. Ново-Троицкое.

⁵ Полевой материал автора: Торба П.Л. – д. Николо-Петровка.

⁶ Полевой материал автора: Алексеева П.Л. – д. Новопокровка.

⁷ Полевой материал автора: Алексеева П.Л. – д. Новопокровка; Егорова Г.А. – с. Кавказское; Торба П.Л. – д. Николо-Петровка; Куприна Т.В. – с. Ново-Троицкое.

⁸ Полевой материал автора: Пономарев В.Д. – д. Николо-Петровка; Егорова Г.А. – с. Кавказское.

¹ Архив города Минусинска (АГМ). Ф. 34. Оп. 1. Д. 143. Л. 19.

² Там же. Л. 17.

³ Полевой материал автора. Смондарев Л.Ф. – с. Кавказское.

селах и деревнях. Не во всех поселениях имелся строительный лес. Из Алексеевки такой лес заготавливали в тайге за Артемовском, сплавляли до Шалаболино и дальше везли на лошадях [14, с. 120]. П.Л. Алексеева, жительница Новопокровки, рассказывала, что дед «с тайги навозил себе леса и построил две комнаты»⁹. В.Д. Пономарев отмечал, что в Николо-Петровке – «не было лесу», поэтому были только саманные дома, деревянные появились в 1960-х гг., когда в Николо-Петровку переселились жители с. Потрошилово¹⁰. В 1950–1960-е гг. в Николо-Петровке появились новые улицы Мира и Кравченко, где проживали переселенцы из д. Потрошилово, которые перевезли с собой свои дома и надворные постройки. Землянки и саманные дома в Николо-Петровке существовали долгое время.

В строительстве широко использовался плитняк – пластины из природного натурального камня. Так, в настоящее время в селах Николо-Петровка и Кавказское сохранились заборы, амбары и другие хозяйственные постройки, выложенные из плитняка. Большая часть огородов огорожена этим материалом, такие заборы местные жители называют «каменки».

Жилую постройку называли «хата»¹¹ или «изба»¹². Распространены были дома-пятистенки, встречаются также крытые по-амбарному (с двускатной крышей) избы. Крестовые дома встречаются реже, иные типы жилищ в настоящее время не отмечены. Комнату, где находилась печь, обычно называли кухней или избой, вторую – горницей или комнатой¹³.

Строили обычно сами. Глину на саман месили в клетках-формах, наподобие кирпича, смешивали с навозом и соломой¹⁴. При строительстве собирали помочь, угощали самогоном: «они помогли, вечером сели, выпили, и все»¹⁵.

Долгое время сохранялись бани, топившиеся по-черному, бани по-белому появляются с середины XX в. В с. Ново-Троицкое сохранилась баня по-черному, в настоящее время она используется как сарай.

Помимо бани, на территории усадьбы находились стайки, амбары, «завозня», в каждом дворе был колодец¹⁶.

Говоря о домостроительных традициях, нельзя не затронуть связанный с ними мифоритуальный комплекс. Жилище, будучи своеобразным сакральным пространством, укрытием человека от внешнего мира, нахо-

дилось в тесной связи со сферой духовной, ритуальной, которая пронизывала весь процесс постройки жилища. Процесс строительства в традиционной культуре тесно переплетался с ритуальной сферой. Можно выделить четыре группы обрядов, связанных с постройкой жилища: предваряющие строительство (при заготовке древесины, выборе места), обряды, связанные с процессом постройки дома, обряды при переходе в новый дом и поверья, связанные с домовым [15, с. 15].

Приметы, связанные с выбором места будущего дома, сохранились слабо. Нельзя было строить дом на месте, где стояли ворота: «все будет из дома уходить»¹⁷.

Существовали и обряды при строительстве: под матку клали деньги, под подоконники – траву, чтобы был урожай¹⁸.

В новый дом входили при полной или растущей луне¹⁹. Первым делом в дом пускали кошку²⁰, затем заходили хозяева с иконой²¹, хлебом-солью²².

При переезде в новый дом в старом оставляли стол, стул (табуретку) и икону²³, такая ситуация была зафиксирована в нескольких деревнях.

Вера в домового и истории о нем сохранились не у всех информантов. Его звали с собой при переезде в новый дом: «Кузя, поедем с нами, на новом месте будем уживаться, будем друг друга почитать, на новом месте будем жить». Для домового оставляли на ночь немывную посуду²⁴.

Рассказов о баннике мы не зафиксировали, встречалось представление, что в бане также обитает домовый²⁵. С баней было связано большое количество запретов: в бане нельзя было ругаться и материться, нельзя ходить в баню после полуночи и в праздники²⁶.

Стоит отметить, что информанты, которые могут рассказать о дореволюционной истории и традициях, практически не осталось. Самый ранний год рождения информантов – 1929 г. Большой пласт информации об истории поселений, традиционной застройке оказался утерян.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Верник А.А. Традиционная культура русских старожилов Хакасско-Минусинского края (вторая половина XIX – нач. XX в.). – Красноярск: Сиб. юридич. ин-т МВД России, 2005. 228 с.

⁹ Полевой материал автора: Алексеева П.Л. – д. Новопокровка.

¹⁰ Полевой материал автора: Пономарев В.Д. – д. Николо-Петровка.

¹¹ Полевой материал автора: Куприна Т.В. – с. Ново-Троицкое.

¹² Полевой материал автора: Сумина – д. Николо-Петровка.

¹³ Полевой материал автора: Куприна Т.В. – с. Ново-Троицкое; Смодарев Л.Ф. – с. Кавказское; Сумина – д. Николо-Петровка; Егорова Г.А. – с. Кавказское.

¹⁴ Полевой материал автора: Торба П.Л. – д. Николо-Петровка; Пономарев В.Д. – д. Николо-Петровка.

¹⁵ Полевой материал автора: Торба П.Л. – д. Николо-Петровка; – Куприна Т.В. – с. Ново-Троицкое.

¹⁶ Полевой материал автора: Куприна Т.В. – с. Ново-Троицкое; Смодарев Л.Ф. – с. Кавказское.

¹⁷ Полевой материал автора: Куприна Т.В. – с. Ново-Троицкое.

¹⁸ Полевой материал автора: Куприна Т.В. – с. Ново-Троицкое.

¹⁹ Полевой материал автора: Куприна Т.В. – с. Ново-Троицкое.

²⁰ Полевой материал автора: Алексеева П.Л. – д. Новопокровка; Торба П.Л. – д. Николо-Петровка; Куприна Т.В. – с. Ново-Троицкое; Сумина – д. Николо-Петровка.

²¹ Полевой материал автора: Алексеева П.Л. – д. Новопокровка.

²² Полевой материал автора: Куприна Т.В. – с. Ново-Троицкое.

²³ Полевой материал автора: Алексеева П.Л. – д. Новопокровка; Куприна Т.В. – с. Ново-Троицкое.

²⁴ Полевой материал автора: Куприна Т.В. – с. Ново-Троицкое.

²⁵ Полевой материал автора: Куприна Т.В. – с. Ново-Троицкое.

²⁶ Полевой материал автора: Алексеева П.Л. – д. Новопокровка; Куприна Т.В. – с. Ново-Троицкое; Сумина – д. Николо-Петровка; Егорова Г.А. – с. Кавказское.

2. Прищепина Е.В. Представления о домашнем духе русских старожилов Хакасско-Минусинского края // Вестник ХГУ им. Н.Ф. Катанова. Сер. 3. История. Право. Абакан, 2002. Вып. 2. С. 8–10.

3. Шестаков А.Н., Леонтьев Е.В. Усадьба и жилище русских старожилов юга Приенисейского края в первой пол. XIX в. // Мартыановские краеведческие чтения (2008–2009): сб. докл. и сообщ. Минусинск, 2010. Вып. 6. С. 167–170.

4. Майничева А.Ю., Глухих Е.И., Рыговский Д.С. Полевые исследования жилищного комплекса как одного из частей культуры жизнеобеспечения русских старожилов Хакасско-Минусинской котловины // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. Материалы X Междунар. науч.-практ. конф. Барнаул: АГПУ, 2015. С. 131–134.

5. Майничева А.Ю., Глухих Е.И., Рыговский Д.С. Жилище в культуре жизнеобеспечения русских Хакасско-Минусинской котловины: новые материалы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. Т. 21. С. 519–522.

6. Майничева А.Ю. Методические основы этнографических исследований объектов деревянного зодчества // Баландинские чтения. 2013. № 1. С. 257–263.

7. Майничева А.Ю. Методологические принципы оценки архитектурного историко-культурного наследия населенных мест (на примере г. Березова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2012. № 4. С. 200–205.

8. Майничева А.Ю. Недвижимые объекты культурного наследия сибирских городов в аспекте концепции культурного капитала (на примере Енисейска) // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2012. № 1. С. 43–58.

9. Майничева А.Ю. Программы этнографического обследования недвижимых объектов культурного наследия // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2009 г. Археология, этнография, устная история. Барнаул, 2009. С. 130–133.

10. Майничева А.Ю., Глухих Е.И. Русские старожильские поселения Приангарья: проблемы и результаты этноэкологического моделирования // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, № 7. С. 281–287.

11. Леонтьев Е.В. К истории формирования украинского населения на юге Приенисейского края в XIX в. // Мартыановские чтения (2008–2009). Минусинск, 2010. Вып. VI. С. 98–100.

12. Список населенных пунктов по сведениям 1859 г. СПб.: б/и, 1864. LI: Енисейская губерния. 118 с.

13. Список населенных мест Сибирского края. Новосибирск: б/и, 1929. Вып. XV: Минусинский округ. 956 с.

14. Романченко М.В. Из жизни первопоселенцев с. Алексеевка Курагинского района // Мартыановские чтения (2008–2009). Минусинск, 2010. Вып. VI. С. 118–122.

15. Байбури А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. М.: Наука, 1983. 188 с.

2. Prischepa E.V. The concept of the spirit of the Russian old residents' home in Khakass-Minusinsk Region. *Vestnik HGU im. N. F. Katanova*. Ser. 3. Istoriya. Pravo. Abakan, 2002, vyp. 2, pp. 8–10. (In Russ.)

3. Shestakov A.N., Leontiev E.V. Manor houses of Russian old residents of the South Yenisei region in XIX century. *Mart'yanovskie kraevedcheskie chteniya (2008–2009)*. *Sbornik докладov i soobshcheniy*. Minusinsk, 2010, vyp. 6, pp. 167–170. (In Russ.)

4. Mainicheva A.Y., Glukhikh E.I., Rygovsky D.S. Field studies of the housing complex as one of the elements of life-support culture of the Russian old residents in the Khakass-Minusinsk Region. *Polevye issledovaniya v Priirtysh'e, Verhnem Priob'e i na Altae. Materialy X Mezhduнародной nauchno-prakticheskoy konferencii*. Barnaul: AGPU, 2015, pp. 131–134. (In Russ.)

5. Mainicheva A.Y., Glukhikh E.I., Rygovsky D.S. House in a culture of life-support of the Russians in the Khakass-Minusinsk Region: new materials. *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Novosibirsk: Izd-vo IAEHT SO RAN, 2015, vol. 21, pp. 519–522. (In Russ.)

6. Mainicheva A.Y. Methodical bases of ethnographic research of objects of wooden architecture. *Balandinskie chteniya*. 2013, no. 1, pp. 257–263. (In Russ.)

7. Mainicheva A.Y. Methodological principles of estimation of architectural historical and cultural heritage of towns (by the example of Berезov). *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2012, no. 4, pp. 200–205. (In Russ.)

8. Mainicheva A.Y. Immovable cultural heritage of Siberian cities in the aspect of the concept of cultural capital (Yeniseisk). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie*. 2012, no. 1, pp. 43–58. (In Russ.)

9. Mainicheva A.Y. Programs of ethnographic survey of immovable cultural heritage. *Polevye issledovaniya v Verhnem Priob'e i na Altae. 2009 g. Arheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya*. Barnaul, 2009, pp. 130–133. (In Russ.)

10. Mainicheva A.Y., Glukhikh E.I. Russian old settlement in the Angara region: problems and results of ethnoecological simulation. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 2015, vol. 14, no. 7, pp. 281–287. (In Russ.)

11. Leontiev E.V. On the history of formation of the Ukrainian population in the south of the Yenisei region in the XIX century. *Mart'yanovskie chteniya (2008–2009)*. Minusinsk, 2010, vyp. VI, pp. 98–100. (In Russ.)

12. List of settlements by the data as of 1859. SPb.: b/i, 1864. LI: Yenisei Province. 118 p.

13. List of settlements of the Siberian region Novosibirsk: b/i, 1929. Iss. XV: Minusinsk District, 956 p. (In Russ.)

14. Romanchenko M.V. From the life of the first settlers in the village of Alekseevka, the Kuraginsky district. *Mart'yanovskie chteniya (2008–2009)*. Minusinsk, 2010. Vyp. VI. pp. 118–122. (In Russ.)

15. Baiburin A.K. Dwellings in the rites and beliefs of the Eastern Slavs. Moscow: Nauka, 1983. 188 p. (In Russ.)

REFERENCES

1. Vernick A.A. Traditional culture of Russian old residents of Khakass-Minusinsk Region (second half of the XIX – early XX century). Krasnoyarsk: Sib. yurid. in-t MVD Rossii, 2005, 228 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 7.04.2016

DOI: 10.15372/HSS20160213
УДК 94(571)"16/18" + 39(571)

Е.Е. ЕРМАКОВА

КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ЛАНДШАФТА В СЕЛЕ РАФАЙЛОВО ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Елена Евгеньевна Ермакова,
канд. филол. наук, доцент,
Тюменский государственный университет,
РФ, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6,
e-mail: elenaprema@mail.ru

В статье анализируются механизмы формирования религиозного ландшафта, включающего почитаемые водный источник и камень. Затрагивается роль личностного начала в моделировании сакрального пространства территории, выявляются расхождения объективных данных и данных в трактовке заинтересованных лиц, а также приводятся наблюдения по клирикации данного ландшафта и объектов, ставших за последние годы почитаемыми.

Ключевые слова: Рафайлово, религиозный ландшафт, почитаемый источник, почитаемый камень.

E.E. ERMAKOVA

CONSTRUCTION OF THE RELIGIOUS LANDSCAPE OF THE VILLAGE OF RAFAYLOVO, TYUMEN REGION

Elena E. Ermakova,
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Tyumen State University,
6, Volodarskij str., Tyumen, Russia, 625003,
e-mail: elenaprema@mail.ru

The article analyzes mechanisms of creating the sacred landscape, including the worship of a water source and a revered stone. In the Trans-Urals and Siberia some "holy places" remain understudied, while relevant materials are to be introduced for scientific circulation. For the purposes of a systematic presentation the object of research are the mechanisms of creation of the religious landscape. The subject of research is the specifics of veneration of a water source and a stone in the village of Rafaylovo in the Isetsy district of the Tyumen region. The research is based on the published sources and field data (oral reports, interviews, discussions, participant observation) collected in 2012–2013. Analysis of field data collected in the peripheral rural areas reveals specific practices of the religious worship of shrines. These practices developed under the conditions of the secondary cultural landscape formed by the resettling population in the territory of the Trans-Urals. Furthermore, the research materials, which include the new sacred objects, demonstrate the new ways of sacralisation of natural objects.

Analysis of the above materials leads to the conclusion, that the sacred landscape is actively being created in the territory of a historic religious center. In Soviet times the village of Rafaylovo was completely devoid of Christian symbols (the sacred markers). Nowadays it is re-acquiring them owing to the active participation of the locals, especially the head of the local religious community. In order to improve the sacred status of the territory in the process of "new colonization" a water source and a stone (a fragment of the Holy Dormition Cathedral of the Simonov Monastery) were added as new objects of worship. New religious symbols form a new image of the sacred landscape, which is purposefully constructed thanks to the adequate strategy developed by the stakeholders, and especially by the Russian Orthodox Church, which is typical for the whole territory of Siberia.

Key words: Rafaylovo, a religious landscape, worshipped water source, holy water, revered stone.

Одной из форм освоения человеком природного ландшафта является наделение его культурными смыслами. При этом и природная, и культурная его части составляют единое целое. Вследствие многообразия культурных ландшафтов и относительной молодости науки

о них до сих пор единой классификации этих объектов не существует. Одна из возможных типологий представлена в Руководстве по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия ЮНЕСКО, где культурные ландшафты подразделяются на три категории:

целенаправленно созданные ландшафты; органично или естественно развивающиеся ландшафты; ассоциативные ландшафты, т.е. ландшафты с отчетливо проявляющимися культурными, художественными и религиозными ассоциациями (в том числе сакральные места)¹.

Культурные ландшафты вследствие их многообразия изучены не в полной мере. Особенностью научного осмысления культурных ландшафтов является то, что «каждый тип ландшафта имеет свои структурные особенности», в связи с чем «строгих алгоритмов описания культурных ландшафтов и их типологических разностей не существует» [1, с. 157]. Не все ландшафты, находящиеся в одном смысловом поле, обозначаются одной, общепринятой дефиницией. Выделяемый в документах ЮНЕСКО ландшафт с религиозными ассоциациями в исследованиях может обозначаться как религиозный, культурно-религиозный, сакральный.

Более узким, на наш взгляд, является понятие религиозного ландшафта. Одно из его определений сформулировал П.К. Дашковский: это «исторически изменяющаяся система взаимоотношений между обществом и религиозными общинами в определенном географическом пространстве в контексте этнических, социально-экономических, культурных и политических процессов» [2, с. 10]. Объектом изучения в религиозном ландшафте будут те или иные конфессии, объединения, общины. Соответственно, более широким понятием представляется сакральный ландшафт. Как отмечает М.Е. Кулешова, «в наименованиях номинаций редко встречается типологическое понятие «сакральный», однако в кратких описаниях довольно часто встречается понятие «сакрального» либо «святого» места». Сакральный ландшафт включает проведение религиозных церемоний, поклонение объектам культа, священнодействие, состоит из «сакральных (т.е. священных, культовых, ритуальных) местностей» – святых мест и религиозных центров различных конфессий, как христианских, так и иных [1, с. 146–151]. Е.Е. Левкиевская отмечает, что сакральный – это «одно из центральных понятий архаической картины мира, в христианском богословии – качество, присущее Богу и высшим божественным силам ...; в широком традиционном контексте – качество, приписываемое культовым, почитаемым объектам, наделенным высоким и положительным религиозным смыслом и особой силой, которой присущи благодать и чистота» [3, с. 534–535].

Сакральный, в том числе религиозный, ландшафт изучался в нашей стране в основном на материалах Европейской России; в последние годы происходит активизация научных исследований сакрального ландшафта и в Сибирском регионе (см., напр.: [2; 4; 5; 6; 7; 8; 9]). Рассмотрение сакрального ландшафта как актуальной модели организации жизненного пространства (помимо выявления объектов изучения, их описания и типо-

логического упорядочения) предполагает прежде всего изучение процессов формирования и механизмов конструирования (другими словами – обретения) сакрального статуса в исторической динамике. В связи с этим объектом нашего исследования станут механизмы формирования сакрального ландшафта и способы сакрализации природных и рукотворных объектов, предметом исследования – особенности почитания водного источника и камня с. Рафайлово Исетского района Тюменской области. Основной материал исследования включает полевые данные, собранные в 2012–2013 гг.

Село Рафайлово до революции было известно благодаря монастырю и иконописной школе. Свою историю оно ведет с момента основания старцем Рафаилом монастыря-пустыни, названного позднее Высоцким Троицким Рафаиловым монастырем (год основания – 1645 или 1651 [10, с. 72; 11, с. 1; 12, с. 523]). Кроме того, в нескольких километрах от Рафайлово до 1922 г. действовал женский Рафаиловский Успенский монастырь, сейчас он возрождается. Он был закрыт еще в 1804 г. из-за небольшого числа монахинь, к настоящему времени от строений монастыря осталось только одно каменное сооружение, в котором местной православной общиной организован моленный дом в честь преподобного Андрея Рафаиловского, игумена Троицкого Рафаилова монастыря. Дата рождения его неизвестна; в 1820 г. он был погребен возле алтаря Соборной церкви Симонова Успенского монастыря в г. Москве.

Активное возрождение православной церковной жизни в Рафайлово, по сообщению информанта Е.Г. Швецово, началось с 2007 г. (Полевые материалы автора (ПМА), 2012). Жители стали собираться для совместной молитвы в доме у одной из жительниц села. В день памяти преподобного Андрея 27 марта на месте, где раньше стоял монастырь, был установлен поклонный крест. Была написана икона преподобного Андрея, стал проводиться крестный ход. В формировании православной реальности села и сакрального ландшафта главную роль играет руководитель местной православной общины Елена Геннадьевна Швецова. По ее инициативе село «обрело» две святыни, новые *Genius loci*: камень и почитаемый источник, которые «вписываются» в уже сложившийся культурный ландшафт села, формируя современную православную реальность ландшафта.

В 2010 г. Е.Г. Швецова посетила место последнего служения Андрея Рафаиловского – Симонов монастырь в г. Москве. Перед этим она побывала в Троице-Сергиевой лавре, где духовник лавры, старец Наум сказал ей: «Поезжай в Симонов к Андрею. Будет тебе камень. С него все и начнется». В свою очередь настоятель Симонова монастыря Андрей, после того как Елена Геннадьевна рассказала ему о своих поисках и попросила взять хоть горсточку земли, ответил: «Зачем землю? Бери камень!» (ПМА, 2012). Камень был привезен в село 25 марта 2010 г. Он представляет собой осколок Свято-Успенского собора Симонова монастыря. Размер камня – 27 см в длину, 19 см в высоту (до самой высокой

¹ Руководство по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия. Июнь, 2013 [Электронный ресурс]: Министерство культуры РФ: официальный сайт. URL: http://mkrf.ru/upload/mkrf/mkdocs2013/26_11_2013_4.pdf (дата обращения: 09.03.2016).

точки), 9 см в ширину. После установления его под иконой преподобного Андрея и после молитвы прихожане стали прикладываться к «камушку».

По наблюдениям членов общины, спустя незначительное время от камня стало исходить благоухание, сначала еле уловимое, а затем более сильное. Рассказывает один из членов православной общины села: «Приложимся (к камню. – *Е.Е.*), помолимся, идем домой – легко, легко, легко. Он даже у нас в другой раз как даст такой запах, такой необыкновенный вообще! Благоухание такое от него! Уже сколько раз было. Это вообще не передать, что там происходит с ним. Другой раз, особенно когда праздники большие, откроешь ту дверь (в помещение, где находится камень. – *Е.Е.*) – дак аж как какой-то туман там кругом этого камушка делается» (ПМА, 2012). Ольфакторная характеристика камня самая разная: от него могут исходить запахи фиалки, земляники, меда; в некоторых случаях аромат нельзя идентифицировать. В определенные дни камень источает особенно сильные ароматы, а визуально его обволакивает благоухающее облачко (так было 27 марта 2012 г., в день памяти преподобного Андрея Рафаиловского). Те, кто прикладывался к камню, заметили, что проходят головные боли, нормализуется давление, исчезают боли в суставах, вплоть до исцелений от сердечного недуга и рассасывания рубца от инфаркта.

Другим объектом конструирования православного ландшафта Рафайлово стал водный источник. По данным Е.Г. Швецовой, раньше в Рафайлово и его округе действовало четыре источника. Она отмечает, что источники появились или на них обратили внимание с того момента, когда в эти края пришел старец Рафаил. Впрочем, в подробном исследовании исетского краеведа А.Л. Емельянова об истории села сведения об источниках отсутствуют. Кроме того, в архивных материалах по истории монастыря в Государственном архиве Тюменской области таких данных мною также не обнаружено. Приведем сведения Е.Г. Швецовой о двух источниках, вода из которых могла считаться целебной. Хронологически первым был источник, который в настоящее время освящен. Местные жители называют его «ручеек», «ключик». По легенде, на этом месте было явление Богородицы, после чего здесь забил родник. Другой источник был знаменит тем, что в нем получали исцеление больные псориазом. Этот источник по своим целебным свойствам был «третьим в мире», и на него приезжали паломники даже из Иерусалима. В конце 1950-х гг., по словам Е.Г. Швецовой, источник забетонировали.

В настоящее время обустроен и освящен родник, получивший название в честь иконы Божией Матери «Живоносный Источник». По воспоминаниям старожилов, из монастыря к этому источнику была проложена тропинка, по которой ходили монахи, чтобы набрать свежей ключевой воды. В 2010 г. на роднике поставлено железобетонное кольцо, над ним сделан широкий деревянный настил, в центре которого четыре металлических столба поддерживают куполообразную крышу, увенчанную крестом. Сделана купель и по-

ставлены две кабинки для обливания. С 2011 г. здесь проводят обряд крещения. 21 апреля 2012 г. состоялся крестный ход, и архиепископ Тобольский и Тюменский Димитрий совершил водосвятный молебен.

Для верующих местных жителей и паломников особую ценность представляет качество воды из источника: ее считают «целебной», «святой». Как рассказала жительница села, в этом «ручейке» жители Рафайлово воду «всю жизнь брали» и использовали ее для приготовления пищи, так как она чистая и вкусная. Раньше была «советская власть – запрещали всё, говорить, что это святой источник, хотя слухи были» (ПМА, 2012). Однако, скорее всего, приписывание воде чудодейственных свойств произошло после того, как источник был освящен. Старожил села отметила: «Бежал ручеек, речка еще не запружена была. Кто знал, что он святой источник». Свою лепту в имидж родника как святого вносит и ангажированная пресса. Журналист епархиальной «Сибирской православной газеты» пишет: «От ворот монастыря когда-то к источнику вели мосточки, и почитался он как святой» [13, с. 4].

Полагаю, что воду в источнике целебными свойствами стали наделять только после двух событий: освящения источника Димитрием и получения данных о химических свойствах воды в нем. Старожил села отметила, что «проба воды пришла – что он святой источник» (ПМА, 2012). Известен и механизм этой коммуникативной цепочки: анализ был сделан по заказу Е.Г. Швецовой. В воде источника обнаружено железо (0,97 при норме 0,3), кальций (36,07 при отсутствии в норме), магний (20,67 при отсутствии в норме). Эти данные, своеобразно интерпретировав, Елена Геннадьевна распространила среди прихожан. Так, она считает, что употребление такой воды в пищу связано с тем, что в Рафайлово много долгожителей. По ее мнению, до 1970-х гг. средняя продолжительность жизни женщин в селе составляла 97 лет, мужчин – 93 года. Один из членов общины отмечает: «У нас много долгожителей. Я думаю, от этой водички. За 90 лет живут» (ПМА, 2012). Но, конечно, корреляция возраста жителей села и качества воды произошла недавно – после получения данных о ее химическом составе.

Воду из источника употребляют как универсальное средство «для здоровья», восстановления сил, а также «от сердечных болезней», от головных болей, для нормализации давления. Информаторы говорят об исцелениях, которые они получили благодаря воде, а также камню. Одна женщина считает, что, возможно, от воды и «камушка» у нее «рассосалась» послеоперационная грыжа (ПМА, 2012). Осознание воды как лечебной и святой, а также сакрализация ритуала исцеления влияют на способ ее применения (опрос велся среди активных членов местной религиозной общины и воцерковленных паломников). Один из информаторов употребляет водичку дома по утрам на голодный желудок, обязательно читая утренние молитвы. Перед тем как лечь спать, женщина читает «Иисусову молитву» и слегка смачивает водой грудь, голову, окропляет постель (ПМА, 2012). Паломница из с. Червишево Тюмен-

ского района пьет воду натошак, небольшими порциями с молитвой «Отче наш» и «с благоговением». Когда болеют дети, женщина умывает их этой водой. О «рафаиловской» воде ей сказали, что она «очень благодатная, святая» (ПМА, 2013) (ср.: святому, сакральному присуще такое качество, как благодать [3, с. 535]).

Село Рафаилово, лишенное в советское время сакральных маркеров, благодаря высокой активности местных жителей и главным образом лидеру религиозной общины заново их обретает. Новый религиозный ландшафт целенаправленно конструируется благодаря грамотной стратегии заинтересованных сторон, и прежде всего Русской Православной Церкви, что характерно для территории всей Сибири [14, с. 326]. Религиозный ландшафт можно рассматривать как средство построения вновь конструируемой конфессиональной идентичности и консолидации верующих [7, с. 137], а в случае святынь с. Рафаилово – как вторичное включение территории в православный мир тогда, когда прежние материальные и духовные ориентиры были практически утеряны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.: Ин-т наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 620 с.
2. Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. Т. 1: Поздняя древность – начало XX в. / отв. ред. П.К. Дашковский. 214 с.
3. Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2009. Т. 4. 656 с.
4. Голубкова О.В. Механизмы сакрального освоения пространства русскими и коми в Западной Сибири (по материалам полевых исследований рубежа XX–XXI вв.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 448–452.
5. Голубкова О.В. Священные места в системе мировоззрения обских коми: традиции, новации и архетип // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2014. № 2 (25). С. 132–137.
6. Майничева А.Ю. Программа обследования культовых объектов русских в Сибири: зданий, сооружений, мест совершения религиозных обрядов // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. С. 448–452.
7. Майничева А.Ю., Рыговский Д.С. Почитаемые места белокриницких староверов в Западной Сибири // Вестн. Новосибир. гос. ун-та. Серия: Археология и этнография. Новосибирск, 2015. Т. 14, вып. 3. С. 133–141.
8. Октябрьская И.В. Джумалинский ключ. Современные практики почитания священных источников на Алтае (по полевым материалам 2012 г.) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. С. 388–391.
9. Рыговский Д.С. Принципы маркирования сакрального пространства в духовной культуре белокриницких староверов // Этносоциальные процессы в Сибири: Тем. сб. Новосибирск: Ин-т филос. и права СО РАН, 2014. С. 194–198.
10. Словоцов П.А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II. М.: Вече, 2006. 512 с.
11. Емельянов А.Л. 350 лет селу Рафаилово. [Б.г.], [Б.и.], 1995. 192 с.
12. Ратишин А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквях в России. М., 1852. 613 с.
13. Седова Т. Живи, живоносный источник! // Сибирская православная газета. 2013. № 6. Июнь. С. 4.
14. Любимова Г.В. Почитаемые места в народно-православной картине мира сельского населения Сибири // Православные традиции в народной культуре восточных славян Сибири и массовые формы религиозного сознания XIX–XX вв. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006.

REFERENCES

1. Cultural landscape as a heritage site. Ed. by Y.A. Vedenin, M.Y. Kuleshova. Moscow: the Heritage Institute; St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2004, 620 p. (In Russ.)
2. The religious landscape of Western Siberia and the neighboring regions of Central Asia. Barnaul: izd-vo Alt. un-ta, 2014, vol. 1. Ed. P.C. Dashkovsky. 214 p. (In Russ.)
3. Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary, in 5 vols. Ed. by N.I. Tolstoy. Moscow: International relations, 2009, vol. 4, 656 p. (In Russ.)
4. Golubkova O.V. Mechanisms of development of sacred space by the Russians and Komi in Western Siberia (based on field research at the turn of the XX–XXI centuries.). *Problemy archeologii, ethnographii, antropologii, Sibiri i sopredelnykh territorii*: Mat. Godovoi itogovoi sessii IAE SB RAS. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2013, pp. 448–452 (In Russ.)
5. Golubkova O.V. Sacred places in the worldview system of the Ob Komi: tradition, innovation and archetype. *Vestnik archaeologii, antropologii i ethnographii*. Tyumen: IPOS SB RAN, 2014, no. 2 (25), pp. 132–137 (In Russ.)
6. Maynichenova A.Y. The examination program of religious sites in Russian Siberia: buildings, places of religious rituals. *Problemy archeologii, ethnographii i antropologii Sibiri i sopredelnykh territoriy*: Mat. Godovoi itogovoi sessii IAE SB RAS. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2012, pp. 448–452 (In Russ.)
7. Maynichenova A.Y., Rygovsky D.S. Worship places of the Old Believers of Belokrinitskiy Agreement in Western Siberia. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta. A series of archeology and ethnography*. Novosibirsk: 2015, vol. 14, no. 3, pp. 133–141 (In Russ.)
8. Oktyabrskaya I.V. Dzhumalin spring. The modern practice of honoring the sacred water sources of the Altai (on the field data, 2012). *Problemy archeologii, ethnographii i antropologii Sibiri i sopredelnykh territoriy*: Mat. Godovoi itogovoi sessii IAE SB RAS. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2012, pp. 388–391. (In Russ.)
9. Rygovsky D.S. The principles of marking the sacred space in the spiritual culture of the Old Believers of Belokrinitskiy Agreement. *Ethnosotsialnye protsessy v Sibiri*: Thematically sbornik. Novosibirsk: Institut Philosophy and prava SO RAN, 2014, pp. 194–198 (In Russ.)
10. Slovtsov P.A. History of Siberia. From Yermak to Catherine II. M.: Vechе, 2006, 512 p. (In Russ.)
11. Emelyanov A.L. 350 years of the village of Rafaylovo. [BG]: [BI], 1995, 192 p. (In Russ.)
12. Ratshin A. The complete collection of historical information about all ancient and now existing monasteries and remarkable churches in Russia. Moscow, 1852, 613 p. (In Russ.)
13. Sedova T. Live, Life-giving Spring! *Sibirskaya pravoslavnaya gazeta*. 2013, no. 6. June, p. 4 (In Russ.)
14. Lyubimova G.V. Revered place in the popular Orthodox worldview of the rural population of Siberia. *Pravoslavnyye traditsii v narodnoy kulture vostochnykh slavyan Sibiri i massovyе formy religioznogo soznaniya XIX–XX vv.* Novosibirsk: Izdatelstvo IAET SO RAN, 2006, pp. 33–49 (In Russ.)

Статья принята редакцией 18.04.2016

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

DOI: 10.15372/HSS20160214
УДК 947.066(571)

А.В. ДМИТРИЕВ

КОНЕЦ КАРЬЕРЫ СИБИРСКОГО ГУБЕРНАТОРА Д.И. ЧИЧЕРИНА: ДЕЛО О ЗАГОТОВЛЕНИИ ПРОВИАНТА ДЛЯ ВОЙСК СИБИРСКОГО КОРПУСА

Андрей Владимирович Дмитриев,
канд. ист. наук, доцент,
Новосибирский национальный
исследовательский государственный университет,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2,
e-mail: khaldeus@academ.org

Статья посвящена одному из дел, приведших к отставке сибирского губернатора Д.И. Чичерина в начале 1780-х гг. Оно было связано с растратой казенных средств на закупку провианта для подразделений Сибирского корпуса. На основе ранее не введенных в научный оборот архивных источников автору удалось показать, что взаимодействие гражданской администрации и военных властей в последней трети XVIII в. не всегда обеспечивало эффективное выполнение задач по снабжению войск провиантом. Центральные же государственные ведомства из-за отсутствия эффективного контроля за деятельностью местных учреждений оказывались не в состоянии добиться надлежащего исполнения этими учреждениями возложенных на них функций.

Ключевые слова: государственная власть, русская армия, Сибирская губерния, Д.И. Чичерин, Сибирский корпус, комиссия Г.М. Осипова, провиант.

A.V. DMITRIEV

THE END OF SIBERIAN GOVERNOR D. I. CHICHERIN'S CAREER: THE CASE OF PURCHASING PROVISION FOR SIBERIAN CORPS' TROOPS

Andrey V. Dmitriev,
Candidate of Historical Sciences, associate professor,
Novosibirsk National Research State University,
2, Pirogov str., Novosibirsk, 630090, Russia,
e-mail: khaldeus@academ.org

The article is devoted to studying the interaction between civil and military authorities while they were addressing problems concerning provision of the Russian troops' material needs in the 18th-century Siberia. This was clearly a key aspect of securing the Russian empire's borders east of the Urals. Its study can help to estimate precisely the efficiency of local authorities' operations and their specific relations with the Siberian corps' command. The author focuses on one of the episodes in the history of the Siberian governor D.I. Chicherin's activities in that field. The article is based on archival sources: two books from the Senate fond in the Russian State Archive of Ancient Acts and one file from the fond of the General Auditor expedition of the Collegium of War in the Russian State Military History Archive (Moscow). Several conclusions have been drawn from the study of archival materials. First, objective difficulties, due to the remoteness of the region and home stations of the military units, certainly, hampered purchase and delivery of food supplies. However, Chicherin's excessive efforts led to enormous expenditures of the state treasury's funds and unnecessary accumulation of provision for many years into the future. Second, overlapping functions and indistinct differentiation of powers between the military command and civil authorities had obviously facilitated many abuses. The losses resulting from such abuses often were irretrievable for

the state treasury. On the other hand, the Russian empire's supreme power paid much attention to the questions of state defense and maintenance of army's fighting efficiency throughout the XVIII century. Therefore, the civil and military powers managed to ensure adequate performance of the army supply system even under such conditions, in this far outlying region of the Russian empire, at the cost of great financial expenses.

Key words: state power, Russian army, Siberian province, D. I. Chicherin, Siberian corps, G. M. Osipov's commission, supply of provisions.

История создания и функционирования местных административных учреждений на территории Сибири в течение XVIII в. изучена к настоящему времени весьма неравномерно. Ряд монографий посвящен анализу личного состава сибирского чиновничества, а также проведению на восточной окраине Российской империи общегосударственных преобразований в сфере управления [1, 2, 3]. В меньшей степени освещены вопросы взаимодействия сибирских губернаторов с центральными органами власти [4, 5, 6, 7, с. 340–342], и практически нет работ, раскрывающих на локальном материале взаимоотношения гражданских и военных властей при решении различных проблем материального обеспечения российских вооруженных сил русской армии в Сибири в указанный период. Между тем данный аспект, безусловно, являлся ключевым в обеспечении обороноспособности и безопасности границ Российской империи за Уралом, и его освещение, на наш взгляд, поможет более полно оценить эффективность работы местных властей, специфику их взаимоотношений с командованием Сибирского корпуса, особенно после оформления организационной структуры последнего с 1760-х гг. Одному из эпизодов деятельности сибирского губернатора Д.И. Чичерина в этом направлении посвящена настоящая статья.

Источниковой базой для нас послужили две книги из фонда Сената в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА, ф. 248) и одно дело из фонда генерал-аудиторской экспедиции канцелярии Военной коллегии в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА, ф. 8)¹. Сенатские книги содержат в основном делопроизводственную документацию так называемой Комиссии для исследования о происходимых в Сибирской губернии заготовлениях провианта и фуража, учрежденной Сенатом в 1778 г. и действовавшей в Тобольске до 1782 г. Деятельность этой комиссии лишь кратко охарактеризована М.О. Акишиным [2, с. 298, 299]. Один из ее документов был опубликован [8]. В деле из фонда генерал-аудиторской экспедиции отложились материалы, поступавшие в Военную коллегию от командования Сибирского корпуса тогда, когда военными властями в сотрудничестве с чиновниками сенатской комиссии велись расследования о заготовках провианта. Эти архивные источники, взятые в совокупности, дают достаточно полную информацию о деятельности как гражданских, так и военных властей по организации материального снабжения войск, о выявленных случаях хищений и злоупотреблений

в данной сфере, которые стали предметом расследования комиссии.

Денис Иванович Чичерин (ок. 1720–1785), назначенный сибирским губернатором в 1763 г. и прибывший в Тобольск, чтобы приступить к исполнению обязанностей, уже после отъезда своего предшественника Ф.И. Соимонова в 1764 г. получил от императрицы Екатерины II более обширные, чем обычно, полномочия. Л.С. Рафиенко и М.О. Акишин отмечали, что именно ему впервые было предоставлено особое право не исполнять те указы и распоряжения верховной власти, которые он, находясь на месте, считал не соответствующими интересам управления Сибирью [4, с. 377; 2, с. 256]. Ниже мы увидим, каким образом Чичерин использовал это дозволение императрицы. Кроме того, Л.С. Рафиенко указывала, что губернатор не только отвечал за снабжение провиантом армейских полков и пограничных крепостей, но в его распоряжение также были переданы все войска, дислоцированные в Сибири, как полевые, так и гарнизонные [4, с. 373, 377]. Однако эти утверждения нуждаются в корректировке. Во-первых, воинские части, с 1764 г. входившие в состав Сибирского корпуса, подчинялись все же его командующему, который напрямую сносился с Военной коллегией². Во-вторых, снабжением войск занималось специальное ведомство в структуре коллегии – Главная провиантская канцелярия под началом генерал-провиантмейстера, которому подчинялись организованные на местах провиантские комиссии. В частности, в Омской крепости комиссию, действовавшую при командующем Сибирского корпуса, возглавлял обер-провиантмейстер капитан Кадышев.

Именно поэтому вскоре после назначения Чичерина и утверждения корпусным командиром генерал-поручика Ивана Шпрингера Военная коллегия в 1767 г. «определила в разсуждении представленных тогда от генерал порутчика Шпрингера в доставлении по сибирским линиям провианта и овса нужных обстоятельств заготовление оному чинить по разсмотрению ево генерала порутчика обще с тамошним губернатором и кавалером Чичериним, чтоб всегда на находящаяся там войски готового было на два года»³. Для выполнения этого предписания Чичерин в январе 1768 г. добился именного указа императрицы о передаче в его распоряжение суммы в 100 тыс. руб., оставшейся после перечеканки медной монеты на Екатеринбургских заводах, чтобы использовать эти средства на строительство казенных

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Оп. 69. Кн. 6082; Оп. 71. Кн. 6221; Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 8. Оп. 5. Д. 529.

² См. инструкцию Екатерины II генерал-поручику И. фон Шпрингеру от 19 сентября 1763 г. // ПСЗРИ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 16, № 11 931. С. 379.

³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 69. Кн. 6082. Л. 50.

хлебных магазинов и завоз в них провианта. Однако впоследствии Чичерин уверял, что этих денег оказалось недостаточно для выполнения поставленной задачи, и ссылался при этом на донесение Шпрингера, который в сентябре 1769 г. сообщал, что на Новой, Пресногорьковской и Иртышской линиях запасено более 86 тыс. четвертей муки сверх 3-летней пропорции, зато недостает 132 986 четвертей овса, а в некоторых отдаленных крепостях (в частности, Усть-Каменогорской) и на Кольвано-Кузнецкой линии не хватает также и муки⁴. В ответном послании Чичерин советовал корпусному командиру употреблять вместо овса на фураж лошадям излишнюю муку, а затем развил бурную деятельность по организации закупок провианта для войск и крепостей.

Но когда в 1772 г. Сенат потребовал сведения о точных объемах заготовленного в Сибири провианта и истраченных на это казенных суммах за прошедшие три года, выяснилось, что уже по итогам 1770 г. запасы, накопленные в Сибирской и Иркутской губерниях для всех полевых и гарнизонных частей, а также нерегулярных войск, исчислялись следующими цифрами – «всего муки с лишком на шесть лет, круп с лишком на пять лет и овса с лишком же на два года». При этом истраченные на закупки провианта суммы Чичерин без тени сомнения записывал на счет Главной провиантской канцелярии, чему нисколько не противился действовавший от имени последней полковник Булгаков⁵. М.О. Акишин упоминал, что Булгаков «нажил на этом только векселей суммой в шесть тысяч рублей с купцов-поставщиков» [2, с. 299]. Когда же запросы канцелярии сибирскому губернатору были оставлены без всякого ответа, от нее пошла жалоба по этому поводу в Сенат через Военную коллегию.

В июле 1773 г. провиантское ведомство все же добилося от Булгакова присылки ведомостей «с лишком на пяти тысячах листов», после обработки сведений из которых Военная коллегия сделала однозначный вывод: «Сибирской господин губернатор <...> заключил сам собою на немалую к поставке провианта сумму с 771 года по 775 год контракты, употребив как на заготовление, так и на перевоз онного из места в место из разных доходов знатную сумму денег, да и в самых подрядах по некоторым местам против торговых цен оказывается немалая передача, а в самых высоких по подряду ценам в тех местах и справочных цен не объявлено»⁶. По информации Главной провиантской канцелярии, уже на 1773 г. по Сибирскому департаменту было заготовлено более 230 тыс. четвертей муки, 15 тыс. четвертей круп, более 180 тыс. четвертей овса и ячменя, а кроме того, губернатор Чичерин успел заключить подряды на поставку еще почти 170 тыс. четвертей муки, 4,5 тыс. четвертей круп, 140 тыс. четвертей овса и ячменя на 1773 и 1774 гг. Видно было, что «того провианта

и фуража состоит так великое множество, что сумма онаго несравненно превосходит более нежели на сто тысяч рублей»⁷. В конечном итоге по подсчету, произведенному Военной коллегией, выяснилось, что за весь период с 1768 по начало 1774 г. «на щот провиантской из разных доходов куплено, подряжено и отдано в перевозку провианта» было на поистине астрономическую сумму – почти 1,8 млн руб.! При этом также оказалось, что провиант не только закупали по завышенным зачастую ценам, но и за его перевозку платили явно выше нормы: провоз каждой четверти муки и круп обходился в 5 с лишним рублей, овса почти в 3,5 рублей⁸.

Поступившая в Сенат жалоба провиантского ведомства, поддержанная Военной коллегией, рассматривалась в течение почти всего 1774 г. В конце концов Екатерина II распорядилась лишь запросить Чичерина о том, какова численность войск в границах Сибирского департамента и объем заготовленного для них провианта, а также сведения о подрядных ценах, транспортировке и тех доходах, из которых выделялись на это средства. Ничтоже сумняшеся, губернатор уверял императрицу в феврале 1775 г.: «Ни ис каких доходов, всемилоостивейшая государыня, на заготовление всего провианта ни одной копейки не заимствовано»⁹! Более того, Чичерин старался доказать, что потратил за все предыдущие годы на снабжение войск не 1,8 млн, а лишь 268 тыс. руб., а также утверждал, что не имеет никакого отношения к постройке на пограничных линиях казенных хлебных магазинов и доставке провианта на форпосты и редуты, поскольку «все сие зависит от командующаго генералитета».

Лишь через три с половиной года императрица все же приняла решение о необходимости направить в Тобольск комиссию для расследования данного дела, равно как и деятельности Чичерина в целом. Именной указ Сенату о назначении главой этой комиссии оберштер-кригс-комиссара Г.М. Осипова и о выдаче ему соответствующего «наставления» был подписан Екатериной II в Царском Селе 21 августа 1778 г. [2, с. 298]¹⁰ Прибыв к началу зимы в Тобольск, Осипов намеревался приступить к сбору всей необходимой информации в соответствии с заранее намеченной обширной программой. Она, в частности, включала следующие пункты: 1) истребовать от провиантмейстерской комиссии в Омской крепости, которую по-прежнему возглавлял Кадышев, только теперь уже в чине генерал-лейтенанта, данные о закупках и поставках провианта для всех воинских частей, находящихся в ее ведении, за каждый год, начиная с 1768 г., при этом отдельно остановившись на следственных делах, производившихся в связи с утратами провианта по линии Военной коллегии; 2) получить от нынешнего корпус-

⁴ Там же. Л. 99–99 об.

⁵ Там же. Л. 5–5 об.

⁶ Там же. Л. 31–31 об.

⁷ Там же. Л. 50–50 об.

⁸ Там же. Л. 51–51 об.

⁹ Там же. Л. 89.

¹⁰ Там же. Л. 205–205 об.

ного командира генерал-майора Н. Огарева полное описание того, каким образом в наступившем 1779 г. производится закупка и доставка войскам провианта и фуража; 3) выяснить у губернатора Чичерина, из каких именно доходов, помимо ассигнованных в 1768 г. 100 тыс. руб., и какие именно суммы использовались для строительства казенных хлебных магазинов и закупок провианта¹¹. Однако довольно быстро выяснилось, что реализовать намеченные меры в полном объеме не представлялось возможным.

Так, уже в январе 1780 г. Осипов доносил Сенату, что Тобольская губернская канцелярия не предоставила ему 12 дел о закупках провианта за 1769–1772 гг., числившихся по расходным книгам и настольному реестру в местной рентере. Общая сумма, проведенная по расходной статье через эти дела, составляла более 400 тыс. руб. Канцелярист И. Васильев ссылался на то, что этих дел не было в числе переданных ему от предшественника – И. Вяткина. Последнего вызвали из Туринска, куда он был определен на службу секретарем к этому времени, однако Вяткин отыскал и выдал следователям лишь три из 12 дел, расход по которым составил общую сумму менее 25 тыс. рублей¹². Из ежемесячных рапортов комиссии Сенату явствует, что Осипов, попытавшийся разобраться, какой убыток был причинен казне по каждому делу, буквально «увяз» в расследовании отдельных эпизодов.

Не проявили никакого желания сотрудничать с комиссией и военные власти, прежде всего, командир Сибирского корпуса – генерал-майор Н. Огарев. Так, из десяти следственных дел о потерях, сожжении и расхищении казенного провианта теми или иными воинскими чинами, к 1780 г. им были «конфирмованы» и отосланы в Военную коллегию приговоры военных судов, вынесенные только по шести из них¹³. Военная коллегия, в свою очередь, не желая конфликтовать с Чичериным, рекомендовала комиссии Осипова заняться взысканием убытков с виновных самостоятельно: «Как губернаторы... от коллегии не зависят, а сверх того, рассуждая по отдаленности места его пребывания и успеху в переписках с ним от коллегии, а кроме тщетного в том промедления времени надеяться не можно, то и благоволит она комиссия к понуждению его в исполнении ею требуемого принять другия с законами согласные меры»¹⁴. В свою очередь, Главная провиантская канцелярия указывала, что рапорты Огарева по этим делам «хотя... в получении... и имеютя, но не по всем, а при том и какое в возвращении положенного по тем следственным делам с разных чинов ко взысканию количества хлеба и денег, также и во окончании производимых еще там следствие старание происходит, к надлежащему... рассмотрению обстоятельного обо всем сведения

не имеется»¹⁵. Здесь все упиралось в категорическое нежелание генерал-лейтенанта Кадышева, начальника Омской провиантмейстерской комиссии, предоставить необходимые сведения как для взыскания с виновных по этим делам убытков, так и для оценки ущерба, понесенного казной в результате исполнения им самим распоряжений губернатора о заготовках провианта.

В июне 1780 г. Главная провиантская канцелярия тщетно пыталась заставить Кадышева поделиться этими данными, требуя «объяснить обстоятельно не только о каждом деле, но и порознь о человеке, и в живых ли он или когда умер, есть ли надежда ко взысканию или же нет...», а также выражала надежду, чтобы губернатор Чичерин, корпусной командир Огарев и омский комендант – бригадир Клавер «в рассуждении великой считающейся на разных чинах по следственным делам казенной недоимки благоволили приложить с своей стороны старание о взыскании и о приведении, естли бы еще некоторые следствия производили б ко окончанию и куда следует»¹⁶. Однако сам Кадышев в Тобольск так и не прибыл, а уже в декабре того же года получил отставку – его сменил в должности провиантмейстера секунд-майор 1-го Омского пехотного батальона Голубев. В феврале 1781 г. Осипов в очередном рапорте Сенату сообщал, что хотя «и надлежало ему Кадышеву по здаче оному Голубеву надлежащих к правлению по порученной ему комиссии дел самому... следовать в Таболск без всякого времени продолжения и не ожидая отнюдь более от главных команд подтверждения, но однако он Кадышев и за тем... повелением как сам в Таболск поныне не бывал, так и ис требуемых от него комиссией некоторых нужнейших ведомостей и протчих сведений еще не доставил»¹⁷.

Более того, Осипов оказывался бессилён провести надлежащее расследование даже в тех случаях, когда располагал для этого соответствующими полномочиями. В 1781 г., уже вступив в должность временно правящего должность губернатора (после отъезда Чичерина и до прибытия в Тобольск назначенного указом императрицы генерал-губернатором Пермского и Тобольского наместничеств Е.П. Кашкина), он добился возобновления следствия по делу здешнего провиант-комиссара Некрасова, состоявшего под судом в 1774 г. Суд этот завершился буквально ничем: «Не только никакой сентенции над виновными не заключено, но бывшим табольским губернатором... Чичериным на основании законов и протоколу о том, кроме мемориальной разметки, ничего не зделано»¹⁸. Осипов распорядился отправить Некрасова из Тобольской обер-комендантской канцелярии, «где он донныне содержался под караулом» по его приказу, в Омскую

¹¹ Там же. Л. 309–311 об.

¹² Там же. Оп. 71. Кн. 6221. Л. 207–208.

¹³ РГВИА. Ф. 8. Оп. 5. Д. 529. Л. 41.

¹⁴ Там же. Л. 42 об.

¹⁵ Там же. Л. 43.

¹⁶ Там же. Л. 43 об. – 44.

¹⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 71. Кн. 6221. Л. 9 об.

¹⁸ Там же. Оп. 69. Кн. 6082. Л. 922.

крепость к генерал-майору Огареву, чтобы тот произвел повторное следствие с соблюдением формально-го порядка.

Последний нехотя согласился исполнить его распоряжение, однако относительно возможности взыскать с виновных убыток в казну выразился недвусмысленно: «Касательно ж до протчих таковых же... следственных коммисей, то о скорейшем оных окончании хотя всевозможное старание прилагается и накрепчайшая куда надлежит подтверждения чинятся, однако ж желаемого успеха в скором оных окончании достигнуть не можно по долгопрошедшему времени за разными выправками и вытребованиями касающихся по оным людей, из коих некоторые находятся в отсудственных командах и в дальних от оных отлучках, а другия уже и померли»¹⁹. Мнение корпусного командира было однозначным: «Желаемого успеха в скором оного следствия окончании достигнуть надежды положить не можно». Судя по всему, командующий, как замечает один из современных исследователей, отличался «элементарной нераспорядительностью», за что и получал «нелестные отзывы от современников» [9, с. 91]. А вот его характеристика в «Домовой летописи» капитана И. Андреева: «Был, впрочем, хотя добрый человек, но не сведущий никакого учения и понятия» [10, с. 37].

Деятельность комиссии Осипова продолжалась вплоть до 1782 г., однако, насколько можно судить по ее материалам, так и не увенчалась наказанием сколько-нибудь значительного числа виновных и возмещением казне понесенных убытков из-за производившихся в предыдущие годы излишних заготовок провианта. Более того, проблема организации надлежащего взаимодействия между военными и гражданскими властями в сфере провиантского снабжения войск Сибирского корпуса не была решена и впоследствии. В 1793 г., например, Сенат снова предъявлял претензии Военной коллегии по поводу действий Тобольской провиантмейстерской комиссии, которая «не делала должного Тобольской казенной палате в заготовлении провианта пособия, чрез что и упущено удобное время, а при том и на покупку нужного для продовольствия войск провианта и фуража имевшихся у ней для таковых закупок денег не отпустила, домогаясь тот подряд сделать с своих рук, а напоследок те же самые денги, о которых прежде к отпуску чинила невозможной отзыв, определила на сию закупку»²⁰. Таким образом, даже рассмотренный нами эпизод не изменил положения дел в данной сфере вплоть до конца XVIII в.

Привлеченные нами материалы позволяют отметить ряд тенденций, характерных для сферы организации провиантского снабжения войск Сибирского корпуса за весь период правления Екатерины II. Во-первых, объективные трудности, связанные с отдаленностью региона и мест дислокации воинских

частей, безусловно, затрудняли закупку и доставку провианта, однако чрезмерные масштабы деятельности, развернутой губернатором Чичериным, привели лишь к огромным затратам казенных денег и накоплению запасов продовольствия на много лет вперед, в чем не было необходимости. Во-вторых, параллелизм функций и нечеткость при разграничении полномочий между структурами военного ведомства и гражданских властей, очевидно, способствовали различным злоупотреблениям в данной сфере, ущерб от которых зачастую оказывался для государственной казны безвозвратным. Целый ряд аналогичных случаев был выявлен нами и для несколько более раннего периода – во второй трети XVIII в., когда неоднократно имели место растраты денежных средств, отпускаемых на нужды армейских частей в Сибири, причем военное командование отказывалось возмещать финансовым ведомствам понесенный казной ущерб. Предпринимавшиеся же в этих случаях расследования чаще всего вообще не доводились до логического завершения, «блокируясь» либо на уровне центральных ведомств (в аппарате коллегий), либо самими губернскими властями в Тобольске. Вместе с тем, поскольку вопросам государственной обороны и поддержания боеспособности армии верховная власть уделяла повышенное внимание на всем протяжении XVIII в., даже при этих условиях более-менее удавалось обеспечивать надлежащее функционирование системы снабжения войск на отдаленной окраине Российской империи, хотя и ценой несообразных расходов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Быковья Г.Ф.* Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX вв. Формирование военно-бюрократического дворянства. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1985. 299 с.
2. *Акишин М.О.* Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII в.: организация и состав государственного аппарата. М.; Новосибирск: «Древлехранилище», 2003. 408 с.
3. *Ананьев Д.А.* Воеводское управление Сибири в XVIII в. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. 264 с.
4. *Рафиенко Л.С.* Компетенция сибирского губернатора в XVIII в. // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). М., 1973. С. 364–380.
5. *Рабцевич В.В.* Местное управление Западной Сибири в 80-х гг. XVIII – первой четверти XIX столетия: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1973. 20 с.
6. *Гриценко Н.В.* Организация управления Тобольской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2005. 26 с.
7. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков, И.В. Побережников. М.: Наука, 2004. 600 с.
8. Сибирский губернатор Д.И. Чичерин. Рапорт обер-штеркригс-комиссара Г.М. Осипова. 1779 г. // Исторический архив. 1996. № 3. С. 193–210.
9. *Огурцов А.Ю.* «Отец милостливый...» (генерал-поручик Иван Иванович фон Шпрингер – командир сибирских войск) // Из кузнецкой старины. Новокузнецк, 2010. Вып. 1. С. 69–92.
10. Домовая летопись, писанная капитаном Иваном Андреевым в 1789 г. М.: Университетская типография, 1871. 118 с.

¹⁹ Там же. Л. 923.

²⁰ Там же. Оп. 71. Кн. 6239. Л. 85.

REFERENCES

1. *Bykonya G.F.* Russian Tax-Free Population of Eastern Siberia in XVIII – Early XIX Centuries. The Formation of Military & Bureaucratic Nobility. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyar. gos. in-ta, 1985, 299 p. (In Russ.)
2. *Akishin M.O.* Russian Absolutism and Administration of the 18th-Century Siberia: Organization and Structure of the State Machinery. Moscow; Novosibirsk: Drevlehranilishche, 2003, 408 p. (In Russ.)
3. *Ananyev D.A.* The Voivode Administration in Siberia in the XVIII Century. Novosibirsk: Sova, 2005, 264 p. (In Russ.)
4. *Rafienko L.S.* Siberian Governor's Jurisdiction in the XVIII Century. Russkoe naselenie Pomorya i Sibiri (Period feodalizma). Moscow, 1973, pp. 364–380. (In Russ.)
5. *Rabtsevich V.V.* Local Administration of Western Siberia from 1780s to the First Quarter of the XIX Century. Author's abstract of History thesis. Novosibirsk, 1973, 20 p. (In Russ.)
6. *Gritsenko N.V.* Organization of Tobolsk Province's Administration from the End of the XVIII to the First Half of the XIX Century. Author's abstract of Candidate of History thesis. Omsk, 2005, 26 p. (In Russ.)
7. Asian Russia in Geopolitical and Civilizational Dynamics. XVI– XX Centuries / V.V. Alekseev, E.V. Alekseeva, K.I. Zubkov, I.V. Poberezhnikov. Moscow: Nauka, 2004, 600 p. (In Russ.)
8. Siberian Governor D.I. Chicherin. Ober-ster-kriegs-comissar G.M. Osipov's Report. 1779. Istoricheskiy arkhiv. 1996, no. 3, pp. 193–210. (In Russ.)
9. *Ogurtsov A.Yu.* «Father Merciful...» (Lieutenant-General Ivan Ivanovich fon Schpringer – Siberian Troops' Commander). Iz kuznetskoy stariny. Novokuznetsk, 2010, iss. 1, pp. 69–92. (In Russ.)
10. Home Chronicle, Written by Captain Ivan Andreev in 1789. Moscow: University Printing-House, 1871, 118 p. (In Russ.)

*Статья принята
редакцией 7.03.2016*

DOI: 10.15372/HSS20160215
УДК 323 (571.56) + 929 Мягков

А.Д. ВАСИЛЬЕВ

**НАЧАЛЬНИК ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ Н.И. МЯГКОВ (1826-1831 гг.):
НОВЫЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ**

Айсен Данилович Васильев, аспирант,
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
РФ, 677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1
e-mail: aysen_vasilev@mail.ru

В статье на основе вновь открытых документов Российского государственного архива Военно-Морского флота освещаются новые факты из раннего периода жизни якутского областного начальника Н.И. Мягкова, внесшего значительный вклад в развитие Якутской области. При нем проводилась активная работа по внедрению сибирской реформы 1822 г. М.М. Сперанского в Якутии, был открыт орган местного самоуправления – Якутская Стенная дума. Впервые наиболее подробно рассмотрены особенности формирования личности Н.И. Мягкова, его биография.

Ключевые слова: Н.И. Мягков, биография, областной начальник, военно-морская служба, Балтийский флот, Сенат, Якутская область.

A.D. VASILYEV

**HEAD OF THE YAKUTSK OBLAST N.I. MYAGKOV (1826-1831):
NEW BIOGRAPHICAL DATA**

Aisen D. Vasilyev,
postgraduate student,
Institute for Humanities Research
and Indigenous Studies of the North SB RAS
1, Petrovskogo str., Yakutsk, 677027, Russia,
e-mail: aysen_vasilev@mail.ru

Based on the newly discovered documents from the Russian State Archive of the Navy the paper aims to look more closely at the biography of N.I. Myagkov before he was appointed Head of the Yakutsk Oblast. In Post-Soviet Russia due to the digression from the Marxist-Leninist teaching and use of the new methodological approaches researchers have been paying more attention to the tsarist authorities. One of them was N.I. Myagkov, Head of the Yakutsk Oblast (1826-1831), a man who greatly contributed to the development of his region. He occupies a special place among other Yakutsk regional heads. The study of this historical figure is relevant due to the fact that at the current stage researchers have information only about his activities in Yakutia as well as some brief facts about his early years. The principle of historicism provided the methodological basis for the study. The author used a historical-biographical method (reconstruction of the process of formation and development of N.I. Myagkov's personality before his activities as Head of the Yakutsk oblast) and a problem-chronological method (studying it in a time sequence).

The major finding of the study is that for the first time in historiography it describes in depth the process of formation and development of N.I. Myagkov's personality before his activities as Head of the Yakutsk oblast. The author also presents new facts about his early period of life (his studies at the Gentry Sea Cadet corps, military service in the Baltic Fleet, work at the Governing Senate and Admiralty Office, appointment as Head of the Yakutsk Oblast).

Key words: N.I. Myagkov, biography, regional head, naval service, Baltic Fleet, Senate, Yakutsk Oblast.

Якутская область занимала важное место в окраинной политике Российской империи в первой половине XIX в. В частности, начиная с XVIII в., через ее территорию осуществлялось снабжение Охотска казенным грузом, воинским снаряжением, провиантом и т.п., что способствовало расширению и укреплению гра-

ниц государства. Зачастую для более эффективного обеспечения грузовых перевозок на Тихоокеанское побережье на должность якутского областного начальника назначались люди из военно-морской среды. На это обращал внимание генерал-губернатор Сибири М.М. Сперанский в своем письме к министру внутрен-

них дел В.П. Кочубею относительно начальника Якутской области: «нужен человек твердый; желательно бы моряка, так как он должен быть в сношениях с Охотским краем и помогать ему» [1, с. 137].

Вторая половина 1820-х гг. в истории Якутии стала временем правления областного начальника Николая Ивановича Мягкова – человека, внедрявшего Сибирскую реформу 1822 г. М.М. Сперанского в Якутской области, одного из основателей органа местного самоуправления – Якутской Степной думы, внесшего большой вклад в улучшение социально-экономического положения данного региона. Мягков тесно сотрудничал с лидерами якутского самоуправления, активно встречался с инородческим населением в улусах, тем самым проявлял прогрессивный подход к управлению. Николай Иванович занимал особое место среди якутских областных начальников. Чиновник по особым поручениям Якутского областного правления А.Я. Уваровский позже в своих «Воспоминаниях» писал: «Когда этот чиновник прибыл в Якутск, он увидел много нарушений, по этой причине он сменил нескольких чиновников. Сам он, полный сил и здоровья, работал до изменения на протяжении 6-7 лет во имя будущего благополучия якутов. Годы его работы якут считал своим счастьем» [2, с. 40]. Как уже известно, Мягков был выпускником Морского шляхетного кадетского корпуса, мичманом Балтийского флота, во время службы в Адмиралтейском ведомстве занимался делами, связанными с обеспечением провианта и другими вопросами. Таким образом, с учетом специфики региона, в Якутскую область назначался человек с военноморским образованием, который к тому же еще имел достаточный опыт в области организации подрядов и поставок [3, с. 44].

В отечественной историографии следует выделить труды Л.Г. Левентала [4], Б.Г. Кубалова [5], С.А. Токарева [6], Г.П. Башарина [7], Ф.Г. Сафронова [8] и др., где освещаются отдельные факты из биографии и деятельности Николая Ивановича.

Деятельность Н.И. Мягкова в Якутской области, а также некоторые сведения из его ранней биографии наиболее подробно освещены в работах З.И. Петуховой [3; 9]. Нами при изучении биографии данной исторической личности были впервые введены в научный оборот некоторые документы из Российского государственного архива Военно-Морского флота (г. Санкт-Петербург)¹.

Согласно сведениям З.И. Петуховой, Николай Иванович Мягков родился в 1782 г. в Псковской губернии, в дворянской семье [3, с. 44]. В 1803 г. за отцом его числилось 200 душ², но согласно другому документу, когда Мягкову было 24 года, указывается только 20 душ³. В 1799 г. Н.И. Мягков был произведен в гардемарины⁴. С 25 апреля по 11 мая 1801 г. под пред-

седательством Президента Адмиралтейств-коллегии И.Л. Голенищева-Кутузова среди выпускников Морского шляхетского кадетского корпуса проводились экзамены для произведения их в мичманы и артиллерийские офицеры⁵. Николаю Ивановичу 1 мая (по другим данным – 7 мая⁶ и 17 мая [10, с. 574]) было присвоено звание мичмана⁷. Было дано клятвенное обещание с подписью о службе новому императору Александру⁸. Мягков был определен на корабль «Гавриил»⁹ (100-пушечный, был заложен 3 августа 1800 г. в Санкт-Петербургском адмиралтействе, спущен и вошел в Балтийский флот 3 октября 1802 г. [11, с. 158]). После выходов в море, 30 января 1803 г., Николай Иванович увольняется по собственному желанию из военной службы. Получив аттестат с положительным его представлением – «аттестовался в поведении и должности хорошим и к повышению чина достойным»¹⁰, Н.И. Мягков написал на имя императора Александра I прошение с приложением копии своего аттестата о переводе его в Канцелярию Правительствующего Сената и переименовании его на статский чин¹¹. 27 мая 1803 г. он был определен канцелярским служителем во 2-й департамент Сената на свое содержание¹². Только 7 декабря 1803 г. он переведен в статский чин – губернского секретаря¹³, получив чин 12-го класса, а 20 сентября 1804 г. был зачислен во временный казенный департамент Сената. Согласно документу, в это время он был холост, не имел штрафов и судимости¹⁴.

С 1805 г. Мягков начинает службу в Адмиралтейском ведомстве¹⁵. Каких-либо новых сведений о нем до 1823 г. пока не имеется. В 1823 г. он был чиновником 6-го класса¹⁶, входил в число военных чиновников, которые именовались «классными чинами» [12, с. 283]. В сентябре этого года его перевели с должности помощника начальника провиантского отделения в новое учреждаемое при Хозяйственной экспедиции временное отделение – «для решения старых нерешенных дел». Он был определен начальником этого отделения¹⁷. В документе 1825 г. написано: «признательное начальство, отдавая полную справедливость достоинствам и усердию его к службе, исходатайствовав ему орден Св. Владимира 4 степени, поручило в управление временное отделение, заключающее в себе дела прежнего времени, сопряженные с многотрудными счетами и расчетами по поставкам и подрядам, из коих большая часть его деятельности и неусыпным стара-

⁵ Там же. Д. 899. Л. 2–3, Л. 8 об.

⁶ Там же. Д. 832. Л. 63 об.

⁷ Там же. Л. 174.

⁸ Там же. Д. 906. Л. 8.

⁹ Там же. Л. 5.

¹⁰ Там же. Д. 832. Л. 174.

¹¹ Там же. Л. 173.

¹² Там же. Л. 175.

¹³ Там же. Л. 63 об.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Ф. 212. Оп. 8. Д. 714. Л. 5.

¹⁶ Там же. Ф. 132. Оп. 1. Д. 2102. Л. 7.

¹⁷ Там же. Л. 7, Л. 9–9 об.

¹ Автор благодарит за оказанную помощь в написании статьи д-ра физ.-мат. наук И.И. Шамаева.

² Российский государственный архив Военно-Морского флота (РГАВМФ). Ф. 432. Оп. 1. Д. 832. Л. 174.

³ Там же. Л. 63 об.

⁴ Там же. Л. 174.

нием приведены уже к окончанию»¹⁸. Изучив список кавалеров данного ордена, мы уточнили, что Николай Иванович данный орден получил 7 февраля 1823 г. [13, с. 295].

Для определения чиновника 5-го класса морского ведомства Н.И. Мягкова начальником Якутской области в августе 1825 г. Хозяйственной экспедицией в рапорте генерала кригс-комиссара Игнатьева было подано представление на Мягкова в Адмиралтейств-коллегию, где также отмечались его положительные качества: «всегда отличал себя свойственною благоуспитанному нравственностью, и имел твердой и здоровой науками и чтением просвещенной разсудок, был неоднократно употребляем к разным весьма значительным должностям»¹⁹. За все эти заслуги и положительные черты ему представляют следующий орден – орден Св. Анны 2 степени с алмазными украшениями²⁰.

В указе нового императора Николая I от 27 декабря 1825 г. о назначении Мягкова якутским областным начальником говорилось: «Поелику же Мягков, получив настоящий чин 5-го класса в Морском министерстве на основании указа 21 марта 1812 года, при переходе в гражданское ведомство должен оставаться в прежнем чине 6-го класса, то при настоящем определении на службу в Сибирь Всемилостивейше жалуюм его на основании указа 21 марта 1810 года в статские советники с тем, что он должен прослужить там не менее 3 лет»²¹. По закону от 21 марта 1812 г. гражданские чины в 8-й и 5-й классы производились без экзаменов. Это делалось для того, чтобы эти люди продолжали свою службу в военном и морском ведомствах, так как при переходе в гражданское ведомство они лишались своих классов, производимых по этой линии и подчинялись общему порядку²². Мягков должен был становиться чиновником 6 класса, но согласно указу от 21 марта 1810 г. чиновники, определенные в Иркутскую губернию (Якутская область в то время входила в состав данной губернии), награждались чинами с тем условием, что должны были нести службу там не менее трех лет²³, и поэтому Николай Иванович при определении в Якутскую область становился статским советником (статский чин 5-го класса).

Таким образом, нами были освещены некоторые новые факты из раннего периода жизни Н.И. Мягкова до его деятельности на посту якутского областного начальника. Тем не менее, изучение этой исторической личности остается еще далеко не полным. Отсутствуют некоторые данные, связанные с его службой в Адмиралтейском ведомстве, остается неизвестной дальнейшая судьба Н.И. Мягкова после перевода его в декабре 1831 г. из Якутской области в г. Санкт-Петербург.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вагин В.И. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 гг. СПб., 1872. Т. 1. 801 с.
2. Уваровский А.Я. Воспоминания. Якутск, 1995. 224 с.
3. Петухова З.И. Николай Иванович Мягков // Руководители Якутии. Якутск, 2012. С. 43–47.
4. Левенталь Л.Г. Подати, повинности и земля у якутов // Материалы по обычному праву и по общественному быту якутов. Л., 1929. С. 221–448.
5. Кубалов Б.Г. Декабристы в Восточной Сибири: очерки. Иркутск, 1925. 216 с.
6. Токарев С.А. Очерк истории якутского народа. М., 1940. 248 с.
7. Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии. М., 1956. 428 с.
8. Сафронов Ф.Г. Дореволюционные начальники Якутского края. Якутск, 1993. 55 с.
9. Петухова З.И. Якутская Степная Дума (1827–1838 гг.). Якутск, 2007. 192 с.
10. Общий морской список. Царствование Александра I. СПб., 1893. Ч. 7. 672 с.
11. Чернышев А.А. Российский парусный флот: Справочник в 2 т. М., 1997. Т. 1. 311 с.
12. Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 2003. 414 с.
13. Список кавалерам императорских российских орденов всех наименований на лето от Рождества Христова 1827. СПб., 1828. Ч. 2. 363 с.

REFERENCES

1. Vagin V.I. Historical evidence about Count M.M. Speranskiy in Siberia from 1819 until 1822. Spb., 1872, vol. 1, 801 p. (In Russ.)
2. Uvarovskiy A.Y. Memoirs. Yakutsk, 1995, 224 p. (In Russ.)
3. Petukhova Z.I. Nikolai Ivanovich Miagkov. *Rukovoditeli Yakutii*. Yakutsk, 2012, pp. 43–47. (In Russ.)
4. Levental L.G. Tributes, duties and land of Yakut people. *Materialy po obychnomu pravu i po obshchestvennomu bytu yakutov*. Leningrad, 1929, 221–448 pp. (In Russ.)
5. Kubalov B.G. Decembrists in the Eastern Siberia: Essays. Irkutsk, 1925, 216 p. (In Russ.)
6. Tokarev S.A. Essay on the History of the Yakut people. Moscow, 1940, 248 p. (In Russ.)
7. Basharin G.P. The history of agrarian relations in Yakutia. Moscow, 1956, 428 p. (In Russ.)
8. Safronov F.G. Pre-revolutionary heads of Yakut region. Yakutsk, 1993, 55 p. (In Russ.)
9. Petukhova Z.I. Yakut Steppe Duma (1827-1838). Yakutsk, 2007, 192 p. (In Russ.)
10. General Marine List. The reign of Alexander I. SPb., 1893, vol. 7, 672 p. (In Russ.)
11. Chernyshev A.A. Russian sailing fleet: handbook in 2 parts. M., 1997, vol. 1, 311 p. (In Russ.)
12. Volkov S.V. Russian Officer Corps. M., 2003, 414 p. (In Russ.)
13. The list for Chevaliers of the Imperial Russian Orders of all types for the year 1827 AD. Spb., 1828, vol. 2, 363 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 18.04.2016

¹⁸ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 8. Д. 714. Л. 5 об.

¹⁹ Там же. Л. 5–5 об.

²⁰ Там же. Л. 12 об.–Л. 13.

²¹ Там же. Л. 9.

²² Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830.

Т. 32. С. 239.

²³ Там же. Т. 31. С. 98.

DOI: 10.15372/HSS20160216
УДК 336.2(571.1/.5)(091)

Л.М. ДАМЕШЕК, И.Л. ДАМЕШЕК

**ПРОВЕДЕНИЕ В ЖИЗНЬ «ВРЕМЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ»
О КРЕСТЬЯНСКИХ И «ИНОРОДЧЕСКИХ» НАЧАЛЬНИКАХ СИБИРИ 1898–1917 г.**

Лев Михайлович Дамешек,
д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой,
Иркутский государственный университет,
РФ, 664003, Иркутск, ул. К. Маркса, 1,
e-mail: levdameshok@gmail.com
Ирина Львовна Дамешек,
д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры,
Иркутский государственный университет,
РФ, 664003, Иркутск, ул. К. Маркса, 1,
e-mail: dameshok@rambler.ru

Статья является продолжением публикации в предыдущем номере журнала. Рассматривается проведение в жизнь закона о крестьянских и инородческих начальниках Сибири, анализируются попытки распространить действие закона на северные территории Сибири, приводятся статистические данные, характеризующие социальный, образовательный, имущественный, конфессиональный состав этих чиновников. Отмечаются их профессиональные занятия до перехода на новую должность. Дается оценка институту крестьянских начальников в Сибири.

Ключевые слова. Европейская Россия, Сибирь, крестьянские начальники, сословный состав, имущественное положение, образовательный уровень, вероисповедание, испытания на должность, отношение к службе, временное правительство.

L.M. DAMESHEK, I.L. DAMESHEK

**THE ENFORCEMENT OF THE PROVISIONAL REGULATION
ON PEASANT AND INDIGENOUS OFFICIALS IN SIBERIA IN 1898–1917**

Lev M. Dameshek,
Doctor of Historical Sciences,
Professor, Head of the Department,
Irkutsk State University,
1, Karla Marxa Str., Irkutsk, 664003, Russia,
e-mail: levdamshok@gmail.com
Irina L. Dameshek,
Doctor of Historical Sciences,
Professor, Professor of the Department,
Irkutsk State University,
1, Karla Marxa Str., Irkutsk, 664003, Russia,
e-mail: dameshok@rambler.ru

The provisional regulation of 1898 on peasant and indigenous officials was implemented in Siberia in 1898–1917. The attempts to apply the law in the northern territory of Asian part of Russia, were rejected by the government. The analysis of service records proves that 35,5 % of peasant officials in the governorates of Western Siberia were from commoners, in Irkutsk – 65 %, in Eniseysk – 68 %, in Transbaikalia – 96 %. The officials holding university degrees comprised 32 % in Western Siberia, and 25 % in Eastern Siberia. The peasant officials owned neither immovable nor acquired property. According to the Table of ranks 50 % of the peasant officials held ranks from the 14 to 8. The peasant officials' average salary was 1500 rubles in Western Siberia and 2000 rubles in Transbaikalia area. 91 % of them were Christians. There was a high turnover among the peasant officials in Siberia. Their subordinate areas differed in size. Prior to their appointment to the new position they were engaged in a wide range of professional activities (from military and police officers to medical attendants and teachers), or did not have any profession at all. The work of peasant officials was characterized by abuse of position, corruption, and forced conversion of non-Russians to Christianity. In 1912 a program of examinations was introduced for the candidates running for the post of peasant official. This program had been developed for the purpose of improving the "qualitative

composition” of the newly appointed officials. It was not implemented because of the First World War. Even under these circumstances the government took measures to improve the qualitative composition of the peasant officials, exempting them from military service etc. However all these attempts were unsuccessful. By 1917 the share of nobles among the Siberian peasant officials had not only failed to increase but actually decreased. The number of Orthodox officials reduced as well. The number of officials with higher education remained at the same level as in 1914. After the fall of the monarchy the situation radically changed. On July 29, 1917 the Provisional government decided to abolish the institution of peasant officials.

Key words: European Russia, Siberia, peasant officials, estates, property status, educational status, religion, examinations for the post, attitude towards service, Russian Provisional Government.

Реализация «Временного положения...» началась с составления штатного расписания, подбора кандидатур крестьянских и инородческих начальников и разделения уездов на участки (исследование истории разработки и обсуждения «Временного положения» см. [1]). Закон предусматривал введение в четырех сибирских губерниях 107 должностей крестьянских начальников и образование 25 уездных съездов. Министерство и региональная власть не исключали возможности увеличения числа крестьянских начальников в Сибири. Этим же целям отвечало стремление администрации распространить закон на те районы Сибири, где первоначально это не предполагалось. В апреле 1901 г. институт крестьянских начальников был введен в Забайкальской области, в шести уездах которой учреждалось 19 должностей новых чиновников¹. Примерно тогда же рассматривался вопрос о введении института крестьянских начальников в Якутской области. Местная администрация предлагала учредить 15 должностей новых чиновников: 6 – в Якутском округе, 3 – в Вилюйском, и по 2 – в Олекминском, Верхоянском и Колымском округах².

В 1903 г. Министерство внутренних дел предложило подчинить власти крестьянских начальников население Березовского и Сургутского уездов Тобольской губернии и Нарымского края Томской губернии³. Однако эти проекты не состоялись. Утверждения отдельных исследователей [2, с. 13] о введении института крестьянских начальников для народов Северо-Восточной Сибири являются ошибочными, фактическим материалом они не подтверждаются. Применительно к аборигенам Туруханского края Енисейской губернии этот вопрос даже не ставился⁴. С определением числа крестьянских начальников и их съездов неразрывно связан вопрос о разделении уездов на участки. В силу того обстоятельства, что отдельные должности этих чиновников оставались вакантными длительное время, фактическое число крестьянских начальников было меньше числа участков. Неодинаковыми были и размеры участков. В Забайкальской области на один участок приходилось немногим более 21 тыс. жителей, в Иркутской губернии – примерно 18 тыс., в Енисейской – около 20 тыс. [3, с. 133].

Количество участков внутри уездов и губерний, за редким исключением, оставалось неизменным до 1917 г., но внутреннее изменение границ участков было обычным явлением. Одной из наиболее важных сторон деятельности сибирской администрации по реализации закона 1898 г. являлся подбор кандидатов на должности крестьянских начальников. В интересах быстрее проведения реформы он начался еще до утверждения законопроекта. Поиск кандидатов на новые должности был связан с известными трудностями. В Сибири практически отсутствовало помещичье землевладение, а прослойка дворян-чиновников по сравнению с губерниями Европейской России была невелика. Немного насчитывалось и чиновников с высшим или специальным образованием. Между тем закон отдавал предпочтение именно таким лицам. Это сужало круг возможных претендентов на должность и сдерживало ход реформы. Неслучайно местная администрация резко выступала против соблюдения требования образовательного ценза⁵. Если в Томской и Тобольской губерниях ко времени проведения реформы правительство все же смогло подобрать необходимые кандидатуры, то в Енисейской губернии штат крестьянских начальников был укомплектован только на 90 %. По сведениям МВД, в 1901 г. в Забайкальской области оставались незанятыми 11 % мест крестьянских начальников, в Иркутской губернии в 1909 г. – 5 %⁶.

Стремление царизма при подборе кандидатур на вновь вводимые должности строго следовать словесному принципу и назначать крестьянских начальников исключительно из дворян оказалось неосуществимым. В 1904 г. в губерниях Западной Сибири 35,5 % чиновников было из разночинцев, только 32 % крестьянских начальников имели высшее образование, зато православными являлись почти все – около 91 %⁷.

Еще в меньшей степени соответствовали правительственным установкам крестьянские начальники Восточной Сибири. В начале XX в. в Енисейской губернии выходцами из разночинцев были 68 % крестьянских начальников, в Иркутской губернии – 65 %, в Забайкальской области – 96 %⁸. В Иркутской губер-

⁵ Библиотека РГИА. Печатные записки. Ф. 2825. Отчет Енисейского гражданского губернатора за 1907 г. С. 7.

⁶ Подсчитано по: РГИА. Ф. 1291. Оп. 30. Д. 40, 1900 г. Л. 3; Оп. 30, 1901 г. Д. 62. Л. 17–20; Оп. 31. Д. 622, 1909 г. Л. 4–23.

⁷ Там же. Ф. 1291. Оп. 30. Д. 2, 1904 г. Л. 213–216, 239–240.

⁸ Подсчитано по: РГИА. Ф. 1291. Оп. 30, 1900 г. Д. 40. Л. 3, 23; Оп. 1, 1909 г. Д. 622. Л. 4 об.–23; Оп. 30, 1901 г. Д. 62. Л. 17–18, 19–20.

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1148. Оп. 30. Д. 62. 1901 г. Л. 1–3.

² Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Оп. 8. К. 842. Д. 927. Л. 2–14.

³ РГИА. Ф. 573. Оп. 3. Д. 5125. Л. 23–30.

⁴ Там же. Ф. 1291. Оп. 84, 1909 г. Д. 173. Л. 222–223.

нии только четвертая часть чиновников имела высшее образование, в Енисейской губернии и Забайкальской области – немногим более половины. Удельный вес чиновников, исповедовавших православие, в Восточной Сибири был выше, чем в Западной, – 97 %. Таким образом, не правы те исследователи, которые считают, что крестьянские начальники назначались исключительно из дворян [3, с. 129; 4, с. 176].

Для большинства крестьянских начальников жалование было единственным источником существования. Его размер без учета канцелярских, квартирных, прогонных и прочих сумм колебался от 1500 руб. (Западная Сибирь) до 2000 руб. в год (Забайкальская область). По данным начала XX в., в Восточной Сибири только один чиновник из 61 имел поместье в 235 дес. в Херсонской губернии. Еще три чиновника или их жены имели собственные дома. В Тобольской губернии у одного чиновника имелся земельный надел в 920 дес. в Уфимской губернии. В Томской губернии владельцев недвижимой наследственной или «благоприобретенной» собственности из числа крестьянских начальников вообще не было. В царской России все чиновники гражданского или военного ведомства имели чин, соответствующий классу по должности. Изучение этой стороны положения крестьянских начальников позволяет заключить, что положение их в бюрократической иерархии российского чиновничества было сравнительно невысоким. Примерно 50 % крестьянских начальников имели чины с 14 по 8 класс.

Не прошло и года со времени введения института крестьянских начальников, как они отметились массовыми и вопиющими злоупотреблениями. Уже в 1899 г. иркутский генерал-губернатор А.Д. Горемыкин сообщал в Министерство внутренних дел, что не все крестьянские начальники «правильно понимают свои обязанности и <...> отвечают по своим служебным и нравственным качествам <...> занимаемой должности». Через год после введения реформы ряд чиновников «пришлось заменить другими лицами»⁹. Наиболее подробные сведения о произволе крестьянских начальников содержатся в материалах ревизии их деятельности. Чиновник министерства внутренних дел Маврин, обследовавший по поручению В.К. Плеве деятельность крестьянских начальников Тобольского, Тарского и Ишимского округов, «не признавал возможным дальнейшее оставление... в занимаемой должности... пяти крестьянских начальников из 15 проверенных»¹⁰. По признанию вице-губернатора А.Н. Тайницкого, одни чиновники совершенно не вникали в положение дел, другие же приобрели грустную славу беззакониями и хищениями¹¹. По приблизительным подсчетам за три-четыре года крестьянские начальники растратили около 300 000 руб. общественных денег [5, с. 73]. Сове-

менники отмечали, что новые чиновники с первых дней начали хозяйствовать «авторитетно, нисколько не смущаясь своего невежества и отсутствия необходимых знаний» [6, с. 26].

Незаконные действия крестьянских начальников не ограничивались лихоимством. Поразительными были масштабы их самоуправства. Крестьянский начальник 5-го участка Иркутского уезда Галицкий «без соблюдения установленного порядка, по своему усмотрению допускал к исполнению обязанностей выборных должностных лиц». Он назначил казначеем Хоговской управы бывшего родового старосту Абыдаевского рода Степанова, который совершил растрату в 1797 руб. Без решения суглана Галицкий принял на должность писаря Ользоновской управы некоего Куртова, который до поступления на службу водил дружбу с местными кулаками Сухановым и Ербагаевым, рекомендовавшими его крестьянскому начальнику как лицо, заслуживающее доверия¹². Однако это «заслуживающее доверия лицо» присвоило около 1500 руб., а затем сбежало, захватив предварительно чужой паспорт. Велика была роль крестьянского начальника при выборе должностных лиц инородческого управления. При поддержке уездных съездов и губернских правлений они старались подобрать послушный их воле состав органов самоуправления у сельского населения. Достигалось это по-разному: путем рекомендаций, игнорированием приговоров сходов и сугланов, прямым насилием, и даже фальсификацией итогов выборов¹³. Крестьянские начальники активно влияли на ход землеустройства аборигенов, их участие в работе поземельно-устроительных комиссий было обязательным. Анализ позиций этих чиновников при рассмотрении конфликтных ситуаций в ходе землеустройства позволяет заключить, что крестьянские начальники руководствовались не интересами аборигенов-скотоводов, а целям переселенческой политики правительства, выступали в большинстве случаев за продолжение землеустройства и практики земельных отрезков у нерусских народов¹⁴. Многие крестьянские начальники являлись истыми ревнителями православия, не гнушавшиеся никакими методами – от посулов и угроз до прямого администрирования и насилия¹⁵.

Массовый произвол крестьянских начальников вызывал энергичные протесты сельского населения, о чем были хорошо информированы высшие правительственные инстанции. В 1907 г. на совещании непременных членов по крестьянским делам товарищ министра внутренних дел А.И. Лыкошин вынужден был признать, что правительство не видит иного способа пресечения злоупотреблений, кроме установления постоянного надзора, который бы явился одним из существенных условий правильной постановки

⁹ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 367, 1900 г. Л. 5.

¹⁰ Там же. Ф. 1291. Оп. 30. Д. 183, 1903 г. Л. 1.

¹¹ Там же. Л. 54.

¹² ГАИО. Ф. 32. Оп. 4. Д. 2. Л. 13–13 об.

¹³ Там же. Оп. 5. Д. 11 312. Л. 1.

¹⁴ Там же. Ф. 25. Оп. 9. К. 194. Д. 3671. Л. 63.

¹⁵ Там же. Д. 2514. Л. 7 1.

всякой исполнительской деятельности¹⁶. С целью пресечения злоупотреблений крестьянских начальников местная администрация практиковала частые перемещения чиновников внутри уездов и губерний. В Иркутской губернии с 1901 по 1912 г. крестьянскими начальниками перебывало 70 чиновников, из них 40 находились на этой должности от года до 3 лет, 10 имели пятилетний стаж, 6 – шестилетний, два чиновника пробыли в этой должности 10 лет. В целом по Иркутской губернии из 21 участка крестьянские начальники в четырех менялись шесть раз, в девяти – 5 раз.

Формулярные списки позволяют проследить служебный путь чиновников к должности крестьянских начальников. По сведениям за 1916 г., в Тобольской губернии 5 из 34 крестьянских начальников начинали службу в военном ведомстве и, не дослужившись до высоких чинов, вышли в отставку. Отсутствие достаточно надежного источника существования заставило их определиться на штатскую службу. В Томской губернии службу в военном ведомстве начинал каждый десятый крестьянский начальник. Среди крестьянских начальников были представители различных профессий, в том числе и учителя. Крестьянскими начальниками служили и лица, не имеющие чина. В Восточной Сибири таких насчитывалось 10 %, в Западной – 5 % от общего числа крестьянских начальников. Печать того времени отмечала, что среди крестьянских начальников «есть бывшие управляющие частными имениями, встречаются полицейские чины, много офицеров и заметную группу составляют чиновники всяких учреждений» [7, с. 137].

После поражения Первой русской революции и начала массового переселения крестьян за Урал перед правительством встала проблема обеспечения «личного состава крестьянских учреждений лицами, могущими успешно справиться с возложенными на них по закону многообразными и сложными обязанностями». Добиваясь усиления «ближайшего наблюдения» и улучшения качественного подбора чиновников, правительство пыталось совершенствовать местный исполнительный аппарат власти самодержавия. В 1912 г. сибирские губернаторы получили предписание министра внутренних дел А.А. Макарова о введении испытаний на должность крестьянских начальников. Эта мера преследовала цель не только «качественного» отбора состава чиновников, но и удаления негодных правительству или скомпрометировавших себя лиц.

Министерство рекомендовало губернской администрации проводить экзамены по программам испытаний на должность земских начальников, утвержденных в 1908 г. и в Сибири. Местные власти обязывались разработать собственную программу, в которой особое внимание следовало уделить выявлению «осведомленности испытуемых в узаконениях и правилах, регулирующих общественное управление, суд и поземель-

ное устройство крестьян и инородцев»¹⁷. Составление программы испытаний в Сибири было закончено к 1914 г. В определении прав крестьянских начальников относительно органов общественного управления крестьян и аборигенов составители программы исходили из ст. 16 «Временного положения...», которая предоставляла крестьянским начальникам право «рассматривать все приговоры волостных и сельских сходов»¹⁸.

В программах это положение конкретизировалось – перечислялись случаи, когда присутствие крестьянского начальника на сельском сходе было обязательным: при раскладе мирских и земских повинностей, выборе должностных лиц общественного управления и т.д. Программы предоставляли крестьянскому начальнику право не только утверждать, но и дополнять повестку дня сходов и сугланов новыми вопросами, крестьянские начальники получали право «возбуждения уголовного преследования». Подробно излагались полицейские обязанности крестьянского начальника. В годы Первой русской революции крестьянские начальники широко пользовались такими правами. Сибирское чиновничество внимательно отнеслось к разработке именно этих положений. Программа Енисейской губернии даже ввела специальную главу «Обязанности крестьянского начальника полицейского характера». В программах подробно рассматривались случаи, когда крестьянскому начальнику вменялось в обязанность привлекать для «наведения порядка» чинов уездной полиции, высылать в административном порядке «зачинщиков» и т. д.¹⁹ Ряд статей в программах был посвящен изложению обязанностей крестьянского начальника по организации сборов податей и налогов. Программы Иркутской и Енисейской губерний содержали главу «Податное дело», в программе Тобольской губернии данный вопрос был включен в главу «О личных, имущественных правах крестьян и лежащих на них обязанностях». Программы испытаний регламентировали отношения крестьянских начальников с вышестоящими учреждениями, различными должностными лицами царской администрации и полицией. Жесткая регламентация этих моментов была, по мнению составителей программы, совершенно необходима, так как крестьянские начальники по роду своей деятельности сталкивались с чиновниками различных ведомств, что на практике порождало неразбериху и волокиту.

Практическому внедрению программ испытаний на должность крестьянского начальника помешала начавшаяся Первая мировая война. Но и в этих условиях правительство принимало меры для улучшения состава крестьянских начальников, предоставляя им льготы от призыва в армию и т. д.²⁰ Тем не менее все попытки

¹⁷ ГАИО. Ф. 32. Оп. 4. Д. 102. Л. 12.

¹⁸ ПСЗ-3. Т. 18. № 15 503.

¹⁹ ГАИО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 46. Л. 195.

²⁰ РГИА. Ф. 1291. Оп. 30. Д. 56, 1900 г. Л. 186–187, 190.

¹⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 13. Д. 91 а, 1908 г. Л. 5.

правления оказались тщетными. Прослойка дворян среди крестьянских начальников Сибири к 1917 г. не только не увеличилась, но даже сократилась, уменьшилось и количество православных чиновников. Количество чиновников, имеющих высшее образование, по сравнению с 1914 г. осталось примерно на том же уровне. Институт крестьянских начальников Сибири был упразднен Временным правительством в июне 1917 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Закон 1898 г. о крестьянских и «инородческих» начальниках Сибири. Обсуждение и разработка // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. № 1. С. 58–63.
2. Марченко В.Г. Управление и суд у малых народов Севера Сибири и Дальнего Востока в царской России: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1985. 27 с.
3. Егунов Н.П. К вопросу о введении института крестьянских начальников в Забайкалье // Уч. зап. Бурят. пед. ин-та. 1962. Вып. 95. Ист.-филол. сер. С. 130–139.
4. Дулов В.И. Крестьянство Восточной Сибири в годы Первой русской революции. Иркутск, 1956. 270 с.
5. История Сибири. Л: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. Т. 3: Сибирь в эпоху капитализма. 530 с.

6. Жерновков Г. Сибирь и правительство. Новониколаевск, 1907. 26 с.

7. Степынин В.А. Крестьянские начальники Енисейской губернии // Уч. зап. Краснояр. пед. ин-та. 1957. Вып. 1. С. 67–88.

REFERENCES

1. Dameshek L.M., Dameshek I.L. The Law of 1898 on the Peasant and "Indigenous" Officials of Siberia: Discussion and Legislative Drafting. *Gumanitarnie nauki v Sibiri*. 2016, no. 1, pp. 58–33. (In Russ.)
2. Marchenko V.G. Administration and judicial courts of the indigenous peoples of Northern Siberia and Far East in the Imperial Russia. Abstract of Cand. Sci. Dissertation. Tomsk, 1985, 27 p. (In Russ.)
3. Egunov N.P. On the formation of the institution of peasant officials in Transbaikalia. *Uch. zap. Buriat. ped. in-ta*, 1962, vol. 95, pp.130–139 (In Russ.)
4. Dulov V.I. Peasantry of Eastern Siberia during the revolution of 1905. Irkutsk, 1956, 270 p. (In Russ.)
5. History of Siberia. Siberia in the era of capitalism. Leningrad: Science, 1968, 530 p., vol. 3 (In Russ.)
6. Zhernovkov G. Siberia and the government. Novonikolayevsk, 1907, 26 p. (In Russ.)
7. Stepynin V.A. Peasant officials of Eniseysk governorate. *Uch. zap. Krasnoyar. ped.in-ta*. 1957, vol. 1, pp. 67–88. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 12.05.2016

DOI: 10.15372/HSS20160217
УДК 9 (571.1/.5) 712

А.В. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

**ПРОТОКОЛЫ ДОПРОСА И.Н. ЛУНЕГОВА КАК ИСТОЧНИК
ПО ИССЛЕДОВАНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВЫХ ЭСЕРОВ
В ОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920–1922 гг.**

Анатолий Владимирович Добровольский,
д-р ист. наук, профессор,
Сибирский государственный университет путей сообщения,
РФ, 630049, Новосибирск, ул. Д. Ковальчук, 191,
e-mail: dobr@sgups.stu.ru

В статье на основании новых архивных документов раскрываются неизвестные до сих пор эпизоды деятельности омской организации правых эсеров (ПСР) в начале 1920-х гг. Особое внимание уделяется анализу основных направлений деятельности омского горкома ПСР, нелегальных форм работы эсеров среди населения в это время. Автор считает, что местные органы ВЧК располагали определенными сведениями о нелегальной деятельности правых эсеров, за исключением внутривнутрипартийной информации. Этот пробел был частично компенсирован с помощью допросов члена горкома И.Н. Лунегова. На основе анализа протоколов допросов сделаны выводы, что с началом нэпа правые эсеры Омской губернии попытались активизировать свою партийную деятельность, и это побудило органы власти принять соответствующие карательные меры.

Ключевые слова: Сибирь, Омская губерния, ЦК ПСР, социалисты-революционеры, правые эсеры, партийные организации, крестьянские союзы.

A.V. DOBROVOLSKY

**THE RECORDS OF I.N. LUNEGOV'S INTERROGATION AS A SOURCE
FOR THE STUDY OF THE RIGHT-WING SOCIALIST REVOLUTIONARIES
IN THE OMSK GOVERNORATE IN 1920–1922**

Anatoly V. Dobrovolsky,
Doctor of Historical Science, Professor,
Siberian State Transport University,
191, D. Kovakchuk str., Novosibirsk, 930046, Russia,
e-mail: dobr@sgups.stu.ru

The purpose of the study is to show the illegal activities of the Omsk organization of the Socialist Revolutionary Party in the early 1920s. The author used new archival documents that can help to disclose hitherto unknown episodes in the activities of the Omsk municipal and provincial organizations of the Right-Wing Socialist Revolutionaries under Soviet rule. The presented study applied comparative, structural and logical methods of analysis. Based on the interrogation records related to one of the leaders of the SRs' local party organization in Omsk the author reconstructs a picture of Party life in Omsk in the early 1920s; describes how the SRs went underground and restored their Party structures at the municipal and provincial levels; analyzes personal composition of the executive bodies. The analysis of Lunegov's interrogation records allowed to obtain a new information about the organizational structure, quantitative and qualitative composition of the executive bodies of revolutionary organizations in that period. Special attention is paid to the analysis of basic activities of the Omsk municipal committee and illegal forms of the SRs' work with the population.

The author believes that the party leaders were not able to deploy a large-scale party work among both the SRs and various groups of population during the period under study. The author considers the fact that the local bodies of the All-Russian Extraordinary Commission had quite detailed information about the illegal activities of the Right-SRs, except for the intra-party information. This gap was partially compensated during Lunegov's interrogations. Based on the obtained information the author concluded that the Omsk SRs tried to intensify their party activities with the beginning of the new economic policy. This motivated the Bolshevik government and the All-Russian Extraordinary Commission's local authorities to take appropriate actions which paralyzed the activities of the Right-SRs and then helped to initiate the process of self-dissolution of the Socialist Revolutionary Party in the Omsk province.

Key words: Siberia, Omsk province, Socialist Revolutionaries, Right Socialist Revolutionaries, party organizations, peasant unions.

В апреле 1922 г. в Омске были раскрыты действующие нелегально губернский и городской комитеты партии правых эсеров. Органы ГПУ арестовали 34 чел., причастных к деятельности вышеуказанных нелегальных структур¹. В мае 1922 г. полномочный представитель ГПУ по Сибири И.П. Павлуновский направил в Сиббюро ЦК РКП(б) копии протоколов допросов члена горкома омской организации правых эсеров И.Н. Лунегова². Шесть протоколов допросов одного из руководителей городской организации партии социалистов-революционеров позволяют получить существенную информацию о деятельности правых эсеров в Омской губернии в 1920–1922 гг. Эти материалы являются ценным источником, так как документальных свидетельств самих эсеров об их деятельности в данный период крайне мало. Репрессии органов ВЧК–ГПУ вынудили эсеров Сибири уйти в глубокое подполье, они предпочитали не оставлять письменных следов о своей внутрипартийной деятельности, чтобы не подвергаться опасности как членов партии, так и содействующих им лиц. Поэтому в исторической литературе до сих пор нет полной картины деятельности правых эсеров Омской губернии в это время, за исключением фрагментарных эпизодов в работах А.В. Добровольского [1, с. 277–278] и А.А. Штырбула [2, с. 8; 3, с. 151].

Легальная деятельность социалистических партий на территории Сибири была запрещена вскоре после восстановления Советской власти. Омский губком РКП(б) 3 апреля 1920 г. официально запретил эсерам и меньшевикам проводить свои собрания³. Начались аресты лиц, участвовавших в борьбе против Советской власти, причастных к деятельности контрреволюционных партий и групп, обвиненных в антибольшевистских выступлениях. Но репрессии новой власти не привели к прекращению нелегальной деятельности социалистов-революционеров.

В протоколе первого допроса И.Н. Лунегова от 26 апреля 1922 г. зафиксированы официальные сведения: Лунегов Иван Никитич – возраст 56 лет, член партии эсеров с 1905 г., с 1917 по 1919 г. относил себя к эсерам «Центра». Образование среднее (окончил городское училище). С 1914 г. работал на омской фабрике «Энергия» слесарем, потом заведующим технико-нормативным бюро⁴. В 1918 г. избирался в омскую городскую думу по списку партии социалистов-революционеров, гласным которой был вплоть до 1919 г. Член профсоюза металлистов. На первом допросе И.Н. Лунегов заявил, что идейно относит себя к партии правых эсеров⁵. На его допросах 26, 27 и 28 апреля чекисты главный акцент сделали на выявлении влияния эсеров на крестьянские союзы, и, в частности, на дея-

тельность военного отдела Сибирского крестьянского союза. В последующих допросах основное внимание было сосредоточено на идейных позициях, организационно-партийной работе омского губернского и городского комитетов партии правых эсеров.

Протоколы допросов И.Н. Лунегова позволяют получить новые сведения о нелегальной деятельности правых эсеров Сибири в начале 1920-х гг. Из них явствует, что к середине 1920 г. в Омске был воссоздан подпольный городской комитет партии правых эсеров. На общем собрании присутствовало 12 чел., в том числе член Всесибирского краевого комитета ПСР С.А. Кудрявцев. В состав городского комитета вошли П.А. Разумовский, И.В. Римша, И.Н. Лунегов, Лозовой и Косинов. Руководителем вначале избрали П.А. Разумовского, а после его отъезда в состав горкома был кооптирован Володин, который впоследствии взял на себя общее руководство городской организацией⁶. Из протокола допроса И.Н. Лунегова от 2 мая 1922 г. следовало, что горком основное внимание уделял организационной и информационной работе, налаживанию связей с центром и краевым комитетом⁷.

К осени 1920 г. в Омске воссоздается губернский комитет партии эсеров. Он был образован при непосредственном участии члена ЦК ПСР Л.Я. Герштейна, в его состав также вошли Е.Ф. Тяпкин, И.С. Юдин, Володин, Подвицкий. Но тесной взаимосвязи и координации партийной работы, по словам И.Н. Лунегова, не получилось⁸. На рубеже 1920–1921 гг. омская организация правых эсеров насчитывала в своих рядах 125 чел. [2, с. 8]. Попытки обсуждения стратегии и тактики нелегальной деятельности омских эсеров только углубляли разногласия и противоречия между губернским и городским комитетом партии правых эсеров. В январе 1921 г. на собрании городской организации эсеров был поднят вопрос «о бездеятельности губкома» и принято решение: «Губернский комитет партии С.-Р. “Центра” считать распущенным»⁹. Протесты присутствующих членов губернского комитета Е.Ф. Тяпкина и Подвицкого не были приняты во внимание.

Весной – летом 1920 г. по стране стала активно распространяться идея воссоздания Союзов трудового крестьянства. В Сибири эта идея получила своеобразное преломление и вылилась в проект создания Сибирского крестьянского союза – подпольной антибольшевистской организации, возникшей первоначально на территории Алтайской губернии по инициативе бывшего члена Временного правительства Северной области, члена ЦК Трудовой народно-социалистической партии В.И. Игнатъева. В руководящее ядро Сибирского крестьянского союза (СКС) вошли эсеры Е.Ф. Тяпкин, член партии эсеров с 1902 г., И.С. Юдин –

¹ Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 1. Оп. 3. Д. 129. Л. 70.

² Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 163. Л. 251–257, 289–292.

³ ГИАОО. Ф. П-58. Оп. 1. Д. 40. Л. 21.

⁴ ГАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 163. Л. 255. Протокол допроса И.Н. Лунегова от 26 апреля 1922 г.

⁵ Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 163. Л. 254.

⁶ Там же. Л. 251. Протокол допроса И.Н. Лунегова от 10 мая 1922 г.

⁷ Там же. Л. 254.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

с 1902 г., С.П. Тагунов-Ельшевич – с 1904 г., Г.И. Дьяконов – с 1904 г., Макушин – с 1902 г., энесы А.Ф. Меринов и Ф.А. Савченко [4, с. 125]. Программа Союза предусматривала широкую организацию крестьянства как класса и обеспечение ему решающей роли в политической, экономической и общественной жизни России. В Омске, по версии А.А. Штырбула, инициативная группа СКС (почти целиком состоящая из эсеров) начала эту работу в августе 1920 г. [3, с. 151]. Губернский комитет Крестьянского союза, по свидетельству Е.Ф. Тяпкина, был организован в начале января 1921 г.; в его президиум входили эсеры И.С. Юдин, Е.Ф. Тяпкин, С.П. Тагунов-Ельшевич, Подвицкий, и кандидаты – Лотошников, Данилов, Володин [5, с. 10].

О существовании Сибирского крестьянского союза, как признавался на допросах И.Н. Лунегов, члены омского городского комитета узнали в начале февраля 1921 г.¹⁰ В показаниях от 2 мая И.Н. Лунегов заявил, что члены горкома «были поражены существованием и выступлением Крестьянского союза»¹¹. На экстренном заседании было вынесено решение, что действия инициативной группы по организации Крестьянского союза, и особенно военного отдела, «является из ряда вон выходящим»¹². На этом же заседании предлагалось исключить из партии ряд членов бывшего губкома, но временно ограничились порицанием. Решили провести партийное расследование и выяснить персональную роль членов губкома в организации Крестьянского союза, но не успели это сделать. В январе 1921 г. омские чекисты произвели аресты инициативной группы «Союза» и некоторых активных членов партии эсеров [6, с. 189].

Продразверстка и другие меры «военно-коммунистической» системы хозяйствования, произвол местных партийно-советских и продовольственных органов привели к росту недовольства и стихийному протесту сибирского крестьянства. В начале февраля 1921 г. конфликты крестьян Ишимского уезда с работодателями переросли в антибольшевистские вооруженные выступления против Советской власти на территории Тюменской, северной части Омской губерний. Мятеежники прервали телеграфную связь Сибири с центром, перерезали обе линии Транссибирской магистрали, прервали транспортировку сибирского продовольствия в европейскую часть России. В феврале – марте 1921 г. ряд сибирских городов (Петропавловск, Тобольск, Кокчетав, Сургут, Березов) на короткое время оказались в руках повстанцев. В конце февраля 1921 г. восстание достигло своего апогея (примерная численность его участников – около 50 тыс., по другим данным – не менее 70 тыс. чел.) [7, с. 582]. Для подавления мятежа была привлечена крупная группировка войск РККА, которая к концу марта разгромила основные силы повстанцев, а в апреле – мае 1921 г. полностью «зачистила» мятежные территории.

По указанию полномочного представителя ВЧК по Сибири И.П. Павлуновского в феврале – марте 1921 г. местные органы ВЧК провели аресты лиц, подозреваемых в подготовке и организации Западно-Сибирского мятежа на территории Алтайской губернии, в городах Ишиме, Тобольске, Тюмени, Омске, Ново-николаевске, Красноярске. Омская организация Крестьянского союза была полностью ликвидирована в феврале 1921 г. [8, с. 208]. В числе группы лиц, обвиняемых в организации Союза трудового крестьянства, руководившего крестьянскими выступлениями в Западной Сибири в 1920–1921 гг., были арестованы и члены омского губкома Е.Ф. Тяпкин и И.С. Юдин¹³. Разгром крестьянских союзов на территории Сибири повлек за собой повсеместно аресты ряда эсеров, входящих в составы руководящих партийных органов губернского и городского уровня. В Омске были арестованы также члены горкома И.В. Римша, Лозовой, члену губкома-горкома Володину удалось скрыться, он нелегально перебрался в Москву.

Карательные меры органов СибЧК дали определенные результаты. В политпартсводке по Омской губернии за май – июнь 1921 г. сообщалось, что эсерские организации «развалены, определенно отказались от открытых террористических актов и возможности осуществлять какую-либо партийную деятельность»¹⁴. Однако местные органы губЧК, по нашему мнению, не располагали достоверной информацией о положении правых эсеров в указанный период. Вскоре вместо арестованных в состав омского горкома были кооптированы новые члены партии – Н.А. Попков, Муравьева, Муранова, Г.Г. Кафтан, Г. Каторгин¹⁵. Член Сибкрайкома С.А. Кудрявцев предложил омскому горкому взять на себя роль Временного губернского бюро до избрания нового состава губкома. К полномочиям этого партийного формирования отнесли восстанавление связи с вышестоящими органами, с партийными организациями Омской губернии.

В августе 1921 г. омские эсеры стали готовить предложения к X съезду партии эсеров. «Так как общее собрание кружков невозможно было сделать, – записано в протоколе допроса И.Н. Лунегова от 2 мая 1922 г., – то к X съезду особых материалов не было дано...»¹⁶. Руководящему органу было предложено обсудить вопрос об объединении партии (с группой «Народ»), а также выработать партийные директивы в отношении судьбы Учредительного собрания, роли крестьянских союзов в экономической и политической жизни советской России. Предложения X съезду партии эсеров были доставлены в ЦК ПСР местным эсером А.И. Горбуновым, командированным в Москву по линии продовольственных органов. Он же передал Володину мандат делегата омской организации правых эсеров.

¹³ Там же. Л. 5. Информационно-политическое письмо № 2 Сиббюро ЦК РКП(б), декабрь 1921 г.

¹⁴ Там же. Д. 175. Л. 15.

¹⁵ Там же. Д. 163. Л. 252.

¹⁶ Там же. Л. 254.

¹⁰ ГАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 163. Л. 251.

¹¹ Там же. Л. 254.

¹² Там же.

На основе протоколов допросов И.Н. Лунегова можно сделать вывод, что к лету 1921 г. Временное губернское бюро наладило регулярные отношения с Всесибирским краевым комитетом эсеров, восстановило связи с рядом партийных групп и ячеек на территории Омской губернии. При этом, как подчеркивал И.Н. Лунегов, – «переписку мы вели не по почте, а только через известных нам лиц (курьеров, командированных, отпускиников)»¹⁷. Однако, если критически оценивать информацию И.Н. Лунегова, «Временное губернское бюро» не смогло развернуть широкой организационно-политической работы. В 1921 г. было проведено всего три общих партийных собрания. На первом собрании, весной 1921 г., на котором рассматривался вопрос об отношении к крестьянским союзам, присутствовало всего 6 чел. На втором собрании обсуждались вопросы и предложения к предстоящему X съезду партии эсеров. На третьем, дата которого не указана, был поднят вопрос об организации Красного креста или Бюро помощи заключенным.

В декабре 1921 г., по словам И.Н. Лунегова, состоялось два «деловых» заседания омского губбюро – горкома, на которых обсуждались документы и резолюции X съезда партии. На основе полученных материалов, по мнению И.Н. Лунегова, «мы поняли, что на съезде вопроса об объединении партии очевидно не разбирались, оставили и у себя этот вопрос открытым»¹⁸. Неразобранным, по словам И.Н. Лунегова, остался вопрос и о крестьянских союзах, о судьбе идеи Учредительного собрания, позиция партии по вооруженной борьбе с большевистской властью. «Вообще, эти два собрания, посвященные резолюциям X съезда, – говорил И.Н. Лунегов, – закончились определенным постановлением, что основные положения, выдвинутые съездом, расплывчатые и неточны. Такое постановление мы предполагали послать в ЦК, но послать не смогли»¹⁹.

На наш взгляд, омские эсеры получили далеко не полный пакет решений, принятых на X съезде партии эсеров. В резолюциях «По текущему моменту», «Задачи и методы работы ПСР среди пролетариата», «Задачи и методы работы ПСР в деревне», которые сегодня доступны исследователям, даны ответы на эти вопросы и соответствующие директивы по текущему моменту [9, с. 770–785]. Но можно констатировать, что идейные позиции омских эсеров не противоречили основным решениям X съезда партии. «Советская власть, как форма власти, в данный момент нами признается – говорил И.Н. Лунегов. – Работу свою мы мыслили и проводили на основе решений X съезда партии. Но положение Советской власти мы считаем в данный момент непрочным и поэтому, дабы не дать возможности прийти на смену реакции, мы должны как можно скорее соорганизоваться. К экзамену относимся отрицательно»²⁰. Основная цель деятельности

правых эсеров, по словам И.Н. Лунегова, – обеспечение перехода к демократическому строю на основе широких выборных начал. Ликвидировать Советскую власть правые эсеры намеревались мирным путем: для этого необходимо было, по их мнению, вести соответствующую антибольшевистскую пропаганду, создавать крестьянские союзы как сугубо профессиональные объединения крестьянства. Эсеры считали вполне реальным завоевание большинства в Советах, кооперативных и других организациях через крестьянские съезды, через организацию и сплочение широких слоев крестьянства, недовольных политикой Советской власти, готовых к решительной защите своих интересов.

Для развертывания широкой агитационной работы в массах омские эсеры предполагали возродить прежнюю структуру партийных организаций, начиная от губкома, уездного комитета, горкома и т.д. Со второй половины 1921 г. омский городской комитет ПСР сосредоточил внимание на усилении разъяснительной работы среди членов партии, создании и укреплении кружковых организаций. «Работу среди партийцев, – пояснял И.Н. Лунегов, – мы мыслили как кружковую»²¹. Кружки были созданы в кооперативных учреждениях губсоюза (И.В. Римша), губкустпромсоюзе (Муранова), Коммунохозе (Г.Г. Кафтан), в железнодорожных мастерских (И.Н. Лунегов), на станциях Называевская (И.Г. Данилов) и Куломзино (Хвастунов). На допросах И.Н. Лунегов дал информацию о работе восьми городских партийных кружков, а также четырех групп, действующих на территории самостоятельно (руководители – Абуковская, Татарников, Федоров и Юнеев)²². В Омской губернии чекисты зафиксировали деятельность эсеровских организаций в Петропавловске, Славгороде, Калачинске, г. Таре, в Тюкалинском уезде²³. Они занимались анти-советской агитацией среди различных слоев населения, в первую очередь среди крестьянства, распространением партийной литературы и газет.

Новая экономическая политика расширила возможности для легальной работы эсеров, особенно в кооперации, позволила использовать кадровый потенциал и материально-техническую базу сибирской кооперации в своих целях. Так, в Новониколаевске основные силы эсеров сгруппировались вокруг отделения Сибцентросоюза, там же базировался их губком [1, с. 277]. В докладной записке омскому губернскому комитету РКП(б) сообщалось, что по отделениям губсоюза на должностях инструкторов потребкооперации (октябрь 1921 г.) работает 51 чел., из них всего 4 члена РКП(б). В шести районных отделениях нет ни одного коммуниста-инструктора, еще в четырех районах – по одному²⁴. В связи с активизацией эсеровской дея-

²¹ Там же.

²² Там же. Л. 255–257. Данные составлены по протоколу допроса И.Н. Лунегова от 26 апреля 1922 г.

²³ ГИАОО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 129. Л. 71; ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 156. Л. 212

²⁴ ГИАОО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 214. Л. 107.

¹⁷ ГАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 163. Л. 253.

¹⁸ Там же. Л. 254.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Л. 252.

тельности, в первую очередь в кооперации, сибирские органы ВЧК осенью 1921 г. повсеместно провели аресты ряда бывших и действующих членов партии социалистов-революционеров. Не избежали этой участи и омские эсеры. «И вообще в последнее время, после третьего собрания, – говорил И.Н. Лунегов, – вся наша работа была направлена исключительно на оказание помощи политическим заключенным»²⁵.

В своих показаниях И.Н. Лунегов утверждал, что городской комитет имел довольно тесные контакты с Всесибирским краевым комитетом партии эсеров, хотя из последующих материалов допроса видно, что омские эсеры за это время получили только одно циркулярное письмо Сибкрайкома, в котором рекомендовалось на время воздержаться от активной агитационно-пропагандистской деятельности среди крестьянских и рабочих масс. «Если у Вас есть сведения о другом письме, – говорил чекистам на допросе 2 мая И.Н. Лунегов, – то можно думать о существовании параллельной нам группы и Комитета. Но я должен заметить, что параллельной группы или Комитета не могло быть, так как явки и адреса на Москву и Краевой комитет имели только мы... Задания же от нашей группы связаться с Центром и Краевым комитетом никому не давалось»²⁶.

В 1922 г., по данным И.Н. Лунегова, состоялось два собрания омских эсеров. На квартире члена партии С.И. Богомолова 15 марта обсуждался вопрос о перераспределении обязанностей среди членов губбюро-горкома. «Временное губернское бюро» поручило И.Н. Лунегову осуществлять общее руководство партийными ячейками на фабрике «Энергия», механическом и механолитейном заводах, заводе Рандруп. Организационную работу возложили на кооптированного члена горкома – Абрамова²⁷. На следующем собрании 25 марта 1922 г. в присутствии члена краевого комитета С.А. Кудрявцева И.Н. Лунегов сделал доклад о положении партии эсеров в Омске. И это было последнее собрание в истории омской организации правых социалистов-революционеров.

В начале апреля 1922 г. активные партийные функционеры омской организации ПСР (И.Н. Лунегов, Г.Г. Кафтан, Муранова, Абрамов, Гиневский и др.) были арестованы²⁸. По делу омского губернского и городского комитетов партии социалистов-революционеров органы ОГПУ привлекли 34 чел.: «Виновность их доказана, – докладывали сибирские чекисты 8 сентября 1922 г., – и находится на санкции ГПУ в Москве»²⁹.

На основе анализа протоколов допросов члена омского городского комитета организации правых эсеров И.Н. Лунегова можно сделать следующие выводы. Его показания не представляли особой ценности для органов ЧК с точки зрения информации о деятельности

Сибирского крестьянского союза – так называемого военного отдела, роли эсеров в подготовке Западно-Сибирского восстания 1921 г. На наш взгляд, он действительно не знал об этом в силу своего партийного статуса и положения (в инициативную группу и губернский комитет Крестьянского союза входили члены губкома).

Показания И.Н. Лунегова явно расходились с версией чекистов о руководящей роли эсеров в Западно-Сибирском мятеже 1921 г. В советской исторической литературе тоже не приняли во внимание директиву ЦК партии эсеров по поводу «беспартийной крестьянской организации»³⁰, а также постановление Сибкрайкома от 16 июня 1920 г., в котором «категорически, под страхом исключения из партии, запрещается членам Сибирского объединения П.С.Р. вступать и работать в возникшем за последнее время в Сибири Крестьянском союзе»³¹. Историк В.И. Шишкин полагает, что «эсеров на руководящих и командных должностях в рядах мятежников практически не было» [10, с. 135].

Наиболее ценными для современных исследователей являются сведения И.Н. Лунегова о формировании в Омске подпольных структур правых эсеров в 1920–1921 гг., персональном составе руководящих органов, основных направлениях работы эсеров в это время. Он подтвердил версии органов ВЧК о том, что в этот период произошла активизация партийной работы эсеров на городском, губернском уровнях и во всесибирском масштабе, усиление их нелегальной деятельности среди различных слоев населения.

Следует обратить внимание, что в ходе допросов И.Н. Лунегов выдал (или подтвердил) сведения о конкретной работе ряда членов омской губернской и городской организации партии социалистов-революционеров. Возможно, он надеялся заслужить определенное снисхождение карательных органов большевистской власти или исходил из того, что все они находились в соседних камерах и скрывать их политическую принадлежность не имело смысла. Этот вопрос остался для нас открытым.

Вплоть до конца 1922 г. все арестованные находились в Омске под стражей в Доме лишения свободы. На закрытых заседаниях омского губкома РКП(б) неоднократно рассматривался вопрос об ужесточении режима их содержания, возможности использования политических заключенных в качестве рабочей силы³². Большинство из них позднее были высланы за пределы Омской губернии, в том числе И.Н. Лунегов. Дальнейшая его судьба не известна. Некоторые члены омской организации правых эсеров (Г.Г. Кафтан, С.И. Богомолов) пошли на сотрудничество с органами ГПУ и впоследствии составили костяк так называемого ликвидаторского движения по Омской губернии, закончившего

²⁵ ГАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 163. Л. 254.

²⁶ Там же. Л. 254.

²⁷ Там же. 156. Л. 212.

²⁸ ГИАОО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 129. Л. 69(об.)–70.

²⁹ ГАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 156. Л. 242.

³⁰ Письмо ЦК ПСР «К сведению всех членов партии» опубликовано в листке «Дело народа» № 2. 1920 // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 274. Оп. 2. Д. 2. Л. 80.

³¹ РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 2. Д. 2. Л. 42.

³² ГАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 71. Л. 42.

свою «миссию» в 1923 г. самоликвидацией губернской организации партии социалистов-революционеров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Добровольский А.В. Эсеры Сибири во власти и в оппозиции (1917–1923 гг.). Новосибирск: Наука, 2002. 398 с.
2. Штырбул А.А. Эсеровское движение в Омске и Среднем Прииртышье как фактор региональной истории (первая четверть XX века) // Омский научный вестник. 2012. № 3(109). С. 5–10.
3. Штырбул А.А. Политическая культура Омска и Среднего Прииртышья первой четверти XX века // Вестник Омского университета. 2015. № 2. С. 147–152.
4. Павлуновский И.П. Сибирский крестьянский союз // Сибирские огни. 1922. № 2. С. 123–133.
5. Павлуновский И. Обзор бандитского движения по Сибири. С декабря 1920 г. по январь 1922 г. Новониколаевск: тип. Пр-ства ВЧК по Сибири. 1922. 83 с.
6. Бударин М.Е. Были о чекистах. Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во. Ом. отд-ние, 1976. 352 с.
7. Шишкин В.И. Западно-Сибирский мятеж // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2010. Т. I. С. 582–584.
8. Пьянова О.А. Военная организация Омского комитета «Сибирского крестьянского союза» // Известия Ом. гос. ист.-краевед. музея. Омск: [б.и.], 1999. № 7. С. 201–210.
9. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы: в 3 т. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 3, ч. 2: Октябрь 1917–1925 гг. 1055 с.
10. Шишкин В.И. Вооруженное сопротивление сибирского крестьянства коммунистическому режиму в начале 1920-х годов // История сталинизма: крестьянство и власть. Материалы международной научной конференции (Екатеринбург, 29 сентября – 2 октября 2010 г.). М.: РОССПЭН, 2011. С. 129–142.

REFERENSE

1. Dobrovolskiy A.V. S-Rs of Siberia in government and in opposition (1917–1923 гг.). Novosibirsk: Nauka, 2002. 398 p. (In Russ.)
2. Chtyrbul A.A. Socialist-Revolutionary movement in Omsk and middle Cis-Irtysh region as a factor of regional history (the first quarter of the XX century). *Omskiy nauchniy vestnik*. 2012, no. 3 (109), pp. 5–10. (In Russ.)
3. Chtyrbul A.A. The political culture of Omsk and middle Cis-Irtysh region in the first quarter of the XX century *Vestnik Omskogo universiteta*. 2015, no. № 2, pp. 147–152. (In Russ.)
4. Pavlunovskiy I.P. Siberian Peasant Union. *Sibirskie ogni*. 1922, no. 2, pp. 124–133. (In Russ.)
5. Pavlunovskiy I. Review of bandit movement in Siberia. From December 1920 to January 1922. Novonikolaevsk: tip. Pred-va VChK. 1922, 83 p. (In Russ.)
6. Budarin M.E. Tales of Chekists. Omsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo. Om. otd-nie, 1976, 352 p. (In Russ.)
7. Shishkin V.I. West-Siberian Uprising. *Istoricheskai ensiklopedia Sibiri*. Novosibirsk: Istoricheskoe nasledie Sibiri, 2010, vol. I, pp. 582–584. (In Russ.)
8. Pryanova O.A. The military organization of the Omsk committee of the «Siberian peasants Union». *Izvestia Omskogo gosudarctvennogo istoriko-kraevedheskogo muzeya / sost. P.B. Vibe, T.M. Nazarcheva*. Omsk: [b.i.], 1999, no. 7, pp. 201–210. (In Russ.)
9. The party of Socialist Revolutionaries. Documents and materials. In 3 vol. Moscow: ROSSPEN, 2000, vol. 3, part. 2.: Oktober 1917–1925. 1055 p. (In Russ.)
10. Shishkin V.I. Armed resistance of the Siberian peasantry to the Communist regime in the early 1920s. *Istoria stalinizma: krestianstvo and vlasti*. Materiali mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Ekaterinburg, 29 September – 2 Oktober 2010). Moscow: ROSSPEN, 2011. pp. 129–142. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 18.04.2016

DOI: 10.15372/HSS20160218
УДК 351.746.1(091).475.4"193"

А.Г. ТЕПЛЯКОВ

**НОНКОНФОРМИЗМ СРЕДИ КОНФОРМИСТОВ:
МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ В СОВЕТСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ 1920–1930-х гг.**

Тепляков Алексей Георгиевич,
канд. ист. наук, доцент,
Новосибирский государственный университет экономики и управления,
630099 Новосибирск, ул. Каменская 56,
e-mail: teplyakov-alexey@rambler.ru

Изучение идентичности советского человека демонстрирует, что многие как известные, так и рядовые личности только притворялись идейными коммунистами. Статья призвана показать, что даже активные и профессиональные пропагандисты советских порядков постоянно критиковали догмы большевизма. Данное исследование демонстрирует, в каких формах в 1920–1930-х гг. проявлялось их инакомыслие. В основном среди них преобладали конформисты, часть пропагандистов верили в коммунизм и критиковали советские порядки с целью их улучшения, другие защищали свои личные интересы и вели двойную жизнь, третьи могли резко отрицать сами основы большевизма. Таким образом, в идеологической сфере СССР коммунистические догмы принимались зачастую формально при не всегда скрываемом их отторжении.

Ключевые слова: конформизм, идеология, журналисты, сталинизм, двоемыслие, сопротивление.

A.G. TEPLYAKOV

**CONFORMISM AMONG NONCONFORMISTS:
BEHAVIOR PATTERNS IN SOVIET JOURNALISM OF THE 1920s–1930s**

Alexei G. Teplyakov,
Candidate of History Sciences, Associate Professor,
Novosibirsk State University of Economics and Management,
56, Kamenskaya str., Novosibirsk, 630099, Russia,
e-mail: teplyakov-alexey@rambler.ru

Contemporary studies on the Soviet man identity shows that there were ambiguities in the ways of its development. Many Soviet people (regardless of whether or not they were famous) were forced to pretend to be ideological Communists, to lead a double life, fabricate a fake biography. Many active “builders of communism” with party tickets unenthusiastically received and obeyed the orders from the Bolshevik power. Among the well-known members of the Soviet press there were many people of that sort. The paper aims to show that even the most active propagandists of the Soviet system often were hypocritical. Many professional and well-educated Communist media employees were secretly critical of the dogmas of propaganda. They considered them primitive and criticized them, while some Bolshevik journalists renounced their Communist views. The article shows how dissent manifested itself among the prominent representatives of “ideological front”, for the most part in Moscow. People’s commissars L. Krasin and G. Chicherin were known for their great skepticism regarding the world revolution. In communicating with each other many famous Communists invented epigrams and jokes about the Soviet regime. Many provincial journalists also showed dissent. In the years of the Great Terror, even the most loyal servants of the regime were willing to criticize the policy of repressions. Thus, the journalistic elite was dominated not by the ideological fanatics, but by conformists, who agreed to accept the Bolshevik policy. Their articles and books written in dogmatic spirit often contained hidden criticism or irony. Some journalists believed in communism and criticized the Soviet regime in order to improve it. Other propagandists defended their personal interests and therefore agreed to lead a double life. Some propagandists associated with the anti-Stalinist opposition sharply criticized the foundations of Bolshevism. Thus, in the Soviet Union the ideological sphere was sometimes marked by rejection of the tenets of communism which was not always concealed.

Key words: conformism, ideology, journalists, Stalinism, resistance

Проблема идентичности советского человека интенсивно изучается современными исследователями, показывающими неоднозначные пути формирования

этой идентичности. Отмечается, что многие как известные так и рядовые личности вынуждены были притворяться, вести двойную жизнь, фабриковать

поддельные биографии и пр. [1, с. 14]. Среди работников партийно-советской прессы также много было перевоспитавших себя в нужном духе лиц. Укрепление советского режима превратило в сторонников коммунизма таких антибольшевистских публицистов периода Гражданской войны, как М. Горький, Д. Заславский, Вс. Иванов, М. Кольцов, В. Нарбут, А. Толстой, И. Эренбург. Большевизм агрессивно требовал предельного конформизма, жестко искореняя инакомыслие. О критическом отношении к большевистской действительности со стороны принявшей режим интеллигенции известно немало.

Нам представляется важным подчеркнуть, что среди ведущих профессионалов партийной печати, высокообразованных, нередко знавших не понаслышке о зарубежных реалиях, можно обнаружить примеры весьма критичного отношения к догмам пропаганды и недовольства их примитивностью, вплоть до тайного или замаскированного отторжения. Наша цель – показать, каким образом проявлялось инакомыслие среди референтной группы заметных, преимущественно столичных работников идеологического фронта, а также то, как власти реагировали на вскрывавшиеся факты их нелояльности, как менялись от 1920-х к 1930-м гг. правила игры на идеологическом поле.

В течение 1920-х гг. имелись широкие возможности для высказывания различных мнений и конструирования политических биографий, из которых удалялись компрометирующие факты. При анализе новых биографических материалов выясняется, что многие активные «строители коммунизма» с партийным билетом без всякого энтузиазма приняли условия победителей и просто подчинились им. Известный поэт, издатель и публицист В.И. Нарбут, в середине 1920-х гг. являвшийся заместителем заведующего отделом печати при ЦК ВКП(б), курируя непериодическую печать и художественную литературу, в своей официальной биографии всегда описывал драматический эпизод нападения 2 января 1918 г. на свой дом в с. Хохловка Глуховского уезда Черниговской области как покушение белых. Поскольку тогда Нарбут потерял младшего брата, был ранен четырьмя ружейными пулями, из-за чего ему ампутировали кисть левой руки, эта история делала его героем Гражданской войны. Однако на допросе у денкинцев осенью 1919 г. Нарбут собственноручно написал, что нападение произошло со стороны красных, вынужден был бежать в Воронеж не от кого-нибудь, а от местных большевиков, «которые не раз приходили к больнице и узнавали, жив ли я». Став журналистом советских воронежских «Известий», поэт «не раз... писал, вынужден был писать разные гадости о гетмане и противниках советской власти», хотя «всей душой, всем своим существованием ненавидел большевиков»¹. Обнаружение протокола этого допроса в 1928 г. привело к исключению Нарбута из ВКП(б) и полному краху всей его карьеры [2, с. 41–98]. Правда, предло-

жение главы ЦКК-РКИ Ем. Ярославского широко разгласить в печати о факте такого морального падения Нарбута реализовано не было².

Многие партийцы, начиная с нэпа, понимали, что ни коммунизма, ни мировой революции не ожидается, но в предложенных обстоятельствах покорно одобряли генеральную линию и укрепляли власть правящей партии. Уже в августе 1921 г. историк С.Б. Веселовский фиксировал в дневнике: «Большевизм в полном разложении. <...> Везде встречаешь... ренегатов или просто плутов, которые с присущим вообще большевикам цинизмом открыто смеются сами над собой и над всей большевистской затеей...» [3, с. 113]. Жена наркома внешней торговли Л.Б. Красина писала, что после 1922 г. он не верил в эффективность воплощения крайней социалистической доктрины в таком политически отсталом обществе, как Россия [4, р. 207]. Скептиком в отношении перспектив мировой революции и критиком политики Коминтерна до конца своей карьеры оставался и нарком иностранных дел Г.В. Чичерин [5, с. 99–116].

Сохранявшие убеждения коммунисты старались разоблачать «примазывающихся» и публично негодовали в связи с обилием идеологических приспособленцев, особенно в партийной печати. Известный публицист А.К. Воронский, в середине 1920-х гг. своими заявлениями в инстанции активно разоблачавший Нарбута как бывшего сотрудника реакционных и бульварных изданий, порнографа и вообще «некоммунистического элемента», писал: «Ходят такие выжиги в звании критиков, рецензентов, ходят они и в звании художника. Такой “художник” клянется и в стихах, и в прозе священным именем коммунизма, хотя всем известно, что от коммунизма его только тошнит. Тиснув статейку, рассказик, стишок, он в минуты откровенности, промежду своих, сознается:

– Приняли и пропечатали, отпустил им полфунта Кремля – прошло.

Многие наивные люди принимают “полфунта Кремля” за “идеологическую выдержанность”... Юркий человек уже давным-давно получил соответственный гонорарик полистно и построчно, воспел героический октябрь, пропечатался в нескольких изданиях, заказал приятелю хвалебную рецензию, получил новый “социальный заказ”...» [6, с. 156–160].

Возможно, праведный гнев Воронского на изготовителей «полфунта Кремля» был адресован, в первую очередь, такому известному коллеге, как А.Г. Меньшой-Гай, дело которого в 1926 г. прогремело в партийных и журналистских кругах. На примере этого авторитетного публициста власть продемонстрировала и свою идейную принципиальность в отношении продажного коммуниста-литератора, и твердость в намерении требовать родства между словом и делом. Приближенный к партийным кругам писатель В. Серж вспоминал: «Дело Меньшого нас взволновало больше, потому что Меньшой был публицистом. Внешне – америка-

¹ ГА РФ. Ф. Р-374. Оп. 27. Д. 1426. Л. 106–108.

² Там же. Л. 105.

но-еврейский бизнесмен... всегда все знающий, занятый (разумеется!) лишь важными делами... Исключен, арестован, отправлен на Соловецкие острова – и вот о нем говорят с гневом, смешанным с брезгливостью. <...> Он отдал в едва терпимый литературный журнал («Новая Россия». – А.Т.) подписанные псевдонимами статьи, противоречащие линии партии. У него нашли заметки, составленные в омерзительных выражениях. Мне цитируют отрывки вроде следующего: «Получил восемьсот рублей за херовинку, которую я состряпал про Ленина. Взял двух бл[...]й, и мы знатно нажрались» [7, с. 241].

Незаслуженно ныне забытый Гай (Левин) Адольф Григорьевич (он же Левман Лев Самойлович) (1893–1938) родился в местечке Ивенец Минского уезда в семье еврея-приказчика. О себе Гай писал, что с 13 лет был атеистом, а членом большевистской партии являлся с октября 1918 г. Эмигрировав в США, он с марта 1913 по 1918 г. состоял в Соцпартии США, был членом ее городских комитетов в Бостоне, Филадельфии и Нью-Йорке. Шесть лет он проучился на журнально-газетном отделении университета в Нью-Йорке, курса не закончил и скромно писал в анкете про среднее образование. Свой профессиональный журналистский стаж Гай считал с 1911 г. С февраля 1917 по июнь 1918 г. он редактировал газету «Новый мир» (Нью-Йорк). Говорил на немецком, английском, датском и норвежском языках. С октября 1918 по апрель 1919 г. – заведующий редакцией в «Правде». С образованием Коминтерна Гай получил в этом центре мировой революции ответственную работу: с апреля 1919 г. по февраль 1920 г. являлся членом Исполкома Коминтерна и завотделом печати ИККИ. С февраля 1920 г. – секретарь консульства и консул в Ревеле и Христианиа (Норвегии). С февраля 1922 г. – консул, сотрудник полпредства СССР в Норвегии. В марте 1923 г. Гай заболел «острым нервным расстройством» и до октября 1923 г. лечился в Берлине. Затем был переведен в резерв назначения НКВД и, посвятив себя журналистике на родине, периодически выполнял важные дипломатические поручения. В анкете члена РКП(б) Гай сообщал, что его лично знают Ленин, Зиновьев, Бухарин, Радек, Троцкий³.

Бывший грозой для попутчиков, автор установочных идеологических брошюр [8, с. 14], позднее рассказывавший сокамернику, что писал газетные статьи за М.И. Калинина, А. Меньшой-Гай в годы Гражданской войны громил и заокеанских империалистов, и скандальных футуристов с имажинистами. В феврале 1919 г. он писал об имажинистах: «Кому нужны эти непростительно молодые крикуны, прежде *служившие* врагам нашим, а теперь *служащие* нам» [9, с. 227]. Окрик Меньшого-Гая в «Правде» так подействовал на поэта Р. Ивнева, что тот поспешил отмежеваться от имажинистов. Но резкий публицист сильно изменился с введением нэпа, став по сути сменовеховцем. В новую эпоху он печатался в различных журналах

(«Огонек», «Петроград», «Прожектор»), писал талантливо и независимо, радовался быстрому восстановлению страны. Гай демонстративно называл Петроград Петербургом, восхищался его культурностью и «аристократизмом духа», выступал против переименования традиционных названий улиц и площадей бывшей столицы в честь революционеров.

Отлично зная зарубежную жизнь, вряд ли коминтерновец Меньшой-Гай имел после 1920 г. какие-то иллюзии относительно мировой революции. Да и, судя по тесному сотрудничеству со сменовеховцами, относительно внутренней политики также испытывал большие сомнения. Меньшой-Гай желал писать о том, что его интересовало, и при этом материально преуспевать. Пренебрегая ограничениями партмаксимума, он старался зарабатывать везде. За публикацию в журнале «Новая Россия» статьи о проявлениях фашизма в СССР и подписанной псевдонимом «Старик», он, как двурушник, без ведома партии участвовавший во враждебной ВКП(б) печати, был исключен из коммунистических рядов. Дело его получило такой резонанс, что по региональным комитетам партии в 1926 г. было разослано подробное сообщение о двурушничестве Гая и следующее предупреждение: «ЦК считает необходимым сообщить эти сведения всем руководящим организациям, и особенно членам партии, работающим в печати с тем, чтобы предупредить возможность какого бы то ни было сокрытия от партии сотрудничества в частных изданиях, которые при НЭПе временно являются неизбежными...» [10, с. 114–116].

Сотрудничество с единственным разрешенным в Советской России сменовеховским журналом «Новая Россия» было для журналиста и идейной, и финансовой отдушиной. Но он не учел, что редактор журнала И.Г. Лежнев, который позволял себе смелые антибольшевистские выпады на страницах «России», печатал М. Булгакова и А. Ремизова, с какого-то момента стал агентом ОГПУ. Опасаясь разоблачения, в одном из писем к Лежневу Меньшой предупреждал его: «Зозуля пишет мне, что коммунистов жестоко преследуют за участие в частных журналах... .. Прошу вас вычеркнуть К. Спасского из публикуемого списка сотрудников, так как многие знают, что это мой псевдоним. Если вы хотите сохранить меня в списке, поставьте мой другой, никому не известный псевдоним В. Ярльсберг... .. и не говорите никому, что это Гай» [10, с. 113–118]. Письмо попало к властям и разоблало Гая, которого не только изгнали из партии, но и арестовали. Меньшой-Гай был сразу сломлен в тюрьме угрозами расстрела, подписал все обвинения в заговорщицкой работе и получил предельный по тем временам срок заключения – 10 лет в Соловецком концлагере, где, несмотря на слабое здоровье, использовался на лесозаготовках [11, с. 271–277, 345–348; 12, с. 124]. Вероятно, ему удалось добиться досрочного освобождения, но вернуться в столицу Гаю не разрешили, и он отбывал ссылку в Сибирь, работая журналистом в издательстве в Омске.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 85. Л. 134–141, 143.

Там он и был арестован 31 августа 1936 г. По обвинению в антисоветской агитации Особым совещанием при НКВД СССР 7 февраля 1937 г. Меньшой-Гай был осужден на 5 лет концлагеря и вскоре погиб в заключении. Реабилитировали его по этому делу только 14 декабря 1988 г.

Судьба пропагандиста И.Г. Лежнева была еще более авантюрной, чем Меньшого-Гая, но гораздо более удачной. Перейдя от меньшевиков к большевикам, он с 1918 г. служил в Красной Армии, сотрудничал в газетах и журналах «Вооруженный народ» (Всеобуча), «Красный офицер», «Известия ВЦИК» и др. А в 1922 г. основал сменовеховский журнал «Россия» (после скорого закрытия переименованный в «Новую Россию») и четыре года публиковал в нем весьма неортодоксальные произведения. В статье «Эмансипация Советов» он выдвинул лозунг внутреннего и постепенного завоевания Советов интеллигенцией, а в другой статье Лежнев заявил: «Независимость русской общественной мысли – старинная наша традиция. За эту традицию давайте постоим. Постоим действительно верой и правдой до конца»⁴. Лежнев был арестован 11 мая 1926 г. по обвинению в создании «антисоветской группировки» в журнале «Новая Россия» и после годичного заключения выслан за границу сроком на три года по решению Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 10 мая 1927 г.

Современные исследователи приоткрыли завесу тайны над этой политической интригой. Высылка, по мнению И. З. Белобровцевой, изучившей деятельность Лежнева в Эстонии, должна была дать отыгравшему свое в СССР агенту передышку и возможность восстановления своей репутации, неодинаковой в различных кругах [13, с. 333–335]. Арест Лежнева в 1926 г. мог носить провокационный характер, имея целью недопущение расшифровки сексота среди остальных «сменовеховцев», оказавшихся за решеткой в рамках организованного ОГПУ группового дела. А годичное содержание под стражей позволяло эффективно использовать этого общительного человека в качестве внутрикамерного агента-осведомителя. Лежнев жил в Эстонии и Германии, сотрудничал в советской прессе, а в 1933 г. получил разрешение вернуться в СССР. Он напечатал покаянные мемуары, за что был принят в партию и в 1935–1939 гг. заведовал отделом литературы и искусства в «Правде». О сотрудничестве Лежнева с ОГПУ дополнительно говорит и факт предания огласке письма к нему Меньшого (впрочем, письмо могло быть изъято и при аресте Лежнева).

Чекисты внимательно отслеживали отношение в литературных кругах к писателям, близким к власти. В июле 1926 г. руководство ОГПУ было проинформировано о распространении среди писателей и журналистов стихотворной сатиры на тогдашнего «главпоэта» Д. Бедного (не названного в чекистском сообщении при одновременной расшифровке – прямо в прилага-

емом ниже тексте – политических подтекстов, но легко угадываемого по ряду намеков). То, что адресатом ядовитого стиха являлся главный поэт власти, говорили не только фамилии высокопоставленных покровителей этого жителя Кремля (его неформальные отношения со Сталиным были хорошо известны) и указание на принадлежность к старшему поколению, но и слова о «сахарном щите», где был намек, возможно, не только на приторные комплименты большевистским порядкам, но и на диабет, которым страдал Д. Бедный.

«За последнее время по Москве среди издательских и литературных работников усиленно распространяется “Послание отцу”, приписываемое поэту Иосифу Уткину, произведение следующего содержания:

Остришь, от потуг багровея?
Но часто остроты твои
Бывают, отец, не острее,
Чем зад иоркширской свиньи.

Ты бьешь по врагу без урона,
Не блекнет твой сахарный щит,
Стальная твоя оборона /намек на т. Сталина/
Тебя от врагов защитит.

И будешь ты вечно прославлен,
Таская пустые дары
И к царским вратам Ярославля,
/намек на т. Ярославского/,
И к ханским шатрам Бухары.
/намек на т. Бухарина/

На нашем Парнасском базаре
Не первый такой Апполон.
Булгарин, блаженный Булгарин,
/намек на придворного поэта
при Алексан. [дре] I/
Ты вновь и опять повторен⁵.

В 1930-е гг. идеологический климат стал гораздо суровее, но до середины десятилетия видные партийные публицисты из рядов оппозиции постоянно намекали в статьях (а К.Б. Радек – и в анекдотах) на различные недозволенные темы. Выпады Л.Б. Каменева против «зоологических черт борьбы за власть» во вступительной статье к публикации трактата Н. Макиавелли «Государь» в 1934 г., нарочитое упоминание о методах деятельности иезуитов в одной из статей Н.И. Бухарина в «Известиях» (с его признанием младшему товарищу Владимиру Кузьмину: «Это я специально подпустил») [14, с. 76], пародийное сравнение Сталина с фельдмаршалом в бухаринской покаянной

⁵Центральный архив Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ). Ф. 2. Оп. 4. Д. 55. Л. 66. «Апполон» и именование Ф.В. Булгарина «придворным поэтом» эпохи Александра I наглядно отражают уровень присяжных комментаторов из «железных ворот ГПУ».

⁴ Советская Сибирь. 1923. 23 марта. С. 2.

речи на XVII партийном съезде, постоянные цинично-критические политические высказывания одного из ведущих правдинских журналистов М.Е. Кольцова, зафиксированные в дневнике беспартийного К.И. Чуковского [15, с. 366, 385, 438, 439, 441, 475, 531] – все это говорило о распространении двоемыслия среди лучших советских перьев даже в опаснейшие тридцатые годы.

Особенно власть была встревожена окружением Н.И. Бухарина, вокруг которого собралась целая группа антидогматической молодежи, позднее презрительно объявленная «бухаринской школкой». Эти руководящие партийные журналисты порой шли дальше своего сановного покровителя. Так, Я.Э. Стэн в апреле 1929 г. опубликовал в «Комсомольской правде» статью, где раскритиковал идеологическую трусость и слепое повиновение молодежных организаций воле партийной верхушки, что вызвало гнев Сталина [16, с. 251]. Другие его ученики могли отказываться от опального теоретика партии (как А.И. Стецкий или ставший агентом НКВД В.Н. Астров) либо критиковать Бухарина за его конформистскую позицию в 1930-е гг. (как публицист Владимир Кузьмин, который, попав в застенки, отказался от догм марксизма вообще). Если в 1932 г. он призывал коммунистов отстранить лидеров страны, доведших страну до голода, и выслать Сталина за границу⁶, то в середине 1930-х гг. в Ярославской тюрьме сочинил такой яростно-антимарксистский трактат, что его нарком внутренних дел приказал перепечатать и препроводил в начале 1937 г. лично Сталину. Вождь внимательно ознакомился со 120-страничной рукописью, отчеркнув самые резкие пассажи. Кузьмин не только разругал и Сталина с Бухариным, и всю «так называемую старую гвардию, которую он (Ленин – А.Т.) в минуты откровенности и раздражения называл “старыми дураками”»⁷. Он полностью отверг и старых богов: «Марксизм и его верный сын большевизм... по самому существу своему отвергает демократию для изложения любых точек зрения». Кузьмин восклицал: «Все более и более смешными становятся уверения марксистов, что марксизм есть “единственная, последняя, объективная истина” [17, с. 146]. Попытки марксистских попов создать “рай” на земле обнаружили его утопизм»⁸. С санкции Сталина в мае 1937 г. Кузьмина расстреляли.

В суровые 1930-е гг. к внутренней эволюции оказывались способны даже самые ортодоксальные прислужники режима. Летом 1937 г. Д. Бедный, в отчаянии от развернувшегося террора, написал для «Правды» насыщенную подтекстами небольшую поэму о жизни якобы в нацистской Германии, которую тут же расшифровали такие подозрительные читатели, как Л.З. Мехлис и И.В. Сталин. Главный редактор «Правды» Мехлис 19 июля 1937 г. написал Сталину, В.М. Молотову и Н.И. Ежову о своих сомнениях от-

носительно поэмы Бедного: «<...> И совсем странны строки заключительной части: «Родина моя, ты у распутья, Твое величие превращено в лоскутья». <...> Экземпляр этой поэмы прилагаю. Прошу указания» [18, с. 476]. Действительно, чрезвычайно двусмысленно выглядели такие, например, строки:

Фашистский рай. Какая тема!
Я прохожу среди фашистского эдема,
Где радость, солнце и цветы. <...>
А речи тайные послушать у народа –
Все получается как раз наоборот
Фашистский ад давно пора похерить!
Кому же верить?
Словечко вякнешь невпопад,
Тебе на хвост насыплют соли.
Фашистский рай – народный ад?
Так, что ли? [18, с. 478].

Известный своим цинизмом Д. Бедный совершил смелый поступок, вызвав сильный гнев самого Сталина, чье уничтожающее мнение о поэме и авторе было тут же передано стихотворцу [18, с. 477]. НКВД докладывал вождю, что поэт ведет антисоветские разговоры, критикует колхозы и аресты врагов народа. Верный себе, Сталин заставил Демьяна как следует помучиться – кара последовала год спустя. Д. Бедный решил, что остатки его авторитета первого поэта Октября позволяют ему рискнуть написать эзоповым языком протест против уничтожения революционеров. Это было смертельно опасным предприятием. Однако образ жизни Демьяна и его моральный облик были таковы [19, с. 192–230], что наказание поэта оказалось возможным без предъявления обвинений в антисоветской агитации. Репрессировать Бедного было политически невыгодно, поэтому – разумеется, по указанию Сталина – все ограничилось выбрасыванием отслужившего свое официальное стихотворца из общественной жизни за «аморалку». Возглавляемая Ежовым Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) 13 июля 1938 г. по заявлению видного публициста И. М. Гронского исключила Бедного из партии за скандалы, драки и избиение жены. На этом решении Ежов оставил резолюцию – «за»⁹. Таким образом, решение об исключении Демьяна Бедного из партии и Союза писателей формально выглядело вполне обоснованным. Только в годы войны Д. Бедному разрешили вернуться в литературу; в партии он был восстановлен посмертно.

Много и ортодоксально выступавший в печати Алексей Толстой был осторожнее, но о его проницательном понимании ситуации говорит запись в дневнике от 1930 г. с характеристикой эпохи, где появился термин «сталинизм»: «Новое устройство человеческого общества – в политическом, экономическом, социальном – сталинизм. Коллективизация – освобождение огромных запасов энергии (рабочих рук) на колонизацию севера, строительство дорог, разработку руд,

⁶ Архив УФСБ по Новосибирской обл. Д. ФП-9625. Т. 6. Л. 15.

⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 293. Л. 54–55.

⁸ Там же. Л. 53, 60.

⁹ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 84. Л. 78.

угля, торфа. [Это] новая военная система» [20, с. 15]. Но в знаменитом «Золотом ключике» (1938 г.) «советский граф» позволил себе, похоже, намек на положение так называемых «социально-вредных элементов», которых в те годы репрессировали сотнями тысяч, вложив в уста полицмейстера из Страны Дураков злободневную для эпохи террора формулу обвинения: «Ты – бездомный, беспаспортный, безработный!» Таких маргиналов-изгоев «милицейские» тройки во внесудебном порядке осудили по СССР за 1935–1938 гг. около 400 тыс., карая либо лагерными сроками за отсутствие документов или прописки, либо (в 1937–1938 гг.) даже расстреливая¹⁰.

Неверие многих пропагандистов в продиктованные сверху прописи не ограничивалось известными именами, а проявлялось повсюду. На районной учительской конференции в 1932 г. бывший редактор газеты Черниговского района Дальне-Восточного края Часовитин выступил с таким стихотворением: «Но рано хвалиться, нам нечем гордиться. Пока мы темны. Учением вороги наши сильны. Страны огромной, но темной трудны пути. К социализму не дойти». О Часовитине была помещена разоблачительная статья в краевой газете¹¹.

Таким образом, в пишущей партийной и околопартийной среде, включая журналистскую элиту, преобладали не столько убежденные идейные фанатики, сколько конформисты, «колебавшиеся вместе с генеральной линией», прекрасно понимавшие, что новая реальность требует безоговорочного подчинения и внешнего согласия играть по самым строгим правилам. Среди этих людей постоянно велись острые разговоры о власти, сочинялись эпиграммы и анекдоты, а в печать отправлялось как то, что удовлетворяло требованиям господствующей идеологии, так и вещи, нередко содержавшие острые намеки. Одни газетчики были в целом верны марксистской идеологии и критиковали порядки с целью их улучшения и соответствия идеалу, другие очевидным образом ориентировались на примат личных интересов и продолжительную маскировку под ортодоксальных коммунистов, третьи находили силы отказать от самих основ большевизма. Часть из вольномыслящих журналистов долгое время сохраняла свой привилегированный статус, другие подвергались репрессиям, особенно тогда, когда прыгали к оппозиции. Характерно, что резкое ужесточение политического режима в 1930-х гг. не остановило критиков. Даже реальная опасность физической ликвидации не всегда препятствовала полету иронической мысли тех, кто был правящей партией призван всегда быть только лишь верной идеологической услугой. Таким образом, среди пропагандистов советских порядков снизу доверху, на фоне пафоса провозглашаемых догм, нередко обнаруживалось внутреннее скрытое отторжение этих догм.

¹⁰ Шкуренок Н. Страна немых // Новая газета. 2008. 30 нояб. С. 12.

¹¹ ГА РФ. Ф. Р-374. Оп. 27. Д. 1976. Л. 77 об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М.: РОССПЭН, 2011. 375 с.
2. *Киянская О., Фельдман Д.* Советская карьера акмеиста: материалы к биографии Владимира Нарбута // *Вопр. литературы*. 2015. № 1. С. 41–98.
3. *Веселовский С.Б.* Дневники 1915–1923, 1944 годов // *Вопр. истории*. 2000. № 10. С. 113–140.
4. *Krasin Lubov.* Leonid Krasin: His Life and Work. L., [1929]. 248 p.
5. «Диктатура языкочешущих над работающими»: Последняя служебная записка Г.В. Чичерина // *Источник*. 1995. № 6. С. 99–116.
6. *Воронский А.* Пролазы и подхалимы // *Перевал: сборник*. М.; Л.: Круг. 1926. Сб. 4. С. 156–160.
7. *Серж В.* От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера / пер. с фр. Ю.В. Гусевой, В.А. Бабинцева. М.: Практис; Оренбург: Оренбургская книга, 2001. 696 с.
8. *Меньшой А.* О газетных кампаниях. Пенза, 1921. 48 с.
9. *Летопись жизни и творчества С.А. Есенина*. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Т. 2: 1917–1920. / сост. А.Н. Захаров и др. 760 с.
10. *Изнатенко А.* Неизвестные страницы башкирской прессы // *Бельские просторы*. 2004. № 1. С. 113–118.
11. *Солоневич Б.* Молодежь и ГПУ. София, 1937. 464 с.
12. *Киселев-Громов Н.И.* Лагеря смерти в СССР. Великая братская могила жертв коммунистического террора. Шанхай: Книгоиздательство Н.П. Малиновского, 1936. 206 с.
13. *Богомолов Н.А.* В книжном углу–6 // *Новое литературное обозрение*. 2012. № 113. С. 332–337.
14. *Тепляков А.Г.* Опричники Сталина. М.: Яуза; Эксмо, 2009. 432 с.
15. *Чуковский К.И.* Собрание сочинений: в 15 т. 2-е изд., электронное, испр. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2013. Т. 12: Дневник (1922–1935). 656 с.
16. *Сольский В.* «Снятие покровов». Воспоминания о советской литературе и Коммунистической партии в 1920-е годы. СПб.: Нестор, 2005. 191 с.
17. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 18. 1968. 526 с.
18. *Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956.* / под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. Л.В. Максименков. М.: МФД; Материк, 2005. 752 с.
19. *Иорданская М.К.* Новый table-talk / предисл., публ. и примеч. С. Шумихина // *Новое литературное обозрение*. 1994. № 9. С. 192–230.
20. *Перхин В.В.* Русская литературная критика 1930-х годов: Критика и общественное сознание эпохи. СПб.: Изд-во СПб ун-та, 1997. 306 с.

REFERENCES

1. *Fitzpatrick Sh.* Tear off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia. Moscow: ROSSPEN, 2011, 375 s. (In Russ.)
2. *Kiiankaia O., Feldman D.* Soviet career of an acmeist: materials for the biography of Volodymyr Narbut. *Voprosy literaturey*. 2015, no. 1, pp. 41–98. (In Russ.)
3. *Veselovskii S.B.* Diaries 1915–1923, 1944. *Voprosy istorii*. 2000, no. 10, pp. 113–140.
4. *Krasin Lubov.* Leonid Krasin: His Life and Work. Leningrad, [1929], 248 p. (In Russ.)
5. «The dictatorship of talkers over the workers»: Last official note by G.V. Chicherin. *Istochnik*. 1995, no. 6, pp. 99–116. (In Russ.)
6. *Voronskiy A.* Cunning and bootlickers. *Pereval: sbornik*. Moscow; Leningrad: Krug. 1926, sb. 4, pp. 156–160. (In Russ.)
7. *Serzh V.* From the revolution to totalitarianism: memoirs of a revolutionary / transl. from French/ Iu.V. Gusevoi, V.A. Babintseva. Moscow: Praktis; Orenburg: Orenburgskaia kniga, 2001, 696 pp. (In Russ.)

8. *Menshoi A.* About newspaper campaigns. Penza, 1921, 48 p. (In Russ.)
9. A chronicle of the life and work of S.A. Yesenin. Vol. 2: 1917–1920 / sost. A.N. Zakharov i dr. Moscow: IMLI RAN, 2005, 760 p. (In Russ.)
10. *Ignatenko A.* Unknown pages of the Bashkir press. *Belskie prostory*. 2004, no. 1, pp. 113–118. (In Russ.)
11. *Solonevich B.* Youth and GPU. Sofia, 1937, 464 p. (In Russ.)
12. *Kiselev-Gromov N.I.* The death camps in the USSR. The great mass grave of victims of Communist terror. Knigoizdatelstvo N.P. Malinovskogo. Shangkai, 1936, 206 p. (In Russ.)
13. *Bogomolov N.A.* In the book corner–6. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2012, no. 113, pp. 332–337. (In Russ.)
14. *Teplakov A.G.* The Guardsmen of Stalin. Moscow: Iauza; Eksmo, 2009, 432 p. (In Russ.)
15. *Chukovskii K.I.* Collected works in 15 vols. 2-e izd., elektronnoe, ispr. Moscow: Agentstvo FTM, Ltd, 2013. Vol. 12: Diary (1922 – 1935), 656 p. (In Russ.)
16. *Solskiy V.* «Taking cover». Memories of Soviet literature and Communist party in the 1920s. Saint Petersburg: Nestor, 2005, 191 p. (In Russ.)
17. *Lenin V.I.* Complete works. 5-e izd. Vol. 18, 1968, 526 p. (In Russ.)
18. Big censorship: Writers and journalists in the Soviet Union. 1917–1956. Ed. by A.N. Iakovleva; sost. L.V. Maksimenkov. M.: MFD: Materik, 2005, 752 p. (In Russ.)
19. *Iordanskaya M.K.* New table-talk / foreword, publ. and comment. by S. Shumikhina. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 1994, no. 9, pp. 192–230. (In Russ.)
20. *Perkhin V.V.* Russian literary criticism of the 1930-s: Criticism and social consciousness of the era. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1997, 306 p. (In Russ.)

*Статья принята
редакцией 18.04.2016*

DOI: 10.15372/HSS20160219
УДК 94(47)»1931/1932»

В.Б. ЛАПЕРДИН

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЦЕНТРА И РУКОВОДСТВА ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО КРАЙКОМА ПО ВОПРОСУ ХЛЕБОЗАГОТОВОК 1931/32 г.*

Лапердин Вячеслав Борисович,
канд. ист. наук, младший научный сотрудник,
Институт истории СО РАН,
630090, г. Новосибирск, ул. Академика Николаева, 8,
e-mail: laperdin2011@mail.ru

В статье анализируются отношения между руководством Западно-Сибирского крайкома и Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросу о хлебозаготовительной кампании 1931/32 г., рассматривается роль представителей регионального уровня власти в проводившейся сталинским правительством аграрной политике. Краевые власти корректировали поставленные перед ними задачи. Так, конечный хлебозаготовительный план дважды пересматривался в сторону уменьшения. Он стал результатом длительных переговоров между Центром и крайкомом и носил компромиссный характер. Значительную роль при этом сыграла позиция Р.И. Эйхе, добивавшегося более реалистичных заданий.

Ключевые слова: аграрная политика государства, крестьянство, хлебозаготовки, Западно-Сибирский крайком, Р.И. Эйхе.

V.B. LAPERDIN

RELATIONS BETWEEN THE CENTER AND WEST SIBERIAN KRAIKOM ON GRAIN PROCUREMENT IN 1931–1932

Laperdin V. Borisovich
Candidate of History Sciences, Junior Researcher
Institute of History SB RAS,
8, Nikilaev street, Novosibirsk, 630090, Russia,
e-mail: laperdin2011@mail.ru

The article analyzes relations between the leadership of West Siberian regional committee (Kraikom) and Politburo on the issues associated with the grain procurement campaign in 1931–1932. Such analysis will help to better understand the role of party regional representatives in Stalin's agricultural policy. While on the whole remaining supporters of changes that took place in the Soviet countryside, the regional authorities could also adjust their course. In terms of grain procurement it led to controversy with the Central Committee on timing and volume of harvested grain. The final plan for grain procurement campaign of 1931–1932 in West Siberia was a result of long negotiations between central and regional leaders. Unrealistic objectives set by Politburo, caused a negative response from the regional committee. R.I. Eikhe, First secretary of West Siberian regional committee, repeatedly appealed to the central government to reduce the plan. In August 1931 he proposed to reduce the grain procurement quota from 100 to 65 mln. puds, explaining this by drought and crop failure that struck the main grain-growing areas of the region. This argument was supported by disappointing messages about the scope of disaster. In addition, R.I. Eikhe received moral support from the heads of other regions, who also had to ask Politburo to reduce the grain procurement plan. The West Siberian regional committee serving its own interests took a defensive stance that fit into common actions of other regional party organizations. Politburo had to make concessions, reducing plan to the proposed 65 million puds. It is noted that the final plan was a result of compromise. Procurement organizations collected required amount of grain, but this was detrimental to the food, forage and seed funds of collective farms. It also impacted negatively on agricultural economy of region and material well-being of peasants.

Key words: agrarian policy of the state, peasantry, grain procurements, West Siberian regional committee, R. I. Eikhe.

Хлебозаготовительные кампании начала 1930-х гг. в сибирской деревни являлись одной из основ-

ных хозяйственных задач, стоявших перед партийными и советскими органами управления. Их напряженный характер, определявшийся сложными социально-экономическими условиями, стал причиной дискуссии между различными уровнями вла-

*Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 16-01-00067.

сти. Цель статьи – раскрыть отношения по вопросу хлебозаготовок между Западно-Сибирским крайкомом, сконцентрировавшим основные политические и хозяйственные функции в регионе, и Центром. При этом, говоря о крайкоме, основное внимание будет уделено действиям его первого секретаря Р.И. Эйхе. Под Центром подразумевается совокупность организаций союзного значения, задействованных в хлебозаготовительной кампании, в первую очередь Политбюро ЦК ВКП(б), устанавливавшего размеры заданий (планов) и сроки их выполнения. Решение данного вопроса поможет лучше понять роль представителей регионального уровня власти в проводившейся сталинским правительством аграрной политике.

В современной историографии уже предпринимались попытки аналогичных исследований. Так, В.В. Кондрашин говорил об ответственности руководства компартии Украины за развал сельскохозяйственного производства и возникновение голода в начале 1930-х гг. в СССР. Возлагая основную вину на Сталина, он отмечал, что украинские власти намеренно скрывали от Москвы реальное положение дел в республике с целью сохранить лицо и самостоятельно выправить ситуацию. Немалую роль сыграли при этом заверения генерального секретаря ЦК КП(б)У С.В. Кошиора о возможности выполнить хлебозаготовительный план [1, с. 237–256].

Между тем большинству представителей региональных властей была свойственна совсем иная позиция. Являясь проводниками «генеральной линии партии», они все же старались корректировать ее курс, в том числе в области поставок сельхозпродуктов, добиваясь снижения их объемов. Особенно активно в данном направлении вели себя первый секретарь Средне-Волжского крайкома ВКП(б) М.М. Хагаевич, первый секретарь Казахстанского крайкома Ф.И. Голощекин. Центр шел на уступки представителям региональных властей, если те доказывали необходимость уменьшения планов [2, с. 89]. Между тем позиция Западно-Сибирского крайкома по вопросу хлебозаготовок недостаточно освещена, хотя сами хлебозаготовки стали объектом ряда исследований [3, 4, 5].

Хлебозаготовительная кампания 1931/32 г. проходила в условиях, отличных от предыдущих лет. Доля коллективизированных хозяйств в Западной Сибири увеличилась с 20,9 % в июле 1930 г. до 52,5 % в июле 1931 г. В дальнейшем уровень коллективизации с незначительными колебаниями продолжал расти и летом 1932 г. составлял уже 61,2 % [6, с. 50]. В аграрном производстве стал доминировать социалистический сектор, ему же придавалось первоочередное значение при проведении заготовительных кампаний. Уверенность политического руководства страны в наличии хлебных запасов у крестьян, в больших производственных возможностях новообразованных сельскохозяйственных предприятий по сравнению с индивидуальными хозяйствами,

а также успехи на «хлебном фронте» в 1930/31 г., во многом объяснявшиеся хорошими погодными условиями и высоким урожаем, привели к увеличению норм изъятия зерна. В 1930/31 г. государству удалось собрать в Западной Сибири 81,3 млн пуд. хлеба [3, с. 17]. Это было достигнуто за счет сдачи части фуражных, семенных и продовольственных фондов колхозов. Тем не менее 25 июля 1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б) постановило заготовить в регионе 100 млн пуд. [7, с. 466]. Бюро Западно-Сибирского крайкома утвердило план на заседании 5 августа 1931 г.¹, хотя присутствовавшие понимали нереальность требований. Основной причиной этого была засуха, поразившая юго-западные районы региона. Всего от непогоды пострадало 55 районов, а недобор зерновой продукции составлял не менее 1245,5 тыс. т.² После заседания крайкома его глава Р.И. Эйхе писал в Центр о неурожае, вызванном засухой. Стихийное бедствие проявилось в той части края, где были сосредоточены основные посевные площади. Так, в 40 районах с урожайностью до 4,5 ц оказалось расположено 48,5 % всех посевов. Ввиду этого первый секретарь крайкома просил снизить заготовительные задания до 65 млн. пуд. В своих расчетах он отталкивался от данных о плане за неурожайный 1929 г. К нему следовало прибавить 10 млн пуд., распределенных по совхозам. В противном случае, «оставление Запсибкраю плана хлебозаготовок в размере 100 млн пуд. не только не увеличит количество хлеба, которое Наркомснаб предполагает получить из Сибири в нынешнем году <...> но дезорганизует хлебозаготовки, вызовет политические осложнения в деревне и резкое сокращение посевной площади в будущем году»³. Иными словами, Р.И. Эйхе не хотел допустить в Западной Сибири ситуации, возникшей в это же время по вине украинского руководства в СССР. Политбюро ЦК ВКП(б) крайне негативно воспринимало предложения о снижении заготовительных планов. Согласно постановлению Наркомата снабжения СССР от 8 апреля 1931 г. республиканские, краевые и областные организации могли предлагать изменения только по отдельным секторам, а не относительно всего задания [7, с. 445–449]. Постановка вопроса о снижении задания означала на практике предложение более реальных и сбалансированных планов, а значит, и корректировку всей заготовительной политики. Центр не хотел идти на изменение своего курса и сопротивлялся давлению региональных партийных организаций, поэтому просьба Р.И. Эйхе не была удовлетворена сразу.

Во время своего визита в Москву в августе 1931 г. Р.И. Эйхе просил Л.М. Кагановича обсудить данный вопрос на Политбюро ЦК ВКП(б). Тот держал связь с находившемся в это время в отпуске

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П–3. Оп. 2. Д. 150. Л. 22.

² Там же. Д. 352. Л. 132.

³ Там же. Оп. 1. Д. 412 б. Л. 29.

И.В. Сталиным и доложил генеральному секретарю о предложении главы Западно-Сибирского крайкома. Утвержденные планы были не выполнимы не только в Западной Сибири, но и в других областях страны. Сразу после их получения республиканские и краевые парторганизации поставили вопрос перед центральными органами о снижении хлебозаготовительных заданий. В августе 1931 г. с такими просьбами обратились Уральский обком, а также власти Башкирской и Татарской ССР. На этом фоне предложение Р.И. Эйхе не выглядело вызывающим. И все же уменьшение плана на 35 % показалось Сталину чрезмерным. Он пошел на уступки и в своей ответной телеграмме Л.М. Кагановичу предложил установить для Западной Сибири 85 млн пуд., что было оформлено Политбюро 25 августа 1931 г. [8, с. 99–100].

Распределив новый план по районам края, сибирская парторганизация принялась за его выполнение. В августе был заготовлен 31 % от запланированного в этом месяце, в сентябре – 41,9⁴, в октябре – 62 %⁵. Взятые крайкомом темпы не реализовывались даже в условиях жесточайшего нажима со стороны властей на деревню. Всего с июля по конец октября 1931 г. заготовительные организации собрали 561,9 тыс т, или около 40 % установленного для Западной Сибири плана. Выполнить его в полном объеме оказалось невозможным по причине неурожая.

Крайком был ограничен в своих возможностях повлиять на решение Центра об уменьшении полученного задания. Р.И. Эйхе, будучи вынужден принять его, тем не менее, в достаточно осторожной форме ставил Сталина перед тем фактом, что план неминуемо подорвет производственные силы деревни, и при его выполнении невозможно будет создать кормовые фонды и выдать колхозникам необходимое количество хлеба на заработанные трудодни⁶. По всей видимости, он боялся быть обвиненным в неспособности занимать руководящую должность. Поэтому не хотел открыто выступать за дальнейшее снижение плана и выжидал наступления удобного момента для новой просьбы об его уменьшении.

Благоприятная для него ситуация сложилась на проходившем 30–31 октября 1931 г. в Москве пленуме ЦК ВКП(б), на котором остро стояли вопросы текущей хлебозаготовительной кампании. Здесь столкнулись две позиции – с одной стороны, отстаивавшего уже установленные планы Политбюро, а с другой – региональных представителей, просивших об их снижении. Среди прочих с докладом выступил Р.И. Эйхе, описавший сложившуюся в Западной Сибири обстановку. Имея моральную поддержку со стороны руководителей краевых парторганизаций, столкнувшихся с аналогичной проблемой невыполнимости планов, Р.И. Эйхе было легче защищать свою точку зрения. Политбюро пришлось пойти навстречу

регионам, в том числе Западной Сибири, и уменьшить хлебозаготовительные задания. Новое задание для Западной Сибири составляло 65 млн пуд. [7, с. 535]. Таким образом, Р.И. Эйхе удалось отстоять перед Центром предлагавшиеся еще летом контрольные цифры. Решение пленума ЦК ВКП(б) было окончательно оформлено Наркоматом снабжения СССР 15 ноября 1931 г. [7, с. 544–546].

Двойное снижение плана стало возможным не только благодаря стараниям первого секретаря Западно-Сибирского крайкома, но и информации об объемах поступавшего в распоряжение государства зерна, которую представлял Союзхлеб. Он оказался ниже ожидаемого, даже несмотря на давление Политбюро. Это также стало причиной, по которой Сталин дважды пошел на уменьшение задания. Кроме того, в Центре имелись и иные источники информации, помимо крайкома и заготовительных организаций. Органы госбезопасности старательно собирали и поставляли сведения о положении в крае. Полномочный представитель ОГПУ по Западно-Сибирскому краю Л.М. Заковский еще в августе 1931 г. в спецсводке, адресованной в Москву, описывал состояние посевов после засухи: «в результате неблагоприятных метеорологических условий в основных районах зерновой полосы края ранние посевы в значительной части засохли на корню, а поздние совсем не взошли» [7, с. 469]. Впоследствии он сообщал о ходе хлебозаготовительной кампании и антигосударственных выступлениях крестьян. Вместе с тем в своих сообщениях Л.М. Заковский не пытался поставить под сомнение размеры плана, так как это не входило в его функции.

Далеко не всегда апелляции к общесоюзным организациям находили поддержку Западно-Сибирского крайкома. В октябре 1931 г. свиноводческий трест попытался обратиться в Народный комиссариат земледелия СССР за финансовой помощью неурожайным совхозам, для чего стал собирать сведения о площадях погибших посевов и урожайности⁷. Вероятно, краевому руководству это не понравилось по ряду причин. Во-первых, подобные действия тормозили заготовку зерна по совхозам треста. Их директора, рассчитывая на снижение задания, могли придержать хлеб. Подобные случаи неоднократно происходили и жестко пресекались. Во-вторых, создавался прецедент, когда краевые организации в обход руководства крайкома обращались за помощью к Центру. Формально они имели на это право, однако в вопросах, ставящих под сомнение авторитет крайкома, партийно-политическая верхушка не могла допустить волеизъявления хозяйственников.

Позиция Р.И. Эйхе определялась не только имевшейся у него информацией о последствиях неурожая, но и воздействием представителей районных властей. Хотя они находились ниже первого секретаря крайкома по служебному положению и должны

⁴ Там же. Оп. 2. Д. 150. Л. 43–44.

⁵ Там же. Оп. 1. Д. 158. Л. 126.

⁶ Там же. Оп. 2. Д. 150. Л. 61–65.

⁷ Там же. Д. 158. Л. 135.

были ему подчиняться, тем не менее, на местах спущенные сверху директивы зачастую не исполнялись. Это было вызвано как своеволием районных руководителей, чувствовавших себя хозяевами на вверенной им территории, так и самими директивами, зачастую невыполнимыми. Бюро Сузунского райкома в течение сентября 1931 г. пыталось отстоять уменьшенный план в 2000 т., распределив его по району. И только после приезда члена краевого комитета ВКП(б) было утверждено ранее установленное хлебозаготовительное задание в 3000 т.⁸ Аналогично поступили работники Седельниковского района, самостоятельно снизившие задание с 4500 до 1200 т.⁹ Такие случаи были не единичны. И все же большинство райкомов принимали спущенные сверху планы сразу после их получения. Однако они тут же просили вышестоящие инстанции снизить заготовительные задания, при этом зачастую повторяя аргументацию главы крайкома перед Политбюро ЦК ВКП(б). Краевые власти не могли удовлетворить все требования районных представителей и пытались стимулировать их работу за счет административных мер. Различного рода предупреждения, выговоры, снятия с работы и судебные преследования были в порядке вещей. 21 октября 1931 г. бюро Западно-Сибирского крайкома объявило выговоры сразу пяти райкомам и четырем МТС, кроме того, предупредило о грозящих взысканиях еще шесть райкомов и столько же МТС, а также сняло с должности директора Комарихинской МТС Покровского района¹⁰. Аналогичные постановления практиковались неоднократно, повторялись с различными формулировками в отношении многих районов края. 22 октября 1931 г. было снято с работы все руководство Кочковского района, а прокуратуре поручалось организовать следствие о срыве хлебозаготовок¹¹. Административные меры заставляли районных работников стимулировать ход хлебозаготовок на местах. Однако они не решали основной проблемы – нереальности планов, что понимали как низовые, так и краевые работники. Это и побуждало Р.И. Эйхе вновь и вновь ставить вопрос перед Центром о снижении задания для Западной Сибири.

Собрать установленные по итогам октябрьского пленума ЦК ВКП(б) 65 млн пуд. удалось только в начале следующего года. 22 января 1932 г. бюро Западно-Сибирского крайкома объявило о выполнении заготовительного плана (без учета гарнца)¹². При этом единоличные хозяйства сдали только 69,8 % требуемого зерна. Недостающий хлеб удалось покрыть за счет перевыполнения плана по колхозам. Отставал от намеченных темпов и сбор гарнца (к 10 января собрано всего 48,5 % вместо 65 %, утвержденных ранее). И все же краевое руководство могло отчитаться

перед Центром об успешном завершении хлебозаготовительной кампании, хотя зерно продолжало поступать на приемные пункты в соответствии с постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 января 1932 г. о сверхплановых хлебозаготовках [9, с. 253].

Таким образом, конечный план хлебозаготовительной кампании 1931/32 г. в Западной Сибири был результатом длительных переговоров между Центром и краевым руководством. Непомерно раздутые задания, спущенные в крайком из Политбюро, вызвали негативную реакцию. Р.И. Эйхе, зная производственные возможности сибирской деревни и специфику предстоящей кампании, проходившей в условиях засухи и неурожая, поразивших западную часть региона, выдвинул свой вариант плана, снизив его со 100 до 65 млн пуд. Необходимость принятия предложения первого секретаря крайкома подкреплялась поступающими из различных источников неутешительными сведениями о ходе хлебозаготовок и размерах стихийного бедствия. Кроме того, у Р.И. Эйхе была моральная поддержка со стороны глав других регионов, также вынужденных просить у Политбюро снижения размеров заготовительного плана. «Защитная» позиция бюро Западно-Сибирского крайкома, отстаивавшего собственные интересы перед Центром, вписывалась в общие действия других краевых парторганизаций. Политбюро пришлось пойти на уступки, дважды снизив план и доведя его до предложенных Р.И. Эйхе 65 млн пуд. Следует отметить, что конечный план носил компромиссный характер. Заготовительные организации собрали нужное количество хлеба, но при этом пришлось затронуть продовольственные, фуражные и семенные фонды колхозов, что крайне негативно отразилось на аграрной экономике региона и материальном состоянии крестьян.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кондрашин В.В. И.В. Сталин и голод 1932–1933 гг. в УССР: проблема ответственности Центра и республиканского руководства // Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в УССР. М., 2011. С. 237–256.
2. Кондрашин В.В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929–1933 гг.). М.: РОССПЭН, 2014. С. 350.
3. Политика раскрестьянивания в Сибири. Новосибирск, 2002. Вып. 2: Формы и методы централизованных хлебозаготовок. 1930–1941 гг. 253 с.
4. Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930–е гг. Новосибирск, 2011. 608 с.
5. Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы. Новосибирск, 2012. 408 с.
6. Гуцин Н.Я. Рабочий класс Сибири в борьбе за создание колхозного строя. Новосибирск, 1965. С. 154.
7. Голод в СССР. 1929–1934: 3 т. М., 2011. Т. 1: 1929 – июль 1932: 2 кн. Кн. 1. С. 656.
8. Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода: Сельское хозяйство СССР, 1931–1933. М., РОССПЭН, 2011. С. 539.
9. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы: в 5 т. М., 2001. Т. 3: Конец 1930–1933. С. 1008.

⁸ Там же. Оп. 1. Д. 197. Л. 19.

⁹ Там же. Оп. 2. Д. 150. Л. 62.

¹⁰ Там же. Л. 71.

¹¹ Там же. Оп. 1. Д. 201. Л. 9–10.

¹² Там же. Д. 263. Л. 12.

REFERENCES

1. *Kondrashin V.V.* J.V. Stalin and the famine of 1932-1933 in the UkSSR: the problem of responsibility of the Centre and the Republican leadership. *Sovremennaya rossiysko-ukrainskaya istoriografiya goloda 1932–1933 gg. v UkSSR* Moscow, 2011, pp. 237–256. (In Russ.)
2. *Kondrashin V.V.* Grain procurement policy in the years of the first five-year plan and its results (1929-1933). Moscow, 2014, 350 p. (In Russ.)
3. Policy of depeasantization in Siberia. Ed. 2: Forms and methods of centralized grain procurement. 1930-1941. Novosibirsk, 2002, 253 p. (In Russ.)
4. The agrarian policy of the Soviet state and agriculture in Siberia in the 1930s. Novosibirsk, 2011, 608 p. (In Russ.)
5. Agriculture of Siberia in the XX century: problems of development and crisis. Novosibirsk, 2012, 408 p. (In Russ.)
6. *Gushchin N.Y.* The working class of Siberia, the struggle for the creation of the collective farm system. Novosibirsk, 1965, 154 p. (In Russ.)
7. Famine in the USSR. 1929-1934. Moscow, 2011, vol. 1: 1929 – July 1932: bk. 1. 656 p. (In Russ.)
8. *Davies R.W., Wheatcroft S.G.* The Years of Hunger: Soviet Agriculture, 1931–1933, Moscow, 2011, 539 p. (In Russ.)
9. The tragedy of the Russian village. Collectivization and dekulakization. Document and materials: 5 vol. Moscow, 2001, Vol. 3: End of 1930-1933, 1008 p. (In Russ.)

*Статья принята
редакцией 14.04.2016*

DOI: 10.15372/HSS20160220
УДК 94(47).084.5/084.6

А. А. ПЛЯСУЛЯ

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ЗЕРНОВЫХ СОВХОЗОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В СЕРЕДИНЕ 1930-х гг.*

Антон Александрович Плясуля,
аспирант,
Институт истории ИИ СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,
e-mail: anto252@rambler.ru; antonplyasulya1991@gmail.ru

В статье предпринята попытка реконструировать процесс реорганизации зерновых совхозов Западной Сибири в 1932 – 1937 гг., которая является недостаточно изученной темой в отечественной историографии. Показано, что оптимизация зерносовхозов в годы второй пятилетки была направлена на то, чтобы, с одной стороны, усовершенствовать систему оперативного управления совхозами, с другой – повысить эффективность их экономической деятельности. В ходе исследования выявлено, что реорганизация проводилась как минимум тремя методами: разукрупнение существующих совхозов, перепрофилирование части зерновых совхозов или расширение их специализации, передача части совхозных земель колхозам. Одновременно с процессом реорганизации происходили перманентные изменения системы управления государственным сектором аграрной экономики.

Ключевые слова: аграрная политика советского государства, коллективизация, совхозы, сельское хозяйство, зерновое производство, Сибирь.

A. A. PLYASULYA

REORGANIZATION OF GRAIN STATE FARMS OF WESTERN SIBERIA IN THE MID-1930s

Anton A. Piasulya,
postgraduate,
Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russia,
e-mail: anto252@rambler.ru; antonplyasulya1991@gmail.ru

In the late 1920s - early 1930s the state farms played the most important role in modernization of agricultural sector of the Soviet economy. The government relied on organizing the large specialized farms. Since 1928 the construction of grain state farms became a priority as the latter were intended to become a major force in grain production and delivery and to demonstrate the advantages of large socialized production to the peasants. Until 1931 the number of grain farms increased due to the construction of new farms, however they didn't meet the Soviet government's expectations. The state made significant investments in material, technical and financial supply of state farms, but their level of production and profitability remained unsatisfactory. Poor organization of labor was one of the sources of the crisis in grain-producing state farms. It was the main reason for failure to implement the plan for grain delivery by the state farms during 1930 – 1932. Moreover, agronomic standards often were violated. Irrational use of agricultural machinery had a negative impact on harvesting. Efficient management of state farms was often hampered by their extremely huge size. The need for restructuring grain-producing state farms became increasingly apparent. Further policy of the state pertaining to sovkhoses was to optimize and increase the effectiveness of the existing farms instead of establishing new ones. Reorganization of state farms led to their downsizing and conversion. It was intended to increase significantly the manageability of farms and positively affect their production results. Since 1935 transfer of state farms' lands to the collective farms had been widely practiced. In conjunction with the reorganizations the system of public sector management in agriculture underwent permanent changes.

Key words: agrarian policy of the Soviet state, collectivization, state farms, agriculture, grain production, Siberia.

*Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-01-00067.

Реорганизация совхозов Западной Сибири в середине 1930-х гг. – одна из недостаточно изученных страниц аграрной истории СССР. В советской историографии данная проблема не стала предметом специального исследования и рассматривалась кратко, в контексте общих вопросов совхозного строительства [2; 5; 6]. В постсоветский период изучение развития государственного сектора аграрной экономики в СССР было фактически свернуто. В то же время совхозное строительство представляет собой один из важнейших аспектов проблемы социалистической модернизации сельского хозяйства. Реорганизация является центральным звеном проводимого в середине 1930-х гг. организационно-хозяйственного укрепления государственных сельхозпредприятий. Оптимизация структуры в первую очередь проводилась в отношении зерновых совхозов. Выбор Западной Сибири в качестве территориальных рамок исследования определяется тем, что регион являлся одним из ведущих зернопроизводящих районов страны, в котором проблемы и противоречия развития зерновых совхозов проявились наиболее рельефно. Целью настоящей статьи является конкретно-историческое рассмотрение хода и итогов процесса реорганизации зерновых совхозов Западной Сибири в середине 1930-х гг.

С момента прихода к власти в 1917 г. большевики стремились к организации в деревне крупных коллективных хозяйств, а также совхозов («крупных социалистических экономий»). При этом совхозы признавались совершенным («последовательно-социалистическим») типом сельхозпредприятия. В Сибири первые совхозы были созданы в 1918 г. Совхозное строительство в регионе возобновилось после восстановления в Сибири советской власти в 1920 – начале 1921 г. В конце 1920-х гг. совхозное строительство активизировалось. Ставка была сделана на организацию крупных специализированных совхозов. Им отводилась важная роль в преобразовании аграрного сектора экономики.

На июльском (1928 г.) пленуме ЦК ВКП(б) было признано необходимым расширение строительства прежде всего зерновых совхозов с тем, чтобы к концу первой пятилетки они могли произвести 100 млн пуд. хлеба и заменить собой кулаков в производстве зерна [6, с. 354]. 1 августа 1928 г. принимается постановление ЦИК и СНК СССР «Об организации крупных зерновых советских хозяйств»¹. Зерносовхозы должны были превратиться «в образцовые крупные хозяйства социалистического типа», результатами своего труда на деле доказывая крестьянам близлежащих селений преимущества крупного общественного производства.

В соответствии с партийно-правительственными решениями в 1929 г. на целинных и залежных землях Западной Сибири было организовано 6 крупных зерносовхозов, которые входили во Всесоюзный «Зернотрест» и находились в оперативном подчинении

уполномоченного треста по краю. В 1930 г. в регионе было создано еще 7 хозяйств. К концу 1931 г. их число выросло до 19 [4, с. 380–381]. Общая земельная площадь совхозов увеличилась с 649 тыс. га в 1929 г. до 1952 тыс. га в 1931 г., площадь посева – с 137 тыс. га в 1930 г. до 492 тыс. га в 1931 г. Им передавались не только свободные сельхозугодья из государственного земельного фонда, но и прирезались земли соседних колхозов. Вклад совхозного сектора аграрной экономики в валовое производство зерновых постоянно возрастал. В 1929 – 1932 гг. доля совхозов в общей посевной площади в Западной Сибири увеличилась с 1,7 до 17,8 %, в СССР – с 1,9 до 10 %². В 1929/30 г. совхозы Западной Сибири сдали государству 6,1 тыс. т хлеба, в 1930/31 г. – 68,7, в 1931/32 г. – 81,8 тыс. т [9, с. 246].

Однако совхозы не оправдали возложенных на них ожиданий. Производительность труда в них была относительно низкой. В хозяйствах не соблюдались элементарные агротехнические правила, что негативно сказывалось на урожайности зерновых и их валовом сборе. Имело место нерациональное использование техники при уборке урожая. В 1930/31 г. совхозы Западно-Сибирского края выполнили годовой план хлебосдачи лишь на 60 %. При этом 1930 г. был высокоурожайным. В неурожайный 1931 г. ситуация ухудшилась. Несмотря на почти четырехкратное увеличение посевных площадей, хлебосдача совхозов края выросла лишь на 19 %. Первоначальный план хлебозаготовок был выполнен на 61,5 % [1, с. 68, 70; 9, с. 17, 246].

При этом себестоимость производства зерна в совхозах была на порядок выше, чем в колхозах. Государство тратило значительные средства на материально-техническое и финансовое обеспечение совхозов. Их работники, в отличие от колхозников, получали гарантированную заработную плату. В материалах созданной в 1931 г. специальной комиссии по проверке хозяйственной деятельности совхозов констатировалось, что они «фактически повисли на шее у государства» [7, с. 100]. Выводы комиссии послужили причиной для свертывания программы нового совхозного строительства. Постановлением Коллегии Западно-Сибирского земельного управления от 25 января 1932 г. был введен запрет на передачу колхозных земель совхозам³.

Одной из основных причин невыполнения зерносовхозами совхозами плана хлебосдачи являлась неудовлетворительная организация труда. Управление совхозами затрудняли их гигантские размеры. Зерносовхозы были очень крупными сельхозпредприятиями. В среднем на одно хозяйство Западной Сибири в 1931 г. приходилось по 100 тыс. га сельхозугодий и 26 тыс. га посева. Некоторые хозяйства располагались на территории 4 - 5 административных районов.

² Сельское хозяйство СССР. Ежегодник. 1935. М., 1936. С. 246–247, 249, 256–257, 259, 730–731, 736–737.

³ ГАНО. Ф. Р-366. Оп. 1. Д. 192. Л. 140.

¹ СЗ СССР. 1928. № 48. Ст. 421.

Так, Мамонтовский зерносовхоз имел 206,3 тыс. га земельной площади, Чарышский – 134,8 тыс., зерносовхоз им. Калмановича – 213,2 тыс. га⁴. Возможностей для рационального использования земли хозяйства таких размеров не имели. Значительные массивы сельхозугодий, передаваемых совхозам, были не пригодны для интенсивного выращивания товарных зерновых культур. В связи с этим основной упор в совхозном строительстве был перенесен с организации новых хозяйств на рационализацию и оптимизацию их структуры.

С 1932 г. началась кампания по разукрупнению совхозов, которая должна была существенно повысить их управляемость и позитивно сказаться на производственных результатах. 21 января 1932 г. Коллегия Наркомата земледелия СССР постановила, чтобы первые разукрупненные зерновые совхозы с новыми директорами и управляющими отделений начали функционировать не позднее 30 января⁵. Порядок разукрупнения совхозов был установлен следующий: проект разделения совхоза разрабатывался в конкретном совхозе, затем после согласия регионального зернотреста и специальной комиссии Зерносовхозобъединения организация и разукрупнение каждого совхоза утверждались Зерносовхозобъединением и санкционировались Наркомземом СССР [3, с. 2]. Реорганизация зерновых совхозов предполагала не только их разукрупнение, но и исключение из территории совхозов земель, мало или совсем не пригодных для крупного механизированного зернового хозяйства, точное установление количества, границ и размеров отделений в совхозе. На 1 октября 1931 г. на территории Западной Сибири насчитывалось 24 зерносовхоза, из которых 5 были ликвидированы к январю 1932 г.⁶ Разукрупнению подлежали Алейский, Коченевский, Крутойский, Новоуральский Шипуновский совхозы⁷. После реорганизации в крае функционировало 29 государственных зерновых сельхозпредприятий.

В конце 1932 г. изменилась система управления совхозами. 1 октября 1932 г. ЦИК СССР принял постановление о передаче ранее подчиненных Наркомату земледелия СССР совхозных трестов, в том числе Западно-Сибирского зернотреста, под управление созданного тем же постановлением Наркомата зерновых и животноводческих совхозов СССР⁸.

Важное внимание в рамках работы по оптимизации структуры государственного сектора экономики уделялось отраслевому перепрофилированию хозяйств. Еще в 1931 г. девять зерновых совхозов Западной Сибири передали в распоряжение объединений «Скотовод» и «Овцевод» [4, с. 380]. В 1933 г. изменили специализацию и перешли в ведение других трестов еще несколько хозяйств. Так, Черлакский

и Алабати́нский совхозы передали Западно-Сибирскому овцеводтресту, а Нивинский – Омскому союзному маслотресту⁹.

Смена специализации отчасти была связана с необходимостью расширения производства животноводческой продукции, существенно сократившейся в первые годы коллективизации. Кроме того, сельхозугодья данных совхозов более подходили для ведения животноводства, недостаточным для выращивания зерновых являлось количество атмосферных осадков, хозяйства были значительно удалены от линии железных дорог, что существенно затрудняло доставку хлеба в потребительские районы.

Так, комиссия по обследованию совхозов Западной Сибири еще в ноябре 1932 г. выявила, что при организации Алабати́нского зерносовхоза допустили грубую ошибку в выборе его местоположения, не были учтены климатические, почвенные и биологические условия. Комиссия предложила передать хозяйство в распоряжение Западно-Сибирского овцеводтреста. Сельхозугодья Черлакского зерносовхоза, который тоже передали овцеводтресту, состояли преимущественно из почв с бедным содержанием чернозема. Фактически только 7 % принадлежащей хозяйству земли было пригодным для посева зерновых культур. За 1929 – 1932 гг. на территории совхоза выпало осадков от 180 до 210 мм в год, при оптимальной для выращивания зерновых культур годовой норме 280 мм. Подземные воды на территории хозяйства находились очень глубоко. В итоге урожайность в данном совхозе была крайне низкой: 4 ц/га – в 1930 г., 0,5 ц – в 1931 г. и 3,2 ц/га – в 1932 г.¹⁰

К концу 1933 г. в Западной Сибири насчитывался 21 зерносовхоз. Средняя обеспеченность сельхозугодьями хозяйств сократилась со 103 тыс. га в 1931 г. до 63 тыс. га в 1933 г.¹¹ Однако и эта площадь была чрезмерной. Крупными оставались зерносовхозы и в других регионах страны. Исходя из необходимости их дальнейшей рационализации, 22 декабря 1933 г. СНК СССР принял постановление «О разукрупнении зерновых совхозов»¹². В нем, в частности, предлагалось довести их средние размеры до 20–25 тыс. га «пахотоспособных земель», а для хозяйств «с значительным пропашным клином» – до 15 тыс. га. Уборочная площадь отделений совхозов определялась в 2–2,5 тыс. га. Границы отдельных сельхозпредприятий следовало «установить, исходя из наибольших удобств управления и связи и избегая объединения в один совхоз отдаленных и разбросанных земельных массивов»¹³.

В 1934 г. в соответствии с директивой советского правительства в Западно-Сибирском крае на базе 10 крупных зерносовхозов создали 22 хозяйства, 2 –

⁴ Сельскохозяйственный бюллетень. 1932. № 6. С. 24–25.

⁵ ГАНО. Ф. Р-366. Оп. 1. Д. 192. Л. 150–151.

⁶ Там же. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 308. Л. 2; Ф. Р-366. Оп. 2. Д. 4. Л. 1.

⁷ Сельскохозяйственный бюллетень. 1932. № 6. С. 24–27;

ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 290. Л. 168–169.

⁸ СЗ СССР. 1932. № 71. Ст. 435.

⁹ ГАНО. Ф. Р-366. Оп. 1. Предисловие. С. 9.

¹⁰ Там же. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 308. Л. 196, 198–199.

¹¹ Сельское хозяйство СССР... С. 731.

¹² СЗ СССР. 1933. № 74. Ст. 453.

¹³ Там же.

перепрофилировали на овцеводство [4, с. 412]. Средняя обеспеченность зерновых совхозов сельхозугодьями уменьшилась до 37 тыс. га¹⁴. В 1935 – 1937 гг. размеры хозяйств продолжали сокращаться. На территории Новосибирской области на один зерносовхоз в 1934 г. в среднем приходилось 28 тыс. га земельного фонда, в 1937 г. – 24 тыс.¹⁵ Сокращение совхозного землепользования произошло в связи с передачей части сельхозугодий колхозам. В постановлении СНК СССР от 22 декабря 1933 г. «О разукрупнении зерновых совхозов» содержалось следующее положение: «В тех случаях, когда при определении границ новых совхозов выяснится, что отдельные участки или клинья расположены неудобно для обработки и обслуживания данным совхозом, считать возможным в каждом отдельном случае по постановлению Народного комиссариата зерновых и животноводческих совхозов передавать такие земли колхозам»¹⁶.

По подсчетам И. Е. Зеленина, всего в СССР с июля 1935 г. по февраль 1937 г. было принято 46 постановлений об отрезке земель от совхозов с передачей для колхозов [6, с. 65]. Так, например, летом 1935 г. Омский обком и облисполком ходатайствовали перед ЦК ВКП(б) и СНК СССР об отрезке от совхозов и передаче колхозам 367,1 тыс. га [6, с. 65]. 26 февраля 1937 г. СНК СССР принял постановление «Об отрезке земель от совхозов, хозяйств ОРСов и подсобных хозяйств разных организаций Омской области и об увеличении за этот счет земель колхозов». Передаче колхозам подлежало 542,4 тыс. га [10, с. 154-155].

Поскольку, по мнению экспертов, узкая специализация совхозов препятствовала достижению рентабельности хозяйства, в них начали внедряться дополнительные отрасли. В вышеупомянутом постановлении СНК СССР было признано, что «для дальнейшего повышения товарности зерновых совхозов, лучшего использования отходов зернового хозяйства, а также сенокосных и пастбищных угодий» необходимо «развернуть в зерновых совхозах в качестве подсобной товарной отрасли овцеводство, разведение крупного рогатого скота, свиноводство и птицеводство»¹⁷. Западносибирские зерносовхозы занимались разведением крупного рогатого скота и овец.

В 1934 – 1937 гг. происходили перманентные изменения в системе управления совхозами. В начале января 1934 г. Западно-Сибирский краевой зернотрест был разукрупнен на два самостоятельных треста: Новосибирский и Омский. В конце года в введении Новосибирского треста находилось 22 зерносовхоза, Омского – 9¹⁸. В конце 1935 г. тресты были признаны «плохой передаточной инстанцией» и ликвидированы. Управление совхозами передавалось в непосредствен-

ное ведение Наркомата зерновых и животноводческих совхозов. Однако обеспечить оперативное управление большим количеством хозяйств, разбросанных на огромной территории, Наркомату не удалось. Поэтому в начале 1937 г. были образованы республиканские наркоматы совхозов. Управление хозяйствами, оставшимися в подчинении союзного Наркомата, осуществлялось его специализированными управлениями. Для руководства совхозами Наркомата совхозов РСФСР были созданы краевые и областные управления. В конце года принимается решение о воссоздании в рамках Наркомсовхозов СССР крупных специализированных трестов. В Западно-Сибирском крае был организован Алтайский зернотрест¹⁹. В Западно-Сибирском крае в конце 1936 г. насчитывалось 22 зерновых совхоза, в Омской области в конце 1937 г. – 8 хозяйств [4, с. 404-405].

Таким образом, на рубеже 1920 – 1930-х гг. совхозам отводилась важная роль в модернизации аграрного сектора экономики. С 1928 г. приоритет был отдан строительству зерновых совхозов, которым надлежало не только стать «авангардом» в зерновом производстве и хлебосдаче, но и показать крестьянству преимущества крупного общественного производства. До 1931 г. количество зерносовхозов возрастало за счет строительства новых хозяйств, однако они не оправдали ожиданий советского руководства. Государство вкладывало значительные средства в материально-техническое и финансовое снабжение совхозов, однако уровень производства и рентабельности в них оставался неудовлетворительным. Одним из источников кризисных явлений в зерносовхозах, равно как и основной причиной невыполнения ими планов по хлебосдаче 1930 – 1932 гг., являлась неудовлетворительная организация труда. К тому же чрезвычайно огромная площадь совхозов зачастую затрудняла управление этими хозяйствами. Необходимость реорганизации зерновых совхозов становилась все более очевидной. Центр тяжести в дальнейшей политике государства по отношению к совхозам был смещен с организации новых хозяйств на оптимизацию и повышение эффективности деятельности уже существующих. Реорганизация совхозов состояла как в разукрупнении этих хозяйств, так и в их перепрофилировании. Впоследствии, с 1935 г., широко практиковалась передача колхозам части принадлежавших совхозам земельных массивов. Параллельно с процессом реорганизации происходили перманентные изменения системы управления государственным сектором аграрной экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2011. 608 с.
2. Богденко М. Л., Зеленин И. Е. Совхозы СССР. Краткий исторический очерк (1917–1975). М.: Политиздат, 1976. 279 с.

¹⁴ Сельское хозяйство СССР... С. 731.

¹⁵ Итоги хозяйственного и культурного строительства в Новосибирской области за второе пятилетие (1933–1937 гг.). Новосибирск, 1939. С. 68.

¹⁶ СЗ СССР. 1933. № 74. Ст. 453.

¹⁷ Там же.

¹⁸ ГАНО. Ф. Р-366. Оп. 1. Д. 647. Л. 166–167.

¹⁹ Итоги хозяйственного и культурного строительства... С. 67–68.

3. Гельтман С. По-новому руководить. На путях реорганизации и разукрупнения зерносовхозов // Социалистическая зерновая фабрика. 1932. № 2. С. 1-3.

4. Гуцин Н. Я. Сибирская деревня на пути к социализму: социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926—1937 гг.). Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1973. 516 с.

5. Зеленин И. Е. Зерновые совхозы СССР. 1933—1941. М.: Наука, 1966. 246 с.

6. Зеленин И. Е. Совхозы СССР в годы довоенных пятилеток. 1928—1941. М.: Наука, 1982. 235 с.

7. Кондрашин В. В., Тюрин Е. А. «Говорить о голоде считалось чуть ли не контрреволюцией». Документы российских архивов о голоде 1932—1933 гг. в СССР // Отечественные архивы. 2009. № 2. С. 94-127.

8. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1984. Т. 4. 575 с.

9. Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 2: Формы и методы централизованных хлебозаготовок. 1930-1941 гг. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2002. 272 с.

10. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 5: 1937—1939. Кн. 1: 1937. М.: РОССПЭН, 2004. 647 с.

REFERENCES

1. Agrarian policy of the Soviet state and agriculture of Siberia in the 1930s: a documentary-monographic publication / ed. by V.A. Ilyinykh, O.K. Causevic. Novosibirsk: In-i istorii SO RAN, 2011, 608 p. (In Russ.)

2. Bogdenko M. L., Zelenin I. E. The state farms of the USSR. A brief historical essay (1917—1975). Moscow, Politizdat, 1976, 279 p. (In Russ.)

3. Geltman S. To lead in new ways. On the ways of reorganization and disaggregation of grain state farms. *Sotsialisticheskaya zernovaya fabrika*. 1932, no 2, pp. 1–3 (In Russ.)

4. Guschin N. Ya. Siberian village on the road to socialism: Socio-economic development of the Siberian village during the socialist reconstruction of the national economy. 1926-1937. Novosibirsk: Nauka, 1973, 516 p. (In Russ.)

5. Zelenin I. E. Grain state farms of the USSR. 1933—1941. Moscow: Nauka, 1966, 246 p. (In Russ.)

6. Zelenin I. E. State farms of the USSR during the prewar five-year plans. 1928—1941. Moscow: Nauka, 1982, 235 p. (In Russ.)

7. Kondrashin V. V., Tyrina E. A. "Talking about hunger was considered counter-revolution". Documents from Russian archives about hunger in the USSR during the 1932-1933. *Otechestvennye archivy*. 2009, no. 2, pp. 94-127 (In Russ.)

8. The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee. Moscow: Politizdat, 1984, vol. 4, 575 p. (In Russ.)

9. The policy of liquidation of peasantry in Siberia. Vol. 2: Forms and methods of centralized grain procurements. Novosibirsk: EPS NSU, 2002, 272 p. (In Russ.)

10. Tragedy of the Soviet Village. Collectivization and dispossession of the kulaks. Documents and materials. Vol. 1: 1937—1939. Book 1: 1937. Moscow: ROSSPAN, 2004, 647 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 14.04.2016

DOI: 10.15372/HSS20160221
УДК 94(47).084.9

Д.С. ОРЛОВ

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х гг.**

Дмитрий Сергеевич Орлов,
канд. ист. наук, доцент,
Алтайский государственный гуманитарно-педагогический
университет им. В.М. Шукшина
РФ, Алтайский край, г. Бийск ул. Короленко, 55
e-mail: orlovd2010@mail.ru

В статье анализируются в основном проблемы влияния государственной политики на экономическое развитие колхозов и совхозов в Западной Сибири в указанный период. Особое внимание уделяется новым механизмам в аграрном секторе, которые опираются на экономическое стимулирование производства. Дается обоснование причин кризисной ситуации в аграрном секторе страны в 1980–1982 гг., анализируется значение реализации Продовольственной программы.

Ключевые слова: сельское хозяйство, аграрная политика, хозяйственный механизм, аграрный кризис, инвестиции, изъятие средств, колхозы, совхозы, рентабельность, закупки, Западная Сибирь.

D.S. ORLOV

**ECONOMIC CONDITION
OF AGRICULTURAL ENTERPRISES OF WESTERN SIBERIA
IN THE SECOND HALF OF THE 1960s- THE FIRST HALF OF THE 1980s**

Dmitriy S. Orlov,
Candidate of Sciences (History), Associate Professor
Altai State University of Humanities and Education them. V.M Shukshina
55, Korolenko str., Biysk, 659333.Russia,
e-mail: orlovd2010@mail.ru

The article analyzes problems of agrarian and economic history of the USSR in the second half of the 1960s - the first half of the 1980s that have been insufficiently addressed by prior research. These issues are related to the government's attempts to increase the productivity of farms by limiting policy diktat in planning production and procurement as well as by increasing investments in agricultural sector. Based on the materials of Western Siberia, the author proves the thesis that mechanisms of economic incentives and improving welfare of the state and collective farms in the second half of the 1960s contributed to the recovery of agricultural production; while strengthening of administrative and tax diktat against the farms in the early 1970s led to the subsequent decline in the industry's development and to a crisis in the agricultural sector in the early 1980s. The crisis of 1980-1982 accompanied by a decrease in production and in volume of public procurement was considerably complicated by the unfavorable weather conditions, however, its main cause lay in imbalance of economic mechanism and actual bankruptcy of the majority of agricultural enterprises. The Food Program adopted at the Plenary Session of the Central Committee of the CPSCU in May, 1982 was aimed at solving the aggravated food problem. It provided the implementation of complex measures to improve the farmers' well-being, to expand residential and community construction, to improve health and consumer services in rural areas. The government restructured debts of agricultural enterprises and raised the purchasing prices. Since the beginning of implementation of the Food Program, the situation in the agricultural sector stabilized. Agriculture in Western Siberia in the second half of the eleventh five-year plan was increasingly dynamic.

Key words: agriculture, agricultural policy, economic mechanism, agrarian crisis, investments, withdrawal of funds, collective and state farms, profitability, purchasing, Western Siberia.

Как известно, важнейшей составляющей мобилизационной экономики в СССР были механизмы изъятия прибавочного, а зачастую и необходимого продукта через систему административных мер. Во второй половине 1960-х гг. в силу ряда объективных и субъективных причин руководство страны приняло меры по ограничению директивного начала в управлении народным хозяйством, сделав ставку на экономическое стимулирование производства. Особый интерес представляет опыт использования новых механизмов в аграрном секторе, предприятия которого получили больше свободы в сфере планирования производства и заготовок, а также дополнительное финансирование. Влияние государственной политики на экономическое положение колхозов и совхозов страны в рассматриваемый период к настоящему времени еще не стало предметом специального научно-исторического анализа, а рассматривалось фрагментарно – в рамках изучения других, как правило, более крупных аграрно-исторических проблем. В настоящей статье предпринята попытка проанализировать указанную проблему на примере хозяйств Западной Сибири – крупного аграрного региона страны.

В восьмой пятилетке (1966–1970 гг.) капиталовложения в развитие аграрного сектора экономики существенно возросли. В постановлении ЦК партии и Совета министров СССР от 1 апреля 1965 г. «О капитальных вложениях на развитие сельского хозяйства в 1966–1970 гг.» [1, с. 174–175] было указано на необходимость выделения колхозам и совхозам на возведение объектов производственного назначения и приобретение техники 41 млрд руб., в том числе на строительные-монтажные работы – 21 млрд руб. В этом плане особое значение имело постановление «Об оказании финансовой помощи колхозам» [2, с. 28–29], также от 1 апреля 1965 г. Так, Госбанку СССР поручалось списать с колхозов задолженность по кредитам на сумму в 2 млрд руб., отсрочить погашение долга по денежным авансам заготовительных организаций в размере 120 млн руб., прекратить взимание средств за технику, помещения и оборудование, приобретенные у МТС и РТС. Правительство попыталось изменить практику планирования сельхозпроизводства. В соответствии с постановлением до хозяйств доводился пятилетний план государственных закупок сельхозпродукции по твердым ценам. Сверхплановые заготовки можно было осуществлять только при согласии колхозов и совхозов и по повышенным закупочным ценам.

Капиталовложения в аграрный сектор по стране в восьмой пятилетке выросли на 169 % по сравнению с седьмой пятилеткой (с 48,2 до 81,5 млрд руб.), а в девятой они достигли суммы 130,5 млрд руб., или 160 % к уровню предыдущего пятилетия¹. Ситуация в регионах также улучшилась. Только в Тюменской области в аграрный сектор за годы девятой

пятилетки поступило 0,9 млрд руб. (что на 71 % превышало вложения в восьмой пятилетке), а в десятой – 1,3 млрд руб. В Кемеровской области инвестиции в аграрный сектор в 1971–1975 гг. составляли 688 млн руб., в 1976–1980 гг. – 1,1 млрд руб., в 1981–1985 гг. – 1,3 млрд руб.².

В 1965 г. были списаны значительные суммы задолженности сельхозпредприятий Государственному банку. С колхозов Томской области списано 7 млн руб. долгосрочных ссуд и 4,1 млн руб. краткосрочных. В 1965 г. с совхозов и кооперативных хозяйств Новосибирской области было списано 38 млн руб., выдан кредит в 27 млн руб. и отсрочено платежей на сумму 4,6 млн руб. (по авансам заготовительных организаций)³.

Финансовые вливания, списание задолженностей и повышение закупочных цен способствовали укреплению экономики сельхозпредприятий. В 1967 г. сельское хозяйство Новосибирской области впервые в своей истории получило прибыль в 100 млн руб. В 1965 г. доход колхозов региона составлял 66,2 млн руб., в том числе чистый доход – 16,3 млн руб., в 1966 г. – соответственно 42,4 и 11,4 млн, в 1967 г. – 85,6 и 14,7 млн руб. В Алтайском крае в 1965 г. из 262 совхозов 213 хозяйств завершили год с прибылью 96,9 млн руб., колхозы региона также получили прибыль⁴.

Удельный вес колхозов, имеющих просроченные платежи по ссудам Госбанка, по стране в 1966 г. по отношению к 1961 г. сократился с 37 до 10 %, сумма просроченных платежей снизилась с 832 до 71 млн руб. Аналогичным образом ситуация складывалась и в совхозах, где доля предприятий с прибылью увеличилась с 1964 по 1966 г. с 38 до 75 %. Одновременно произошло снижение цен на колхозных рынках страны: в 1966 г. против уровня 1964 г. на картофель – на 15 %, растительное масло – 15, говядину – 9, свинину – 15, мясо кур и яйца – на 7 %⁵.

Ухудшение экономического положения хозяйств в начале 1970-х гг. во многом было связано с установлением неблагоприятного для них налогового режима, в рамках которого необходимо было отчислять в различные фонды 12 % плановой и 90 % внеплановой прибыли. Так, полученная в 1966 г. чистая прибыль колхозов Тюменской области в размере 21,1 млн руб. распределялась следующим образом: 1,7 млн руб. – подоходный налог, 3,3 млн руб. – отчислено в недельные фонды (в основные средства), 9 млн руб. – также

² Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. П-124. Оп. 1. Д. 6990. Л. 16; Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. П. – 75. Оп. 42. Д. 12. Л. 57.

³ Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 252. Оп. 3. Д. 4. Л. 34–42; Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-4. Оп. 33. Д. 2779. Л. 6.

⁴ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 3036 Л. 17, 24; Оп. 68. Д. 88 Л. 2; ГААК. (Государственный архив Алтайского края) Ф. Р-569. Оп. 13. Д. 81. Л. 61–77.

⁵ Российский государственный архив новейшей истории (РГНИ). Ф. 5. Оп. 60. Д. 170. Л. 90–92.

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 40. Д. 6666. Л. 137–140.

отчислены в неделимые фонды (на оборотные средства), 351 тыс. руб. – в фонд помощи и пенсионного обеспечения колхозников, 941 тыс. руб. – в фонд культурно-бытовых нужд, 545 тыс. руб. – в фонд премирования и 2,1 млн руб. были изъяты в резервный фонд⁶. Аналогичные отчисления обязаны были производить и совхозы. Так, в 1970–1976 гг. совхоз «Чикский» Коченевского района Новосибирской области получил прибыль 7,9 млн руб., из которых в страховой фонд Министерства сельского хозяйства РСФСР с него взыскали 12 %, в страховой фонд совхоза было отчислено 22 %. В резерв Министра сельского хозяйства РСФСР для оказания помощи другим совхозам, переведенным на хозрасчет, данное сельхозпредприятие перечислило из своей прибыли 14 %. Остаток сверхплановой прибыли в 14 % был изъят производственным управлением сельского хозяйства по реформации баланса годовых отчетов. На 1 января 1977 г. совхоз «Чикский» имел задолженность по ссудам Госбанка в 4,5 млн руб., т. е. почти на ту сумму, которая была изъята у него на различные нужды⁷.

Другим негативным фактором для аграрного сектора являлся диспаритет цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию. Только за годы восьмой пятилетки дополнительные расходы сельхозпредприятий страны вследствие удорожания строительно-монтажных работ увеличились на 6,5 млрд руб., также произошло повышение цен на запасные части к сельскохозяйственной технике на 1,5 млрд руб. и горюче-смазочные материалы на 3 млрд руб.⁸ Производственное строительство было жизненно важно для хозяйств в условиях невысокой их обеспеченности мастерскими, гаражами, хранилищами и складами. Это стало причиной уменьшения объемов строительства. Рост цен на строительство и технику, а также сокращение объемов строительства происходил и на всем протяжении 1970–1980-х гг.

Еще одним фактором, негативно влиявшим на экономическое положение колхозов и совхозов, были низкие закупочные цены. Рост производственных затрат, заработной платы, различных издержек приводил к повышению себестоимости сельскохозяйственной продукции. Если в 1965 г. производство центнера зерновых культур в совхозах страны обходилось в 8,67 руб., то в 1975 г. – уже в 9,53 руб., картофеля – 6,03 и 9,35 руб., мяса (свиней) – 108,7 и 139,4 руб., молока – в 16,29 и 23,85 руб. соответственно. В колхозах ситуация складывалась схожим образом. Рентабельность производства зерна, которая составляла в колхозах страны в годы восьмой пятилетки +136,6 %, к 1975 г. снизилась до +55,5 %. Аналогично снижалась рентабельность и по другим видам сельскохозяйственной продукции. Так, рентабельность производства картофеля снизилась с +25 до +5 %, мяса крупного рога-

того скота – с +19,2 до +11,9 %, мяса свиней – с +24 до +7,9 %. В совхозах производство большей части сельхозпродукции (кроме зерновых культур и яиц) было убыточным. Производство молока в колхозах и совхозах было убыточным в течение всего рассматриваемого периода⁹.

Таким образом, экономическая значимость закупочных цен постоянно снижалась. По ряду продукции они возмещали хозяйствам лишь производственные затраты или обеспечивали столь низкие доходы, что прибыль не оказывала существенного влияния на темпы роста общественного производства. С целью исправления ситуации после Пленума ЦК КПСС 1978 г. были повышены закупочные цены на молоко (+14 %), мясо овец и коз (+11 %), шерсть (+18 %), картофель (+38 %) и овощи (+9 %). Однако и эти меры давали лишь временный эффект, а доплаты за проданную государству сельскохозяйственную продукцию сверх плана вообще оказались «палкой о двух концах». Хозяйства стремились снижать плановые задания, чтобы получить больше доплат, а районные органы, зная об этом, постоянно завышали планы [3, с. 51].

В 1970-е гг. наблюдалось резкое падение прибыльности сельхозпредприятий. В 1975 г. совхозы Алтайского края получили 26,508 млн руб. убытков, в 1980 г. – 75,394 млн, в кооперативных хозяйствах прибыль снизилась с 61 млн в 1975 г. до 11 млн в 1978 г. В восьмой пятилетке прибыль от производственной деятельности коллективных и государственных хозяйств Томской области составила 75,5 млн руб., однако в годы девятой пятилетки сельскохозяйственное производство принесло 99,1 млн руб. убытков, а в десятой пятилетке убытки достигли почти 304 млн руб.¹⁰ В Новосибирской области рентабельность аграрного производства, составлявшая в начале 1970-х гг. +24,6 % в совхозах и +29,6 % в колхозах, к середине десятилетия упала. Совхозный сектор региона в этот период стал убыточным, в сельхозартелях рентабельность уменьшилась до +4,2 % [4, с. 71].

Неустойчивое финансовое положение сельскохозяйственных предприятий приводило к тому, что они для покрытия собственных финансовых прорывов стали все чаще привлекать кредиты Государственного банка. К началу 80-х гг. задолженность колхозов и совхозов Томской области составляла 500 млн руб., Кемеровской – 640, Тюменской – 683 млн руб., колхозы Новосибирской области имели долгов на 596 млн руб.¹¹ Среднегодовые накопления колхозов и совхозов страны за годы десятой пятилетки по сравнению с девятой уменьшились с 8,4 до 4,6 млрд руб., рентабельность колхозов снизилась с +23,2 до +9,7 %, совхозов – с +6,7 до +2,3 %. Количество убыточных хозяйств

⁹ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 4. Д. 4406. Л. 12–15.

¹⁰ ГААК. Ф. Р-569. Оп. 13. Д. 2487. Л. 168; Д. 2536. Л. 49; Д. 3802. Л. 55; Д. 4651. Л. 205; Государственный архив Томской области (ГАТО) Ф. Р-1390. Оп. 3. Д. 1554. Л. 107–109.

¹¹ ГАТО. Ф. Р-1390. Оп. 3. Д. 1554. Л. 111; ГАТюМО. Ф. Р. 1495. Оп. 1. Д. 3619 Л. 21; Д. 3585. Л. 6–10; ГАКО. Ф. П-75. Оп. 51. Д. 75. Л. 3–31; Оп. 48. Д. 76. Л. 28; ГАНО. Ф. П-4. Оп. 85. Д. 278. Л. 41.

⁶ Государственный архив Тюменской области (ГАТюМО). Ф. Р. 1495. Оп. 1. Д. 1161. Л. 4.

⁷ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 80. Д. 114. ЛЛ. 142–152.

⁸ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 4. Д. 2068. Л. 69–70.

составило: колхозов – 13 145, или 50,8 %, совхозов – 10 390, или 57,1 %. Сельскохозяйственные предприятия практически полностью утратили собственные оборотные средства. В колхозах страны собственные средства сократились с 49,9 % в 1975 г. до 13,9 % в 1981 г. В совхозах собственные средства уменьшились с 35,7 до 6 %. Общая сумма кредитов в сельском хозяйстве в начале 1980-х гг. составила 131,4 млрд руб. Отсроченных кредитов имелось на сумму 42,4 млрд руб., или 33 % к общей сумме кредитной задолженности. Просроченная задолженность составляла 3,1 млрд руб.¹²

Мерами помощи предприятиям аграрного сектора со стороны советского государства стало списание долгов. В 1971 г. с хозяйств Омской области списали 77,1 млн руб., в том числе краткосрочных ссуд – 41 млн руб., долгосрочных ссуд – 23,2, средств на оплату труда – 12,9 млн руб. В 1972 г. Новосибирской области было отсрочено 14,6 млн руб. из краткосрочных ссуд Госбанка, 2,6 млн руб. из долгосрочных ссуд на капиталовложения. Кроме того, был выделен долгосрочный кредит 7 млн руб. на гарантированную оплату труда членам колхозов. В 1973 г. совхозам РСФСР был предоставлен долгосрочный кредит в 385 млн руб., в 1974 г. – в 500 млн руб. В 1975 г. в Кемеровской области была списана задолженность государственных предприятий по краткосрочным ссудам на 38 млн руб. и по долгосрочным на 10,4 млн руб.; кроме того, были отсрочены платежи по долгосрочным кредитам до 1977 г. на 6,3 млн руб. К 1978 г. финансовое положение предприятий аграрного сектора стало настолько сложным, что центральная власть была вынуждена пойти на списание долгов и очередное повышение закупочных цен. По стране в 1978 г. сельхозпредприятиям было списано 7,3 млрд руб. и отсрочено 4 млрд руб. с освобождением от уплаты процентов. Только по колхозам Алтайского края было списано 16,2 млн руб. и отсрочено 20,3 млн руб., а по совхозам – списано 45 млн руб. и отсрочено 115 млн руб. задолженности¹³.

На рубеже 1970–1980-х гг. ситуация в сельском хозяйстве стала принимать кризисные формы. Резко упала эффективность производства, снизились его фондоотдача, окупаемость применяемых средств, производительность труда, возросла себестоимость продукции. В 1976–1980 гг. предприятия аграрного сектора Кемеровской области недопоставили 824 тыс. т зерна, 87 тыс. т овощей, 44 тыс. т мяса, 105 тыс. т молока. Аналогичным образом складывалась ситуация в других регионах Западной Сибири. За годы десятой пятилетки задолженность сельхозпредприятий Новосибирской области перед государством соста-

вила 3 млн т зерна, 107 тыс. т мяса, 85 тыс. т молока и 900 т шерсти. В масштабах республики только колхозы недопоставили 30 млн т зерна, 9,4 млн т картофеля, 32 млн т сахарной свеклы, 2,5 млн т молока, 986 тыс. т мяса¹⁴.

В 1981 г. затраты на производство животноводческой продукции в Кузбассе выросли по молоку на 62 %, по мясу крупного рогатого скота на 85 % по сравнению с 1971 г. При росте за десятилетие основных фондов в 2,7 раза прирост производства продукции составил всего +6 %, фондоотдача снизилась с 980 до 400 руб. Убыточными были 44 % колхозов и 75 % совхозов области. В совхозе «Новый» вырученных средств хватило только на зарплату рабочим¹⁵.

В 1981–1982 гг. объем аграрного производства в Сибири сократился на 6,2 % [5, с. 169–173]. За два года одиннадцатой пятилетки сельхозпроизводители страны недопоставили государству 58,4 млн т зерна, 63 млн т сахарной свеклы, 2,6 млн т семян подсолнечника, 3,2 млн т мяса скота и птицы (в живом весе).

Кризисная ситуация, сложившаяся в аграрном секторе СССР к началу 1980-х гг., требовала принятия срочных кардинальных решений, способных приостановить деградацию аграрного производства. На решение этих задач была направлена разработанная и принятая майским (1982 г.) пленумом ЦК КПСС Продовольственная программа, рассчитанная до 1990 г. Она предусматривала среди прочих мер осуществление комплекса мероприятий для повышения материального благосостояния колхозников, расширения масштабов жилищного и культурно-бытового строительства, улучшения медицинского и бытового обслуживания сельского населения. Списывались задолженности сельхозпредприятий, было проведено очередное повышение закупочных цен [6, с. 21–61].

Уже в 1982 г. с хозяйств Томской области было списано 65,9 млн руб., отсрочено платежей на 40,2 млн руб. В Алтайском крае было списано 213 млн руб. (в том числе 138 млн руб. – с совхозов и 75 млн руб. – с колхозов) и отсрочено платежей на сумму 283 млн руб. Колхозам СССР по Продовольственной программе 1982 г. было списано 9 млрд руб., отсрочено 11 млрд руб. На повышение закупочных цен государство тратило ежегодно 16 млрд руб., а дотации для убыточных и малорентабельных хозяйств составляли 3,3 млрд руб. в год¹⁶.

Принятые меры способствовали финансовому оздоровлению предприятий сельского хозяйства. В 1983 г. колхозы и совхозы Кемеровской области впервые за 1971–1982 гг. получили прибыль 147 млн руб. Рост прибыльности предприятий аграрного сектора отмечался во всех регионах Западной Сибири. Сель-

¹² РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 52. Д. 3915. Л. 66–85.

¹³ Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 17. Оп. 1А. Д. 1170. Л. 49; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-616. Оп. 3. Д. 4246. Л. 243; РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 40. Д. 2964. Л. 35, 211; ГАКО. Ф. П-75. Оп. 28. Д. 2. Л. 31; ГААК. Ф. Р-1582. Оп. 1. Д. 429. Л. 4; Комитет по делам архивов Республики Алтай (КПДАРА). Ф. 1. Оп. 40. Д. 18. Л. 1, 5, 6, 10.

¹⁴ ГАСПИТО. Ф. П. 124. Оп. 1. Д. 6002. Л. 10–11; ГАКО. Ф. П-75. Оп. 39. Д. 13. Л. 13; ГАНО. Ф. П-4. Оп. 80. Д. 325. Л. 10; ГАРФ. Ф. А-616. Оп. 9. Д. 5154. Л. 101.

¹⁵ ГАКО. Ф. П-75. Оп. 45. Д. 35. Л. 64–65.

¹⁶ ГАТО. Ф. Р-1791. Оп. 1. Д. 419. Л. 95–98; КПДАРА. Ф. 1. Оп. 40. Д. 18. Л. 6; ГАНО. Ф. Р-1406. Оп. 1. Д. 6887. Л. 43–51; ГАНО. Ф. П-4. Оп. 90. Д. 5. Л. 34.

хозпредприятия Тюменской области в 1983 г. получили прибыль в размере 159,1 млн, в 1984 г. – 127,3 млн, в 1985 г. – 181,1 млн руб. В стране удельный вес убыточных колхозов снизился к 1985 г. до 13 %, совхозов – до 23 %¹⁷. В СССР рентабельность сельского хозяйства в 1983 г. составила +22,1 %, в 1984 г. +16,4 %, прибыль сельхозпредприятий достигла в 1983 г. 22,4 млрд руб., в 1984 г. 16,3 млрд руб.¹⁸

Экономическое положение колхозов и совхозов напрямую отражалось на среднегодовых объемах валового производства сельхозпродуктов. В годы восьмой пятилетки, когда были созданы наиболее благоприятные условия, валовое производство продуктов животноводства и растениеводства по сравнению с 1961–1965 гг. в области увеличилось на 19,9 %. Максимальным был прирост в Новосибирской и Кемеровской областях (+21,8 %). В дальнейшем прирост валовой продукции сокращался и составил в девятой пятилетке +11,4 % по Западной Сибири. В 1976–1980 гг. прирост валового производства продукции животноводства и растениеводства упал до +2,7 %, причем в Кемеровской области и Алтайском крае был зафиксирован отрицательный прирост (-0,6 и -3,3 % соответственно), а в аграрном секторе Новосибирской области – стагнация (+0,6 % за пятилетие). Аграрный кризис начала 1980-х гг. вызвал сокращение объемов валового производства. Компенсирующий эффект Продовольственной программы СССР 1982 г. привел к стабилизации отрасли в середине пятилетки. Прирост производства растениеводческой и животноводческой продукции во второй половине одиннадцатой пятилетки носил восстановительный характер и достиг +4,4 % по региону в целом.

Экономические выгоды, полученные колхозами и совхозами от реализации сельхозпродукции по новым закупочным ценам и из других источников поступления доходов в годы восьмой и девятой пятилеток, сводились на нет возрастанием себестоимости продукции, вследствие удорожания промышленной продукции, ремонтных работ и т. д. Постоянный рост производственных издержек в 1970-е гг. и налоговая политика государства привели к дестабилизации экономического положения сельскохозяйственных предприятий, что особенно рельефно проявилось в годы десятой пятилетки, став экономической предпосылкой кризиса начала 1980-х гг.

Кризисная ситуация начала 1980-х гг. вновь потребовала пересмотра действовавшего в сельском хозяйстве экономического механизма. Экономические меры по поддержке аграрного производства (списание долгов, увеличение капиталовложений, повышение закупочных цен), принятые в рамках реализации Продовольственной программы 1982 г. и дублировавшие решения мартовского пленума ЦК КПСС 1965 г., способствовали некоторой стабилизации ситуации в 1983–1985 гг. К концу одиннадцатой пятилетки система экономических взаимоотношений государства и сельхозпредприятий продолжала нуждаться в корректировке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Справочник партийного работника. М., 1965. Вып. 6. С. 174–175.
2. Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1965–1974 гг.). М., 1975. С. 28–29
3. Орлов Д.С. Аграрный сектор Алтайского края во второй половине 70-х – первой половине 80-х гг. XX в. Бийск, 2007. 204 с.
4. Орлов Д.С., Андреенков С.Н. Аграрный сектор Новосибирской области в середине 50-х – первой половине 70-х гг. XX в. Бийск, 2010. 164 с.
5. Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы / Ильиных В.А., Андреенков С.Н., Рынков В.М. [и др.]. Новосибирск, 2012. 408 с.
6. Продовольственная программа СССР: сб. док.. М., 1982. 256 с.

REFERENCES

1. Reference book of a party worker. Moscow, 1965, vol. 6, pp. 174–175. (In Russ.)
2. The decisions of the Party and Government on Agriculture (1965–1974). Moscow, 1975, pp. 28–29. (In Russ.)
3. Orlov D.S. The agricultural sector of the Altai Territory in the second half of 1970s – first half of the 1980s. Biysk, 2007, 204 p. (In Russ.)
4. Orlov D.S. Andreenkov S.N. The agricultural sector of the Novosibirsk region in the mid-1950s – early 1970s. Biysk, 2010, 164 p. (In Russ.)
5. Agriculture of Siberia in the twentieth century: problems of development and crises / Ilyinykh V.A., Andreenkov S.N., Rynkov V.M. [et al.]. Novosibirsk, 2012, 408 p. (In Russ.)
6. Food Program of the USSR: collection of documents. Moscow, 1982, 256 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 7.04.2016

¹⁷ ГАКО. Ф. П-75. Оп. 51. Д. 15. Л. 8; Тюменская область в цифрах. (1981–1987 гг.). Свердловск, 1987. С. 17; Сельское хозяйство СССР. Стат. сборник. М., 1988. С. 448, 459.

¹⁸ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 52. Д. 6068. Л. 21, 97.

DOI: 10.15372/HSS20160222
УДК 316.334.55

В.С. ШМАКОВ

**ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ
АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ И БЕЛАРУСИ
В 1990–2000-е гг.**

Владимир Сергеевич Шмаков,
д-р филос. наук, заведующий сектором,
Институт философии и права СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8
e-mail: shmakov@philosophy.nsc.ru

Сравнительный анализ развития Агропромышленного комплекса (АПК) в России и Беларуси показывает, что на его устойчивое развитие оказывают существенное влияние процессы глобализации. Основными внутренними акторами, воздействующими на устойчивое развитие АПК России и Беларуси, являются аграрная политика, многоукладная экономика, наличие квалифицированного человеческого капитала в селе. Различным образом идут процессы формирования многоукладности в АПК, предполагающие наличие человеческих ресурсов, способных работать в условиях экономики переходного периода. Эволюционирование АПК предусматривает устойчивое развитие не только собственно производства, но и в первую очередь села в целом.

Ключевые слова: сельский социум, социально-экономические процессы, многоукладная экономика, человеческий капитал, аграрная политика.

V.S. SHMAKOV

**FAKTORS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT
OF AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX OF RUSSIA AND BELARUS
IN THE 1990s-2000s**

Vladimir S. Shmakov,
Doctor of Philosophical Sciences, head of sector,
Institute of philosophy and law SB RAS,
8, Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russia
e-mail: shmakov@philosophy.nsc.ru

Comparative analysis of development of agro-industrial complex in the post-perestroika period in Russia and Belarus shows that during the period of socioeconomic reforms the agriculture in these countries have gone through several stages of its development and had its own particular characteristics. The specificity of sustainable development of agriculture and the entire agro-industrial complex of Russia and Belarus can be attributed to the growing influence of globalization, Russia's accession to the WTO, and challenges of the Western world. This leads to increased competition between domestic and foreign farmers, degradation of the internal market.

The use of a systematic approach with elements of historical and logical analysis allows to identify the main trends of development of AIC of Russia and Belarus. Crucial domestic actors, intensely affecting the sustainable development of agriculture in Russia and Belarus are agricultural policy, mixed economy, human capital of the village. Diversity in agro-industrial complex develops in a different way, suggesting the existence of human resources capable of working in conditions of economy in transition, the intensive development of the production base and technology. The adjustment of the state's agrarian policy leads to differentiation of socio-economic space, which is a space for interaction between government and society. The diversity and multidirectional character of changes in socio-economic and political behavior of the villagers makes it necessary to refine and update the theoretical and empirical knowledge of the evolution of socio-economic and political conditions of life of the rural society.

Relevance of the study of development of agriculture and rural society is determined by the fact that the problem of rural development under socioeconomic transformations in contemporary Russia and Belarus, and challenges posed by Western countries in the form of international sanctions, is of strategic importance in the context of food security.

Key words: rural community; socio-economic processes; mixed economy; human capital; agricultural policy

Агропромышленный комплекс является одной из основных экономических составляющих, которые определяют стабильное развитие мировой цивилизации, обеспечивая продуктами питания население Земли и промышленность ресурсами. Вступление России в ВТО увеличило влияние глобализации на социально-экономическое развитие страны, возникли риски в использовании многих экономических и финансовых инструментов. Повышение доступности рынков России для иностранных товаропроизводителей привело к усилению глобальной конкуренции с зарубежными производителями, к сокращению доходов жителей села. Возникли проблемы в политике субсидирования АПК, внедрения инноваций в производство, что на фоне низкой производительности труда в сельском хозяйстве обуславливает его слабую эффективность. Целью нашего исследования является сравнительный анализ устойчивого развития АПК России и АПК Республики Беларусь в разных условиях социально-экономических трансформаций постперестроечного периода. Анализируя проблему устойчивого развития сельских территорий, необходимо определить наиболее значимые факторы, способствующие этому процессу, выявить главные особенности инновационного развития села в России и Беларуси. В качестве основных детерминант развития АПК используем для анализа прежде всего такие, которые оказывают первостепенное влияние на социально-экономическое развитие сельских территорий и сельского социума. Во-первых, это аграрная политика государства. Во-вторых, многоукладная экономика, являющаяся результатом глобальных социально-экономических трансформаций. В-третьих, при исследовании становления многоукладной аграрной экономики важно определить наличие человеческих ресурсов, как правило – это профессиональные кадры, человеческий капитал села.

Россия

1. Аграрная политика

Осуществление аграрной реформы в 1990-е гг. оказало системообразующее влияние на развитие АПК России, привело к возникновению различных организационно-правовых и социально-экономических форм хозяйственной деятельности. В аграрной экономике формируются новые отношения собственности, складываются новые формы хозяйствования. Акционируются крупные государственные и кооперативные хозяйства. Этот процесс, с одной стороны, стимулирует становления многоукладности в экономике АПК, а с другой стороны, из-за слабо продуманной и не подготовленной реформы приводит к значительным потерям в сельском хозяйстве. В итоге, весь период анагенеза АПК России 90-х – начала 2000 годов характеризуется развалом сложившейся при социализме сельскохозяйственной экономики и глубочайшим кризисом производства и всей социальной жизни села. В процессе приватизации сельское хозяйство претерпело значительные потери. В АПК сложилось тяжелое финансовое положение, произошло существенное сни-

жение стоимости производимой продукции [1, с. 96]. Формирующиеся крупные агропромышленные предприятия, фермерские и личные подсобные хозяйства сталкиваются в своей деятельности с массой юридических, экономических и организационных проблем. Проводниками государственной аграрной политики на селе становятся органы местного самоуправления, в той или иной степени пытающиеся оказать влияние на формирующиеся уклады, включая всю систему социально-экономического регулирования развития села. С формированием государственных программ развития АПК увеличивается степень влияния государства на развитие аграрного сектора экономики, растет уровень поддержки и воздействия региональной институциональной среды, формальных и неформальных институтов. В Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг.¹ сельское хозяйство определяется ведущей системообразующей сферой экономики страны, формирующей агропродовольственный рынок, продовольственную и экономическую безопасность, трудовой и поселенческий потенциал сельских территорий. В процессе модернизации АПК России происходит становление многоукладной экономики, требующей интенсивного развития производственной базы и технологий. АПК России в результате реформ постепенно становится многообразной социально-экономической системой, включающей аграрные предприятия различных форм собственности: корпоративной, кооперативной и индивидуальной.

2. Многоукладная экономика

С конца 90-х гг. закладываются основы многоукладной экономики. Предполагалось, что формирование и функционирование различных форм хозяйствования приведет к наиболее полному использованию имеющегося ресурсного потенциала российского села. Многоукладная экономика в АПК России представляет собой сочетание социально-экономических укладов, представляющих определенный тип собственности, особенности управления, принципы распределения дохода и социальное положение работника в обществе. Но в этих условиях агропромышленному комплексу была необходима новая техника, новые технологии и методы производства, влекущие за собой изменения в способах хозяйствования, новые финансовые инструменты, инвестиционные программы, оптовые рынки сельхозпродукции и промышленных средств производства для сельскохозяйственных товаропроизводителей и т.д. Поскольку старая система кооперации практически прекратила свое существование, в экономике АПК начинают зарождаться интеграционные процессы в новых социально-экономических условиях.

¹ Постановление Правительства РФ от 14.07.2012 N 717 (ред. от 19.12.2014) «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы». URL: base.garant.ru/70210644/ (дата обращения: 22.02.2016).

3. Человеческий капитал

Необходимо особо отметить, что хозяйствующие субъекты и население села имеют интересы и потребности, которые зачастую не совпадают по вектору развития. Особенно остро встает проблема сохранения человеческого капитала села. Его современное положение определяется уровнем развития и качеством функционирования социальных институтов – экономики, образования, здравоохранения, семьи, культуры. В постперестроечный период в России на формирование и функционирование человеческого капитала села оказывали влияние не только сезонность, трудоемкость сельскохозяйственных работ, отставание в эволюционировании села, но и складывающиеся демографические и миграционные процессы, что привело к сокращению численности трудоспособного населения. Произошли существенные изменения в худшую сторону в системе подготовки и переподготовки, что вызвало падение уровня профессионализма.

Этот процесс усугубляется разрушением системы сельского здравоохранения. Ухудшение состояния здоровья населения села оказало негативное влияние на условия сохранения основных качественных показателей человеческого капитала. Все расходы на образование, здравоохранение и многие другие затраты несет семья [2, с. 115]. Социальные институты в российской деревне, формирующие человеческий капитал, как и село в целом, оказались в состоянии затяжного системного кризиса. На состоянии АПК и сельского социума отрицательным образом сказываются низкая производительность труда и слабая эффективность использования имеющихся ресурсов. Все это ведет к росту дифференциации человеческого капитала, регрессу условий его формирования и использования. В агропромышленном комплексе России еще не сложилась конъюнктура для формирования среднего класса. Село покидают квалифицированные кадры и молодежь – а именно они являются основой прогрессивного эволюционирования сельского социума и ресурсами формирования многоукладной экономики и устойчивого развития АПК России.

Беларусь

1. Аграрная политика

После распада СССР разрушительные тенденции, охватившие экономику постсоветского пространства, привели к тому, что основные показатели социально-экономического развития Республики Беларусь до середины 1990-х гг. постоянно ухудшались. Так, в 1995 г. ВВП по сравнению с 1990 г. сократился на 35 %, объем промышленной продукции – на 39 %, производство потребительских товаров – на 40 %, валовая продукция сельского хозяйства – на 26 %, инвестиции в основной капитал – на 61 %, реальные денежные доходы населения – на 38 %. «Индекс потребительских цен за пять лет возрос в 44 тыс. раз» [3, с. 18]. Последующие реформы в Беларуси носили системный характер. Среди преобразований переходного периода главное место занимает макроэкономическая стабилизация, проис-

ходит изменение роли государства, регулирующего ход приватизации, активизируются процессы формирования рыночных отношений, интеграции в мировое хозяйство. С 2000-х гг. Президент и Правительство Республики Беларусь принимают и реализуют ряд государственных программ развития АПК. В «Основных направлениях социально-экономического развития Республики Беларусь на 2001–2005 гг.» были определены стратегия, приоритеты и цели обновления аграрного комплекса². В Государственной программе возрождения и развития села (2005–2010) были сформулированы основные цели и задачи: возрождение и развитие социальной и производственной сфер белорусского села, обеспечение условий для устойчивого ведения сельского хозяйства; повышение доходов сельского населения, улучшения демографической ситуации на селе и др.

Принятие Программы явилось важнейшим стимулом для подъема села. Прирост валовой продукции сельского хозяйства в 2005–2007 гг. составил более 27 %. В Государственной программе устойчивого развития села на 2011–2015 гг. определена основная задача для АПК Республики Беларусь: создание конкурентоспособного, устойчивого и экологически безопасного производства сельскохозяйственной продукции. Приоритетом является социальное развитие села. Главная особенность белорусской аграрной политики – существенная государственная поддержка сельского хозяйства. Тем не менее в развитии АПК Беларуси есть и сложные проблемы. В литературе обсуждаются вопросы государственного регулирования, конкуренции предприятий, потребительства и пр. Г.Н. Соколова отмечает, что достигнутый в Беларуси за последние годы ВВП во многом обусловлен действием организационных факторов и стимулированием производства на основе экспансионистской кредитно-денежной политики, что минимизирует возможные социальные риски, однако не способствует в должной мере развитию восприимчивости хозяйствующих субъектов к социальным и экономическим инновациям [4, с. 40–41]. Система государственного регулирования в Республике не создала условий для регулирования деятельности аграрного сектора посредством рыночного механизма. Необходимость поддержания структурных пропорций, межотраслевых и внутриотраслевых связей требует постоянного действия сферы вмешательства государства, при этом расширяется сфера применения административных методов регулирования [5, с. 530]. Сохранение государственной собственности на землю в Республике Беларусь дает возможность поддерживать государственные сельскохозяйственные предприятия и регулировать всю систему сельскохозяйственного производства на государ-

² Указ Президента Республики Беларусь от 08.08.2001 № 427 «Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2001–2005 годы». URL: pravo.newsby.org/Право_Беларуси_2013/ukaz3/uk463/index.htm (дата обращения: 20.01.2016).

ственном уровне, но в значительной степени тормозит развитие рыночных отношений, в том числе в обороте земельных угодий.

2. Многоукладная экономика

Тем не менее, в постперестроечный период в аграрном секторе Республики Беларусь произошли и происходят существенные перемены. В Законе Республики Беларусь «О приоритетном социально-культурном и экономическом развитии села и агропромышленного комплекса» определяются основные условия социально-культурного и экономического развития села. Указывается, что экономическая деятельность агропромышленных производителей осуществляется на основе разнообразных форм собственности, равноправия всех форм хозяйствования и хозяйственной самостоятельности. (Для справки: в 1993 г. был принят закон «О праве собственности на землю», в котором зафиксированы две основные формы: государственная и частная. Это было отражено в Конституции Республики Беларусь, в статье 13, которая закрепила две формы собственности – государственную и частную. Государственная собственность является доминирующей). В настоящее время многоукладная экономика в АПК Республики состоит из различных форм: акционерные общества, коллективные хозяйства, унитарные, фермерские, личные подсобные хозяйства. В 2000 г. в сельском хозяйстве имелось 1720 колхозов, из них 106 хозяйств преобразовано в новые субъекты хозяйствования (коллективные и коллективно-долевые сельскохозяйственные предприятия, акционерные общества всех типов, кооперативные хозяйства, агрофирмы и др.). Имелось 14 межхозов. Функционирует 2536 фермерских (крестьянских) хозяйств со средним размером сельскохозяйственных земель в 20 га, что близко к показателям землепользования по фермерским хозяйствам Евросоюза. Более 1,5 млн хозяйств населения располагают земельными приусадебными участками. Из них 1,2 млн семей ведут личное подсобное хозяйство. Средний размер землепользования составляет 0,8 га. Наряду с этим около 1 млн семей состоят в садово-огородных кооперативах, располагая участком земли в 0,08 га. Развитие многоукладности экономики на селе позволило увеличить вклад частного сектора в объем производства [6, с. 665–666]. Крестьянские (фермерские) хозяйства получают землю сельскохозяйственного назначения в пожизненное наследуемое владение для производства сельскохозяйственной продукции или могут осуществлять иные виды деятельности, не противоречащие законодательству. В настоящее время крестьянские хозяйства занимают около 1 % пахотных земель. Формы хозяйств, представляющие коллективно-долевую собственность (кооперативы, товарищества, АО и др.), находятся в стадии развития.

Основным хозяйственным укладом АПК является государственная собственность – это государственные предприятия, колхозы, агрофирмы, а также предприятия, занимающиеся селекцией, племенным делом и др. Основные сельскохозяйственные предпри-

ятия в Республике представлены совхозами. В их ведении находится около 22 % всех сельскохозяйственных угодий. Далее следуют сельскохозяйственные производственные кооперативы (колхозы). Таким образом, основой агропромышленного комплекса Беларуси являются государственные сельскохозяйственные предприятия. Естественно, возникает вопрос о многоукладности и конкуренции товаропроизводителей. Является ли такое решение правильным? Это сложный вопрос, относительно которого в Республике ведутся не только и не столько научные, сколько политические споры. История еще не закончилась.

В целом сельское хозяйство Беларуси представляется исходной экономической отраслью и в последние годы имеет серьезные достижения: обеспечивается рост инвестиций в основной и оборотный капитал, увеличиваются объемы производства сельскохозяйственной продукции, растет экспорт продукции АПК, что способствует сохранению продовольственной безопасности страны. АПК Республики Беларусь производит до 10 % ВВП, формирует около 15,5 % совокупного экспортного потенциала Беларуси, что составляет примерно 7–8 % ВВП страны. АПК Республики уверенно стоит на пути устойчивого развития. Во-первых, как основной источник снабжения продуктами питания и рабочими местами (в нем занято 17–20 % трудоспособного населения). Во-вторых, как ресурс обеспечения промышленности сырьем. При этом оказывает значительное влияние на функционирование отраслей хозяйства, связанных с сельскохозяйственным машиностроением, химической промышленностью и т.д. На базе АПК развиваются многие отрасли и предприятия промышленности, в совокупности дающие до 40 % валового внутреннего продукта и национального дохода страны [7, с. 13].

3. Человеческий капитал

В Программе совершенствования науки, в Концепции «Беларусь 2020: наука и экономика» особое внимание уделяется развитию человеческого и интеллектуального капитала, повышение качества которого является ключевой задачей формирования белорусского общества. Интеллектуальный капитал Беларуси должен стать консолидирующим фактором для всех сфер жизнедеятельности государства, одним из действенных стимулов социально-экономического развития общества [8]. В Республике Беларусь в развитие человеческого капитала вкладываются серьезные средства, и, естественно, имеется и соответствующая отдача. Показатель грамотности взрослого населения составляет (99,6 %) и подросткового населения (99,8 %), и это при том, что дипломы за деньги не выдаются. Но имеется и ряд трудностей, связанных с формированием многоукладной экономики, системой мотиваций и материального стимулирования. Нерешенность этих проблем приводит к недостатку профессиональных кадров. Обсуждая вопросы возрождения и развития села в Республике Беларусь, нельзя не затронуть такую важную социальную инновацию, как строительство агрогородков, которое призвано решить широкий

круг задач. В Государственной программе возрождения и развития села на 2005—2010 гг. агрогородок определяется как качественно новый тип сельских поселков, благоустроенный населенный пункт, в котором созданы производственная и социальная инфраструктура для обеспечения социальных стандартов проживающему в нем населению³. На пресс-конференции 17 октября 2014 г. Президент Республики А.Г. Лукашенко отметил, что «разными методами, разными путями мы стараемся как-то сохранить жизнь в деревеньках. Но это будет очень сложно. Но вот эти 2,5 тысячи агрогородков в Беларуси, которые мы создали, это спасение для села. И я считаю, это нормальный выход для существующего положения. Там живут крестьяне, они обрабатывают землю. И проблем в этом плане мы не имеем»⁴. Если учесть, что жители села составляют около 25–30 % населения Беларуси, такой подход к решению жилищных проблем является весьма актуальным.

В заключение следует отметить, что исторически развитие АПК Российской Федерации и Республики Беларусь имеет одинаковую направленность, но приоритеты расставлены по-разному. В АПК России в качестве основных факторов развития определяется, в первую очередь, формирование многоукладной экономики (при условии, что рынок решит все проблемы). Аграрная политика государства воспринимается как фактор «регулирующий», а не стимулирующий и помогающий экономически и финансово. Человеческий капитал должен формироваться сам по себе. С учетом доходов сельского населения, не способного оплачивать образование, медицинское обслуживание и пр., это не реально. Отсюда и факт – импорт продовольствия находится в пределах 40 % общего товарооборота. А «импортзамещение» – дело не одного года. Справедливости ради можно отметить, что аграрная политика России претерпевает значительные изменения. Формируются и исполняются крупные программы развития АПК, но восполнить потери предыдущих лет достаточно сложно.

Руководство Республики Беларусь реформирует АПК на основе ведения жесткой аграрной политики. Зависимости от импорта основных продуктов питания нет. Растет экспорт. Предполагается, что базой для стабилизации и устойчивого экономического развития АПК может послужить комплексная аграрная реформа по урегулированию земельных отношений. Возможно, предлагаемые экономистами подходы к решению этой задачи – долгосрочная аренда, интенсивное развитие кооперативов, конкурентноспособных предпри-

ятий в перерабатывающих отраслях, изменения в законодательстве с учетом необходимости дальнейшего развития многоукладной экономики – приведут к становлению новой институциональной среды, развитию человеческого капитала села и будут способствовать более интенсивному эволюционированию агропромышленного комплекса Беларуси.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шмаков В.С. Сельский социум России: динамика развития // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 4. С. 94–98.
2. Шмаков В.С. Человеческий капитал как фактор устойчивого развития села // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2015. Т. 13. Вып. 3. С. 112–118.
3. Трансформационные процессы в современном белорусском обществе: социальное измерение. Могилев. 2012. 164 с.
4. Соколова Г.Н. Экономическая стратификация в Беларуси и России (Опыт сравнительного анализа) // Социс. 2009. № 5. С. 40–46.
5. Антонова Н.Б. Государственное регулирование экономики. Минск. 2002. 775 с.
6. Лещиловский П., Микulich А. Совершенствование и развитие предприятий различных форм собственности и хозяйствования в агропромышленном комплексе Республики Беларусь // Экономический вестник (Эковест). 2000. Т. 2. № 4. С. 657–677.
7. Гусаков В.Г. Как обеспечить устойчивость и конкурентность национального АПК // Известия Национальной академии наук Беларуси. Серия аграрных наук. 2013. № 1. С. 9–22.
8. Гусаков В.Г. Беларусь 2020: наука и экономика. Концепция комплексного прогноза научно-технического прогресса и приоритетных направлений научно-технической деятельности в Республике Беларусь на период до 2020 года. Минск. 2015. 211 с.

REFERENCES

1. Shmakov V.S. Rural society in Russia: dynamics of development. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2014, no. 4, pp. 94–98. (In Russ.)
2. Shmakov V.S. Human capital as a factor for sustainable rural development. *Vestnik Novosib. gos. un-ta. Series: Philosophy*, 2015, vol. 13, no. 3, pp. 112–118. (In Russ.)
3. Transformation processes in modern Belarusian society: the social dimension. Mogilev. 2012. (in Russ.)
4. Sokolova G.N. Economic stratification in Belarus and Russia (Experience of comparative analysis). *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2009, no. 5, pp. 40–46. (In Russ.)
5. Antonova N.B. State regulation of the economy. Minsk, 2002. (In Russ.)
6. Leshchilovskii P, Mikulich A. Improvement and development of enterprises of various forms of ownership and management in the agro-industrial complex of the Republic of Belarus. *Ekonomicheskii vestnik Ekovest*. 2000, vol. 2, no. 4, pp. 657–677. (In Russ.)
7. Gusakov V.G. How to ensure the sustainability and competitiveness of the national agribusiness. *Izvestiya natsional'noi akademii nauk Belarusi. Seriya agrarnykh nauk*. 2013, no.1, pp. 9–22. (In Russ.)
8. Gusakov V.G. Belarus 2020: science and economy. The concept of a comprehensive forecast of scientific and technical progress and priority directions of scientific-technical activity in the Republic of Belarus for the period until 2020. Minsk. 2015. 211 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 18.04.2016

³ Указ Президента Республики Беларусь от 25.03.2005 N 150 «О Государственной программе возрождения и развития села на 2005–2010 годы». URL: pravo.levonevsky.org «Право 2011» 2010 годы (дата обращения: 28.01.2016).

⁴ Пресс-конференция Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко журналистам российских региональных средств массовой информации. 17 октября 2014 года. URL: president.gov.by/Сервисы/События...-prezidenta-respubliki... (дата обращения: 20.02.2016).

DOI: 10.15372/HSS20160223
УДК 323.11 (574)

С.К. ЖЕТПЫСБАЕВ

АССАМБЛЕЯ НАРОДА КАЗАХСТАНА КАК ИНСТИТУТ ОБЩЕНАРОДНОГО ЕДИНСТВА

Сейсембай Калижанович Жетпысбаев,
канд. экон. наук,
заместитель председателя, заведующий секретариатом
Ассамблеи народа Казахстана Павлодарской области Республики Казахстан,
146000, Республика Казахстан,
Павлодарская область, г.Павлодар, ул. 1 Мая 35/1
e-mail: sank-pavlodar2012@mail.ru

В статье впервые анализируются причины и предпосылки создания Ассамблеи народа Казахстана, ее политико-правовой статус, деятельность с 1995 по 2015 г. Отражена роль Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева в образовании и развитии Ассамблеи как института общенародного единства. Освещена позиция Ассамблеи в гармонизации межнациональных отношений, успешной реализации казахстанской модели межэтнической толерантности, мира и общественного согласия. Показана возможность использования опыта Ассамблеи народа Казахстана в международной практике.

Ключевые слова: межнациональные отношения, Ассамблея народа Казахстана, мир, общественное согласие, стабильность, дружба народов, национальное единство.

S.K. ZHETPYSBAEV

THE ASSEMBLY OF PEOPLE OF KAZAKHSTAN AS AN INSTITUTION OF NATIONWIDE UNITY

Seisenbai K. Zhetpysbayev,
Candidate of Economic Sciences,
Deputy Chairman, Head of the Secretariat
of the Assembly of People of Kazakhstan in Pavlodar Region, Republic Kazakhstan,
35/1, 1st May street, Pavlodar, Pavlodar region, Republic of Kazakhstan, 146000,
e-mail: sank-pavlodar2012@mail.ru

The article presents the results of the study concerning the activities of the Assembly of People of Kazakhstan over the last 20 years, from 1995 to 2015. The article emphasizes the relevance of creation of this civil society organization; considers prospects for its development; historical dynamics of development of its political and legal status. It comprehensively reflects the role of the President of Kazakhstan N.A. Nazarbayev in the formation and functioning of the Assembly as an institution of nationwide unity. The author stresses that the purpose of the Assembly is to ensure inter-ethnic harmony in the country in order to form Kazakh civil identity and a competitive nation on the basis of the Kazakhstan patriotism, civic, spiritual and cultural unity of the peoples of Kazakhstan where the Kazakh people should play a unifying role. It provides an evaluation of the Assembly's significant positions in harmonization of international relations, successful implementation of Kazakhstan's model of interethnic tolerance, peace and social harmony. Mutual respect and equality of all Kazakhstan citizens, regardless of their nationality and religion, the steady strengthening of social harmony and harmonization of inter-ethnic relations have always been and continue to be the key priorities of the state policy. The Assembly of People of Kazakhstan plays a leading role in socio-cultural processes as a link between the civil society and the state. This type of corporativity and responsibility of the state and civil society, which emerged in Kazakhstan in the sphere of inter-ethnic relations, has become a unique phenomenon in the history of modern civilization. This is evidenced by the scope and content, multidimensional nature of social, historical and cultural activities regularly carried out by the Assembly. Experience and prospects of Kazakhstan People's Assembly activities have significant potential for use in international practice. Thus, the Assembly of People of Kazakhstan represents a synthesis of the state policy and civil society organizations aimed at strengthening a tolerant civil society and social harmony.

Key words: international relations, the Assembly of People of Kazakhstan, peace, social harmony, stability, friendship of nations, national unity.

В современном глобализующемся мире в условиях обострения в ряде стран мира межэтнических и этноконфессиональных отношений актуализируется необходимость в обобщении опыта деятельности институтов общенародного единства, к которым можно отнести Ассамблею народа Казахстана, созданную в 1995 г. и успешно функционирующую в настоящее время.

Как справедливо отмечает Ю.В. Якушева, «инструменты государственной политики Казахстана в сфере межэтнических отношений, среди которых важнейшее место занимает Ассамблея народа Казахстана, должны восприниматься уже не как уникальное, а как универсальное начало, руководство к действию, как позитивный опыт для решения не только внутри-страновых, но и глобальных задач. Этот опыт, безусловно, может быть учтен или даже адаптирован в других государствах постсоветского пространства» [1].

В постсоветских республиках после распада СССР в условиях обострения экономических и социальных проблем стали обостряться и межнациональные отношения, вылившиеся в кровопролитные столкновения. Они охватили Азербайджан, Армению, Узбекистан, Грузию, Молдову, Кыргызстан, Таджикистан, Прибалтику и другие регионы. Казахстану, в котором проживали представители 140 этносов и 17 конфессий [2, с. 268], предрекали в этот период массовые межэтнические и межрелигиозные столкновения. Между тем он добился впечатляющих успехов в гармонизации межнациональных отношений и представляет собой сегодня уникальный пример толерантного этнического, культурного и конфессионального сосуществования населяющих его народов. Втянутый в глобальную орбиту поиска универсальной модели многонационального и многоконфессионального взаимодействия Казахстан стал инициатором создания собственной модели толерантного и гармоничного общества, заложил основу для дальнейшего совершенствования общественных отношений на принципах гражданского мира и согласия.

В декабре 1992 г. по инициативе Президента страны Н.А. Назарбаева в Алматы состоялся Форум народов Казахстана, совпавший с празднованием первой годовщины провозглашения независимости Казахстана. В его работе участвовало около 700 представителей всех наций и народностей, проживающих в республике. Ими решался главный вопрос – сохранение мира в многонациональном Казахстане [3]. Для достижения этого Н.А. Назарбаевым была выдвинута идея создания Ассамблеи народов Казахстана, единодушно поддержанная участниками Форума. Сегодня, вспоминая те годы, Н.А. Назарбаев говорит: «Это были годы, когда принимались важнейшие решения, от которых зависел дальнейший путь нашего государства, когда одно неверно принятое решение могло существенно изменить траекторию движения страны» [4].

В марте 1995 г. в Алматы состоялась первая сессия Ассамблеи народов Республики Казахстан (далее – РК). Указ о создании Ассамблеи как консульта-

тивно-совещательного органа при Президенте страны был подписан 1 марта 1995 г. Ее возглавил Президент РК Н.А. Назарбаев, что подчеркивает значимость этого института в политической и общественной системе Казахстана. Во всех областях страны были созданы региональные Ассамблеи, действующие как национально-культурные центры. Ассамблея выдвигает девять депутатов в парламент как высший представительный орган, является Конституционным органом, выражающим интересы народа.

Ассамблея народов Казахстана имеет широкие полномочия в решении таких задач, как содействие в разработке и реализации государственной национальной политики; формировании казахстанского патриотизма; развитии государственного языка и других языков народов Казахстана; а также совершенствование региональной политики в межэтнической сфере. Ассамблея имеет право принимать участие в разработке и реализации планов и мероприятий в области демографии и миграционной политики; пропаганде казахстанской модели межэтнического и межконфессионального согласия в стране и за рубежом [5]. В 1996 г. на III сессии Ассамблеи народов Казахстана была представлена новая модель общественного устройства, рассматривающая народ Казахстана как общность граждан разных национальностей.

На VII сессии Ассамблеи народов Казахстана в декабре 2000 г. Президентом страны была поставлена задача формирования гражданской общности на основе казахстанского патриотизма. В своем докладе Н.А. Назарбаев заявил: «Мы создали Казахстан, теперь задача – создать казахстанцев» [6, с. 394]. Эта задача стала одним из ключевых направлений Стратегии Ассамблеи народов Казахстана, принятой по итогам IX сессии Ассамблеи народов Казахстана. В ней было указано на усиление роли Ассамблеи в решении задач Стратегии «Казахстан-2030», укреплении стабильности и согласия в обществе, в процессе формирования казахстанского народа, его государственности, открытого гражданского общества. Ее приоритетной стратегической задачей стало сохранение гражданского мира. Гражданский мир и согласие в Казахстане – это результат кропотливой работы и государства, и общества при значительном вкладе Ассамблеи [6, с. 423].

В апреле 2005 г. вышел указ Президента страны «Об укреплении института Ассамблеи народа Казахстана». В нем значительно укреплены позиции Ассамблеи народа Казахстана как активного общественного института. Не имеющий аналогов в мире этот уникальный институт гражданского общества стал по-настоящему органом народной дипломатии. Интегрируя свыше 830 этнокультурных объединений, Ассамблея народа Казахстана является ключевым звеном общественного согласия, сочетающим возможности гражданского общества и государства. Принятие в октябре 2008 г. по инициативе Главы государства Закона РК «Об Ассамблее народа Казахстана» юридически закрепляет Ассамблею в качестве полноправного

субъекта политической системы страны, обеспечивает нормативно-правовое регулирование ее деятельности. Закон также определил статус, порядок формирования и организацию работы Ассамблеи народа Казахстана. Ее деятельность направлена на реализацию государственной национальной политики, обеспечение общественно-политической стабильности в РК и повышение эффективности взаимодействия государственных и гражданских институтов общества в сфере межэтнических отношений.

В соответствии с этим беспрецедентным законом Ассамблея народа Казахстана представляет собой учреждение без образования юридического лица, что закреплено Указом Президента Республики Казахстан. Ее создание способствует разработке и реализации государственной национальной политики. Целью Ассамблеи является обеспечение межэтнического согласия в стране в процессе формирования казахстанской гражданской идентичности и конкурентоспособной нации на основе казахстанского патриотизма, формирования духовно-культурной общности народа Казахстана. В 2010 г. Указом Президента РК утверждена Доктрина национального единства, направленная на укрепление межэтнической толерантности в стране. Основные положения Доктрины включены в Стратегию развития Республики Казахстан до 2020 г. Указом Президента РК от 7 сентября 2011 г. утверждено Положение «Об Ассамблее народа Казахстана». Вышеназванные законодательные документы свидетельствуют о реализации важных шагов в направлении формирования единой казахстанской нации как гражданской общности. В Доктрине национального единства с учетом новых реалий определены следующие задачи: формирование условий, при которых представители всех этносов и народностей, проживающих в Казахстане, смогут преодолеть в своем сознании превалирование идеи о национальной принадлежности и ощутить себя представителями единого целого, которое можно определить как казахстанская нация [7].

Путь, пройденный Ассамблеей народа Казахстана, приобретенный опыт также представляют интерес для определения на этой основе новых рубежей развития. Одним из важных направлений в деятельности Ассамблеи в настоящее время является научно-исследовательская работа. По инициативе Н.А. Назарбаева с 2009 г. при Ассамблее действуют научно-экспертные советы и группы, которые занимаются исследованием межнациональных отношений, проведением мониторингов общественного мнения. На их основе даются соответствующие рекомендации по повышению эффективности государственной этнополитики. Крупными центрами для проведения научных исследований становятся высшие учебные заведения, на их базе создаются кафедры или центры Ассамблеи народа Казахстана. Результаты научных исследований активно внедряются в образовательный и воспитательный процесс в вузах, имеют важное значение для студенческой молодежи. Научно-экспертным советом Ассамблеи издаются работы, посвященные ме-

жэтническим отношениям, укреплению мира и согласия, интеграции народов в казахстанском научном и этнокультурном пространстве. Среди них: коллективная монография «Ассамблея народа Казахстана: история двух десятилетий» (под редакцией Е.Л. Тугжанова). Авторами раскрыты исторические предпосылки и ценностные основы национального единства, толерантность казахского народа. Выделены главные этапы создания и развития за 20-летний период Ассамблеи народа Казахстана как общественно-политического института в сфере межэтнических отношений. Отражены исторические и ментальные корни народа Казахстана, новые концепты формирования его объединительных факторов [8]. Особый интерес у научной и культурной общественности, членов Ассамблеи вызывает монография ученых-политологов Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева «Общенациональная идея – как основа модернизации современного Казахстана». В книге дан анализ развития национальной идеи, освещена роль институтов гражданского общества и идея евразийства в политической модернизации современного Казахстана, рассмотрены актуальные вопросы образовательной политики [9].

Национальная идея, национальная политика, роль Ассамблеи народа Казахстана постоянно занимают ведущее место в трудах Президента страны Н.А. Назарбаева: «В потоке истории»; «На пороге XXI века»; «Критическое десятилетие»; «Эпицентр мира»; «В сердце Евразии» [10, 11, 12, 13], в его ежегодных Посланиях народу Казахстана. Новацией, определяющей общедемократические принципы регулирования межэтнических отношений, признана состоявшаяся в Астане во Дворце мира и согласия под председательством Президента Республики Казахстан, Председателя Ассамблеи народа Казахстана Н.А. Назарбаева XXII сессия Ассамблеи с повесткой дня: «Мәңгілік Ел: одна страна – одна судьба».

Ассамблея народа Казахстана стала своеобразным брендом Казахстана и может рассматриваться как актуальная форма представления модели толерантности, мира и общественного согласия за рубежом. Новые результаты исследований и обмена практическим опытом актуализации толерантности, полученные научно-экспертным советом Ассамблеи, показывают, что в условиях глобализации имидж Ассамблеи является своеобразным стратегическим ресурсом, обеспечивающим стабильность, мир и согласие в общенациональном доме – Казахстане. Вместе с тем, казахстанская модель толерантности и общественного согласия открыта для творческого переосмысления подходов и принципов в контексте глобальных и локальных вызовов и угроз в современном мире.

Подтверждением высокого уровня социальной эффективности деятельности Ассамблеи народа Казахстана являются следующие факты. В рамках республиканского форума «Менің Қазақстаным», стартовавшего в 2012 г., было проведено 6662 мероприятия в 2738 населенных пунктах с участием более

1,5 млн чел. [14, с. 20]. В общественную приемную Советов общественного согласия, где вели прием граждан депутаты Мажилиса Парламента Республики Казахстан, члены депутатской группы Ассамблеи, обратился 321 житель. Квалифицированную медицинскую помощь получили свыше 50 тыс. чел. По социальным и личным вопросам было проконсультировано 1893 чел.; по проблемам бизнеса и сельского хозяйства – 1616 чел.; по юридическим вопросам – 1032 чел. Общее количество участников, принявших участие во всех мероприятиях поезда «Менің Қазақстаным», составило более 920 тыс. казахстанцев [14, с. 35]. Акция способствовала укреплению межэтнического согласия в стране, формированию казахстанского патриотизма. На местах оказывалась конкретная практическая помощь населению.

К актуальным и новационным формам работы Ассамблеи относится ее деятельность по поддержке социальных проектов, способствующих интеграции науки, культуры, образования, освоению национального историко-культурного наследия. В соответствии с Указом Президента 2015 год стал Годом Ассамблеи народа Казахстана. В этот период было реализовано 16 крупномасштабных социокультурных проектов. В их числе всенародная акция «АНК – 20 добрых дел». Символом республиканской эстафеты «АНК – 20 добрых дел» был выбран тайказан. Это огромная чаша, символизирующая единство и благополучие народа, хранящаяся в мавзолее имени Ходжа Ахмет Иассауи в священном городе Туркестан. «Тайказан» – это символ добрых дел который исторически объединял людей¹. Благодаря данной акции было проведено 3471 благотворительное мероприятие, с общим количеством участников 886 334 чел. Населению была оказана благотворительная социальная помощь на общую сумму 189 771 000 тенге, на социальные проекты направлено свыше 2 млрд тенге [14, с. 16].

17 июля 2015 г. Указом Президента Республики Казахстан было создано республиканское государственное учреждение «Қоғамдық келісім» при Президенте РК. Целью новой структуры является организация деятельности Ассамблеи народа Казахстана. Соответствующие структуры созданы в регионах при местных исполнительных органах власти [14, с. 4]. Ассамблея народа Казахстана, при поддержке ее региональных подразделений, направила все силы на реализацию стратегических задач в области государственной этнополитики, поставленных главой государства. Многие организации, входящие в Ассамблею народа Казахстана, занимаются благотворительностью. Фонд Ассамблеи народа Казахстана на протяжении нескольких лет оказывает социальную поддержку детям.

Год Ассамблеи народа Казахстана, бесспорно, войдет в летопись новейшей истории многонационального и независимого Казахстана. Ему посвящено вни-

мание авторов книги «Ассамблея народа Казахстана в истории страны» [15] и журнала «Ұлы Дала Елі» [16]. Глава государства Н.А. Назарбаев подчеркнул, что Ассамблея – это значимый атрибут стабильности Казахстана: «... Я всегда, предлагая большие задачи, обращаюсь к Ассамблее, чтобы заручиться поддержкой всего народа...» [17, с. 13].

В заключение следует подчеркнуть, что в настоящее время Ассамблея выполняет роль уникального связующего звена между гражданским обществом и государством. По данным исследований, проведенных ее научно-экспертным советом при поддержке Министерства культуры и спорта Республики Казахстан, 95 % респондентов отметили, что считают себя представителями единого народа; 73,3 % уверены, что в Казахстане сложились прочные отношения дружбы и сотрудничества; 80 % утверждают, что в республике все этносы равны; 85,3 % признают страну безопасной и стабильной; 84,3 % отмечают равные социально-экономические возможности; 82,7 % говорят о том, что в республике имеются условия для сохранения и развития традиций, языков, культур этносов². В целом это позволяет говорить, что опыт Казахстана в укреплении межэтнических отношений является успешным и уникальным [18, с. 25]. Следует отметить, что Ассамблея народа Казахстана является институтом нового типа народного представительства. Своим появлением она ознаменовала создание инструмента укрепления демократии, реализующего концепцию «Народного суверенитета». Ассамблея народа Казахстана стала убедительным подтверждением эффективности казахстанской модели толерантности, мира и общественного согласия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Якушева Ю.В. Роль Ассамблеи народа Казахстана в реализации модели межэтнического согласия в Казахстане // Евразия: аналитика и прогнозы. 2013. № 4. С. 65–71
2. Императивы государственной этнополитики Республики Казахстан. Аналитические материалы и методические рекомендации для государственных органов. Астана, 2012. 516 с.
3. Нужны мир и согласие // Мысль. 1993. № 2. С. 17–22
4. Қайда булсам – татар мин // Достық–Дружба. Алматы, 2005. № 5. С. 17–21
5. Назарбаев Н.А. Выступление на II сессии Ассамблеи народов Казахстана. 30 июня 1995 г. // Избранные речи. Астана, 2009. Т.2. С. 585–622.
6. Назарбаев Н.А. Сборник докладов на I–X сессиях Ассамблеи народов Казахстана. Астана, 2005. 440 с.
7. Доктрина национального единства. Астана, 2010. 16 с.
8. Ассамблея народа Казахстана: история двух десятилетий. Алматы, 2015. 326 с.
9. Общенациональная идея как основа модернизации современного Казахстана (опыт политологического анализа). Астана, 2009. 209 с.
10. Назарбаев Н.А. В потоке истории. Алматы, 2003. 288 с.
11. Назарбаев Н.А. На пороге XXI века. Алматы, 2003. 256 с.
12. Назарбаев Н.А. Эпицентр мира. Алматы, 2003. 256 с.
13. Назарбаев Н.А. В сердце Евразии. Алматы, 2011. 312 с.

¹ Объединяющая сила «Тайказана» // Казахстанская правда. 2015. 6 февр.

² Крепить единство и согласие // Казахстанская правда. 2015. 23 апр.

14. Хроника событий Года Ассамблеи народа Казахстана. Астана, 2015. Ч. 1. 50 с.
15. Ассамблея народа Казахстана в истории страны. Алматы, 2015. 264 с.
16. Ұлы Дала Елі. Астана, 2015. 24 с.
17. Единство – это высшая добродетель // Достық–Дружба. Алматы, 2014. № 5. С. 4–7
18. Ассамблея народа Казахстана – уникальная модель в свете глобальных вызовов: материалы респ. науч.-практ. конф., посв. 20-летию Ассамблеи народа Казахстана. Павлодар, 2015. 251 с.

REFERENCES

1. *Yakusheva Yu.V.* Role of Kazakhstan People's Assembly in implementation of interethnic concensus in Kazakhstan. *Evrasia: analitika i prognozy*. 2013, no. № 4, pp. 65–71 (In Russ.)
2. The imperatives of the state ethnic policy of the Republic of Kazakhstan. Analytical materials and guidelines for public authorities. Astana, 2012, 516 p. (In Russ.)
3. Peace and harmony required. *Mysl*. 1993, no. 2, pp. 17–22 (In Russ.)
4. Everywhere I am-I'm Yatar. *Dostyk–Druzhiba*. Almaty, 2005, no. 5, pp.17–21 (In Kazakh)
5. RK President N.A. Nazarbayev's speech at II Session of the Assembly of People of Kazakhstan. June 30, 1995. *Izbrannye rechi*. Astana, 2009, b. 2, pp. 585–622 (In Russ.)
6. *Nazarbayev N.A.* A collection of reports presented at I-X Sessions of the Assembly of People of Kazakhstan. Astana, 2005, 440 p. (In Russ.)
7. Doctrine of national unity. Astana, 2010, 16 p. (In Russ.)
8. Assembly of People of Kazakhstan: history of two decades. Almaty, 2015, 326 p. (In Russ.)
9. National idea – as the basis for the modernization of contemporary Kazakhstan: (politology analyses experience). Astana, 2009, 209 p. (In Russ.)
10. *Nazarbayev N.A.* In the stream of history. Almaty, 2003, 288 p. (In Russ.)
11. *Nazarbayev N.A.* At the threshold of XXI century. Almaty, 2003, 256 p. (In Russ.)
12. *Nazarbayev N.A.* The epicenter of peace. Almaty, 2003, 256 p. (In Russ.)
13. *Nazarbayev N.A.* In the heart of Eurasia. Almaty, 2011, 312 p. (In Russ.)
14. Chronicle of the year's events of the Kazakhstan People's Assembly. Astana, 2015, part. 1, 50 p. (In Russ.)
15. Assembly of People of Kazakhstan in the history of country. Almaty, 2015, 264 p. (In Russ.)
16. Nation of the Great Steppe. Astana, 2015, 24 p. (In Kazakh)
17. Unity – this is a cardinal virtue. *Dostyk–Druzhiba*. Almaty, 2014, no. 5, pp. 4–7 (In Russ.)
18. Assembly of People of Kazakhstan – a unique model with respect to global challenges: materials of republican-scientific conference dedicated to the 20th anniversary of the Assembly of People of Kazakhstan. Pavlodar, 2015, 251 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 14.04.2016

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Мангилева А.В. Социокультурный облик приходского духовенства Пермской губернии в XIX – начале XX в. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та; Университетское изд-во, 2015. – 480 с.

Исторические исследования, относящиеся к проблематике, связанной с Русской православной церковью, с начала 1990-х гг. неизменно относятся к числу особенно актуальных. Тема монографии А.В. Мангилевой не только входит в эту область, она сопрягается с другими, не менее актуальными направлениями: изучением микроистории, культурологическими изысканиями. Обосновывая актуальность темы исследования во введении, А.В. Мангилева справедливо пишет о лавинообразном нарастании работ по истории РПЦ и о том, что многие из них отличаются низким качеством и традиционной методологией. Здесь следует отметить, что далеко не всегда это взаимообусловленные явления: в современной историографии, в том числе по истории церкви, появилось немало работ, написанных с употреблением современной культурологической лексики и «якобы методологии», но абсолютно бессодержательных. Точно так же А.В. Мангилева несколько преувеличила значение призыва американского историка Г. Фриза (2000 г.) обратиться к местным архивам с целью изучения церковной микроистории (с. 5).

К рубежу веков изучением массового материала местных архивов уже основательно занялись российские историки, работы которых А.В. Мангилева знает. Хотелось бы отметить, что в этих работах не всегда ставились только «традиционные» проблемы количественного состава духовенства, уровня образования, отношений с прихожанами и др. Микроистория не обязательно замыкается на историю семьи. Но разработка проблем приходской общины, менталитета прихожан и духовенства и других сюжетов, начатая в 1980-е – 1990-е гг., – действительно большая редкость в современной «лавине» работ, которую имела в виду А.В. Мангилева. Ради справедливости нужно отметить, что в главе 1 своей монографии некоторым из таких «пионерских» работ она дала положительную оценку.

Проблемы историографии, источников и методологии А.В. Мангилева вынесла в отдельную – 1-ю главу. Основное внимание здесь уделено историографии. Нужно отметить, что автор оказалась способной на ее глубокий анализ, тогда как нормой обычно является реферативное изложение исторических трудов по теме. Так, подкупают нестандартные выводы автора о зависимости проблематики дореволюционных исследований от наиболее злободневных вопросов реформы церкви при Александре II. Справедливо замечена неисследованность правого крыла семинарской молодежи в отли-

чие от радикальной левой, что автор убедительно объяснила тенденциозными пристрастиями историографии советского времени. Привлекает внимание подробная резкая и аргументированная критика монографии Т.Г. Леонтьевой, в ходе которой высказывается, судя по всему, давно выношенное мнение автора о причинах провала реформы церкви в системе реформ 1860-х гг. Еще один автор, которому А.В. Мангилева уделяет большое место в историографии, – А.И. Конюченко.

Изложение взглядов этих двух ученых, вероятно, могло бы быть и покороче. Это дало бы возможность упомянуть о новосибирской школе историков православия (анализируются работы лишь одного ученого). Школу эту с начала 1970-х гг. создавал Н.Н. Покровский, именно его работы уже тогда определили тот прорыв в церковно-исторических исследованиях, о котором верно написала А.В. Мангилева. Школа и ее основатель разрабатывали новые для того времени проблемы, в том числе в области микроистории. В частности, в небольшом разделе книги Н.Н. Покровского «Томск 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры» (Новосибирск, 1989. С. 213–228), помимо исследования отношений церкви, приходов и духовенства с властью во время восстания и других вопросов, приведен беспрецедентный по новизне и уровню анализа очерк того, как понимало сибирское приходское духовенство свой пастьырский долг, служение, как его исполняло в экстремальных условиях. Проблема эта обсуждается и в монографии А.В. Мангилевой, но указанная работа Н.Н. Покровского выпала из ее поля зрения, как, впрочем, и другие, а ведь в его исследованиях приходскому духовенству Урала и Сибири посвящено немало места, имеются его яркие психологические характеристики, что могло бы представлять интерес для сравнения с материалом XIX в., содержащимся в монографии А.В. Мангилевой.

Одной из удач автора можно считать и раздел, посвященный источникам. Впечатляет описание источниковой базы, созданной на основе массовых данных клировых ведомостей за 100 лет. Автор не только излагает принципы, которые легли в основу создания этой базы, но и дает основательную критику используемого материала, описывает возможности по восстановлению сведений утраченных источников. К исследованию привлекаются и другие базы данных, содержащие персоналии духовенства, что повышает общую репрезентативность привлекаемого материала. Вообще, нужно отметить стремление А.В. Мангилевой собрать все максимально возможные данные для решения поставленных задач. Отсюда использование ею наряду с разного рода статистикой нарративных источников – от публицистики до художественных произведений. При этом она иногда приходит к внешне парадоксальным выводам: например, по ее мнению

(которое хочется поддержать), художественное исследование Д.Н. Маминым-Сибиряком причин негативного отношения к духовенству оказалось ближе к истине, нежели выводы современной историографии.

Глава 2 монографии посвящена реализации политики правительства в отношении духовного сословия Пермской губернии. Отметим, что эта проблема относится к наиболее «традиционным» для церковно-исторических штудий, но тем не менее представляется абсолютно необходимой для адекватного решения новых задач, поставленных А.В. Мангилевой. Причем она декларативно подчеркивает, что важно не столько законодательство, сколько его исполнение. По-видимому, Анну Владимировну подводит склонность к резким формулировкам, поскольку изучить второе, не учитывая первое, попросту нереально. То же относится к ее утверждению, что введенное при Петре I приходское штатное расписание на местах внедрить не удалось (с. 111). Строгого соответствия штатному расписанию в Сибири в XVIII в., действительно, не было из-за хронической нехватки духовенства для заполнения имеющихся вакансий. Военные разборы регулировали численность духовенства не потому, что штаты «не прижились» на местах, а потому, что первостепенную важность государство придавало другим факторам: военной и политической ситуации в стране, общей установке на прагматическое (в интересах казны) использование людских ресурсов в отношении полупривилегированных групп (необходимость дополнительных рекрутов во время войн, политическая нестабильность начала царствования Анны Иоанновны, когда в рекруты и поддушный оклад попало множество членов духовного сословия, что привело к обезлюдению причтов, и т.д.) Иногда А.В. Мангилева как бы забывает хорошо известную ей «глубину» традиции повторения (иногда с начала XVIII в.) некоторых указов: так, указ 1797 г. о преимуществе учеников семинарий при поставлении в священники (с. 114) всего лишь следует известному положению Духовного Регламента (об этом положении она сама пишет в другой главе). И подобные указы, как и в период, исследуемый А.В. Мангилевой, постоянно не выполнялись в течение всего XVIII в. Но в целом исследование рассмотренных во 2-й главе проблем представляется очень интересным и новаторским. Привлекает филигранный анализ с использованием взаимодополняющих источников. Это касается анализа проблем, связанных с клириками-переселенцами, духовенством единоверческих церквей. Интересен парадоксальный на первый взгляд, но вполне доказанный вывод о том, что разрушение рамок духовного сословия в ходе Великих реформ грозило обернуться снижением уровня образования духовенства.

Чрезвычайно интересна 3-я глава, посвященная социальным стратегиям уральского духовенства. А.В. Мангилевой удалось показать живучесть традиционного наследственного (вопреки законодательству) замещения церковных штатных мест на протяжении значительной части XIX в. Ей удалось отследить родственные связи духовенства как в отдельных городах, так и в регионе в целом, очень убедительно проанализировать жизнь кланов духовенства, реконструировать отдельные биографии и с помощью этого материала наполнить живым содержанием сухую статистику клировых ведомостей. Разнообразие привлеченных источников, их умелое использование позволило автору монографии адек-

ватно отследить реальные тенденции социального развития в духовном сословии. Постоянные, часто обширные источниковедческие экскурсы при исследовании той или иной проблемы – вообще одна из самых привлекательных и сильных сторон работы А.В. Мангилевой. В этом она – настоящая наследница старой российской источниковедческой традиции, а таких наследников сегодня совсем немного. Упомянем лишь, как буквально походя она существенно корректирует биографию П.П. Бажова, отраженную в современной Бажовской энциклопедии (как и его мемуары). Большая часть итоговых текстов главы не вызывает сомнения. Однако часть умозаключений относится к области гипотез – например, размышления о выборе семинаристами места служения вследствие возможного влияния народнических идей или уход в ветеринары, связанный с аграрным кризисом в России: все-таки слишком мала доказательная база. Но будем помнить, что ученый имеет право на гипотезы и что в дальнейшем новые источники могут помочь доказать их более основательно.

Несомненной удачей А.В. Мангилевой является 4-я глава, где исследуются особенности бытовой сословной культуры духовенства в связи с его социально-экономическим положением. И здесь наряду с ожидаемыми автору удается добиться неожиданных итогов. Так, она обнаружила, что наиболее финансово уязвимыми были не самые бедные приходы, а церкви 2–3 классов (наличие дополнительных доходов приводило к уменьшению казенного жалованья). Удалось определить и весьма неоднозначный результат Великих реформ для духовенства: улучшилось материальное положение 8 % причтов, ухудшилось – 31 %. Превосходно выполнено исследование бытовой сословной культуры, которое в значительной мере основано на нарративных источниках и не менее выразительных материалах судебно-следственных дел. То же можно сказать о 5-й главе, посвященной самосознанию духовенства. Здесь опять-таки мы встречаемся с излюбленными А.В. Мангилевой парадоксальными формулировками, например, о том, что органы сословного самоуправления духовенства (епархиальные съезды) стали сзываться в период разрушения сословных структур, иными словами, как результат Великих реформ. Но приходится признать этот вывод убедительным, в связи с чем коррекция умозаключений Б.Н. Миронова по поводу сословий в России в конце XVIII в. кажется вполне справедливой. Обращение к творчеству Д.Н. Мамина-Сибиряка в отдельном разделе представляется закономерным, поскольку этот источник дает репрезентативный срез для большинства обсуждаемых в этой главе проблем. Особенно хочется отметить имеющие самостоятельное значение 24 приложения (с. 427–478), к тому же наглядно демонстрирующие огромный объем работы, проделанной в ходе подготовки монографии. В целом монография А.В. Мангилевой производит впечатление глубокого, законченного исследования, которое может способствовать последующему изучению как отечественной истории, истории культуры России Урала и Зауралья, так и проблем культурологии и микроистории.

Н.Д. Зольникова,
д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ РОССИИ И ДЕКАБРИСТЫ»
(14–16 ДЕКАБРЯ 2015 г., САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)**

14–16 декабря 2015 г. в Санкт-Петербурге состоялась международная научная конференция, посвященная 190-летию восстания на Сенатской площади. Среди ее организаторов – Санкт-Петербургский институт истории РАН, Государственный музей истории Санкт-Петербурга, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербургский общественный фонд А.А. Собчака. Основными задачами конференции стали выявление актуальных направлений в исследовании движения декабристов, методологии его изучения, определение его роли на современном этапе отечественной историографии. Был затронут широкий спектр вопросов российской истории XIX в., проблем исторической памяти, биографики, источниковедения. В конференции участвовало более 80 ученых, всего заслушано 66 докладов и сообщений, некоторые из них рассмотрим подробнее.

Пленарное заседание открыл доклад д-ра ист. наук, проф. *С.В. Мироненко* (ГА РФ) «Александр I и Союз благоденствия», посвященный «Московскому заговору» 1817 г. По мнению С.В. Мироненко, император не принял репрессивных мер, поскольку считал тайное общество либерально-просветительской организацией. Выступление д-ра ист. наук, проф. *А.Н. Цамутали* (СПБИИ РАН) касалось многих вопросов историографии движения декабристов на современном этапе, когда важно сохранить и дополнить накопленные результаты новыми исследованиями. Докладчик подчеркнул, что в рамках советской историографии имелось многообразие точек зрения: рядом с М.В. Нечкиной работали оппонировавшие ей исследователи.

Президент Санкт-Петербургского общественного фонда А.А. Собчака *Л.Б. Нарусова* в своем выступлении показала, как власть на протяжении почти двух столетий использовала идеи декабризма в идеологических целях. *С.Е. Эрлих* (Санкт-Петербург) осветил проблему мифологизации исторической памяти о декабристах в российском общественном сознании.

В последующие два дня работали восемь секций. Участники *первой секции «Власть, общество, декабристы и историческая память»* обсуждали проблемы взаимоотношений власти и общества применительно к исторической памяти о декабристах. Доклад *Т.Н. Жуковской* (СПбГУ) в числе других вопросов затронул проблему сложившейся на каторге коллективной памяти декабристов, отраженной в несохранившемся коллективном мемуарно-публицистическом труде. Директор Иркутского областного историко-мемориального музея декабристов *Е.А. Добрынина* отметила, что в последние годы происходит сужение пространства исторической памяти о декабристах, в связи с чем особое место в работе музея занимает издательская работа (документальная серия «Полярная звезда», сборник «Сибирь и декабристы» и другие проекты). Председатель Декабристской комиссии при Союзе краеведов России *Э.Б. Штец* (Москва) представил доклад справочного характера о памятных местах декабристов в Восточной Сибири.

Доклады *второй секции «Движение декабристов и нравственные вызовы эпохи: история, легенды, нарративы»* были посвящены идеологии декабристского движения, путям ее формирования и трансформации, ее значению в культурном контексте самосознания российской интеллигенции, нравственному влиянию декабристов на современников. Так, *Е.А. Овчинникова* (СПбГУ) в докладе «Моральное сознание декабристского поколения» отметила единство убеждений и практики в деятельности декабристов, на базе которого сложился новый тип личности в русской истории.

Т.А. Перцева (Иркутский государственный университет) выделила основные закономерности механизма воздействия политических ссыльных на местное общество, подчеркнув важность их опосредованного влияния через купечество и чиновничество. Развитию идеологии декабризма в период после восстания был посвящен доклад *Е.Н. Туманик* (ИИ СО РАН), осветившей развитие общественно-политических воззрений декабриста А.Н. Муравьева и его попытки создания общественных объединений в России конца 1840-х – середины 1850-х гг.

В рамках *третьей секции «Европейские революции, события 1825–1826 гг. и историческая память»* обсуждалось влияние западных политических идей и событий на Россию, движение декабристов, а также отражение этого процесса в представлениях современников. *А.Ю. Андреев* (МГУ) в докладе «Взгляд из Швейцарии: события междуцарствия и 14 декабря 1825 г. в переписке Ф.Ц. Лагарпа» отметил, что конституционалист Лагарп в восстании 14 декабря увидел лишь продолжение переворотов XVIII в., а в декабристах – дворянскую фронду. Профессор *Т. Мацумура* (Токио) в докладе «Скрытый план военного переворота декабристов: отношения между офицерами и нижними чинами во 2-й армии в первой половине 1820-х гг.» на основе архивных материалов РГВИА показал, что в рассматриваемую эпоху офицеры несли полную ответственность за солдат, а также констатировал элементы патернализма в военной среде. *М.С. Белоусов* (СПбГУ) предложил свой взгляд на события заговора декабристов перед выступлением на Сенатской площади. По его мнению, следует четко разделять реальные политические планы и действия декабристов, а также форму их репрезентации в среде заговорщиков и отражения в материалах следствия.

В центре внимания *четвертой секции «Биографики в России (конец XVIII – начало XX вв.): традиции и современные подходы»* находились проблемы биографических исследований. В докладе *И.В. Ружицкой* (ИРИ РАН) «Портрет на фоне эпохи: Модест Корф» видный государственный деятель был представлен как яркий пример нового типа высшей бюрократии, отличительной чертой которого являлись глубокая образованность и высокий профессионализм.

Идеи данного слоя бюрократической элиты имели сходство с планами декабристов. Доклад *О.А. Любезникова* (Санкт-Петербург) осветил спорные и неизученные стороны биографии *Н.Н. Новосильцова*, который долгое время оценивался в историографии как администратор «второго эшелона». *Н.Н. Аурова* (ИРИ РАН) исследовала биографию *Н.Д. Дурново*, уделив особое внимание его неопубликованному дневнику, являющемуся важным источником по политической и военной истории первой четверти XIX в.

В рамках *пятой секции «Феномен декабризма: новые подходы к описанию и изучению»* презентовались новые направления в научных разработках, подходы к пониманию декабризма как исторического явления, методики в исследовании его идейно-политической программы, культурно-исторического значения, состава участников движения. *Т.В. Андреевой* (СПБII РАН) были обозначены основные составляющие культурологического аспекта формирования декабристского поколения. *П.В. Ильин* (СПБII РАН) затронул вопрос терминологии: кого принято считать декабристом. Он обратил внимание на логическое противоречие, присущее научной традиции: не всех участников движения декабристов считают декабристами. На современном этапе развития декабристологии появляется возможность пересмотреть этот подход, применив объективный критерий доказанного участия в тайных союзах, заговоре и выступлениях 1825–1826 гг. Доклад *К.Г. Боленко* и *Б.Н. Щедрина* (Москва) касался другого важного аспекта проблемы декабристов, избежавших наказания: создания их научных биографий, исследования послужных и формулярных списков.

Особое внимание в ходе конференции было уделено проблемам историографии и источниковедения. Работа *шестой секции «Декабристская историография: традиции и новации»* открылась совместным докладом *А.Ю. Дворниченко* и *М.С. Белоусова* (СПбГУ), в котором были освещены научная карьера *Г.В. Вернадского* и его взгляды на движение декабристов. Выступление *Е.В. Каменева* (Петрозаводский государственный университет) касалось анализа риторических приемов, использованных *М.В. Нечкиной* для формирования и обоснования концепции «революционности» Союза благоденствия. *В.С. Парсамов* (НИУ ВШЭ) сообщил о результатах проведенной им реконструкции спецкурса *Ю.М. Лотмана* о декабристах, датируемого серединой 1980-х гг. В центре внимания *Ю.М. Лотмана*, рассматривавшего декабризм как вершину пушкинской эпохи, стереоскопическое и неоднородное политическое движение, всегда находились психология и этика его участников. Докладчик подчеркнул важность тезисов *Ю.М. Лотмана* о «литературности» декабризма и «поведенческом типе» декабриста в контексте современной науки, актуальность применения выработанного *Ю.М. Лотманом* семиотического подхода к истории декабризма. *Ю.В. Латыш* (Киевский национальный университет) охарактеризовал основные актуальные направления и темы украинского декабристологии, связав их с общей линией национального исторического нарратива.

Седьмая секция «Декабристы: историческое сознание и документ» открылась докладом *Н.П. Матхановой* (ИИ СО РАН) «Комментирование мемуарного наследия декабристов: исторический контекст». Ею было отмечено, что принципы комментирования со временем стали строже, при этом стандартизация правил и приемов комментирования посте-

пенно привела фактически к «ликвидации личности» комментатора. *О.В. Эдельман* (ГА РФ) в докладе «Немецкие учителя Павла Пестеля (по материалам семейной переписки)» сообщила о новых данных биографии декабриста, которые удалось восстановить благодаря тщательному изучению семейной хроники. В докладах *Н.А. Соколовой* (ЦГАМ), *Е.Ю. Лебедевой* (ИНИОН РАН), *Ю.С. Сулаберидзе* (Рустави), *Г.А. Лумпановой* (Тверь) анализировались архивные источники, освещающие малоизвестные страницы биографий или представляющие неизученное письменное наследие декабристов *П.И. Пестеля*, *А.П. Барятинского*, *Е.Е. Лачинова*, *М.И. Муравьева-Апостола*.

Восьмая секция «Проблемы современной декабристологии: биографический аспект» была посвящена специальным вопросам биографических исследований в декабристологии. Доклад *П.В. Акульшина* (Рязанский государственный университет) «*П.А. Вяземский и декабристы: “декабрист без декабря”?*» убедительно показал, что Вяземский был лишь наблюдателем деятельности тайных обществ. После 1825 г. тайное общество не рассматривалось им как реформаторский инструмент, а оценивалось как политический заговор. Доклад *В.А. Шкерина* (ИИиА УрО РАН) «*Два образа В.А. Глинки: декабрист и “главный командир” горнозаводского Урала*» в очередной раз поднял проблему трансформации мировоззрения декабристов, избежавших наказания в 1826 г. В других докладах секции освещались малоизвестные или вновь установленные обстоятельства биографий декабристов *Ф.Н. Глинки*, *А.И. Одоевского*, *В.А. Перовского* и др.

На заключительном заседании основное внимание было привлечено к *перспективам источниковедческой и археографической работы* в области истории декабризма, которая в значительной степени определяет дальнейшее развитие декабристологии. Речь шла о продолжении публикации фундаментальных документальных серий «*Восстание декабристов*» (выступление *О.В. Эдельман*) и «*Полярная звезда*» (*Е.А. Добрынина*). *П.В. Ильин* обосновал необходимость публикации нового биографического справочника декабристов.

Итоги конференции подвел *А.Н. Цамутали*, отметил разнообразие и научное значение затронутых проблем изучения истории декабристов, плодотворность и перспективность ряда конкретных направлений исследовательской работы, обозначенных в ходе обсуждения. Форум прошел на высоком научном уровне и продемонстрировал наметившиеся новые темы исследований в историографии декабризма, кроме того, был актуализирован ряд основополагающих проблем (генезис движения, влияние на него западных идей и политических событий, коррекция представлений о составе участников, характере политической и экономической программы, идейные связи с правительственным реформаторством, эволюция декабристского политического сознания после 1825 г., историческая память о декабристах), показана необходимость обновления методологической основы исследований, тщательного анализа спорных вопросов в изучении эпохи декабристов, выявлена потребность в подготовке обобщающих научных трудов и фундаментальных справочных изданий.

П.В. Ильин, Е.Н. Туманик

ПОЗДРАВЛЯЕМ ВЛАДИМИРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ЛАМИНА!

14 мая 2016 г. исполняется 80 лет Владимиру Александровичу Ламину – члену-корреспонденту РАН, директору Института истории Сибирского отделения РАН, одному из ведущих российских исследователей в области социально-экономической истории России XX в., проблем освоения и развития восточных регионов страны.

В.А. Ламин родился 14 мая 1936 г. в д. Абрашино Ордынского района Новосибирской области. Он был первенцем в многодетной семье, испытавшей тяготы и лишения военного и послевоенного времени. Большой жизненный опыт и закалку В.А. Ламин приобрел в «университетах жизни»: речном училище, армии, во время работы газосварщиком в Институте гидродинамики СО АН СССР (в этом научном учреждении многие крупные эксперименты готовились при его участии).

В 1969 г. В.А. Ламин заочно окончил Свердловский юридический институт по специальности «правоведение». Еще во время учебы в вузе он прошел юридическую практику в качестве народного судьи в новосибирском Академгородке, а затем исполнял обязанности председателя народного суда Советского района г. Новосибирска. Следующим поворотным моментом биографии стала общественная деятельность в качестве одного из руководителей Объединенного профкома Сибирского отделения АН СССР. В.А. Ламину пришлось заниматься решением множества трудовых и социально-экономических проблем сотрудников Новосибирского научного центра.

Постепенно у В.А. Ламина сформировался интерес к прошлому сибирского региона, к истории его освоения. 1 декабря 1971 г., в возрасте 35 лет, Владимир Александрович пришел в Институт истории, филологии и филосо-

фии (ИИФФ), в сектор истории промышленности, который возглавлял профессор И.И. Комогорцев. С этого времени В.А. Ламин навсегда связал свои научные интересы с исторической наукой – сначала в ИИФФ, а затем в Институте истории Сибирского отделения РАН он прошел путь от младшего научного сотрудника до директора института.

В «послужном списке» В.А. Ламина – такие значимые позиции, как ученый секретарь, заведующий сектором, заместитель директора. По его признанию, «работа в должности ученого секретаря и, главное, в непосредственном, повседневном общении с академиком А.П. Окладниковым – мудрым руководителем и достойным всяческого уважения человеком – была замечательной школой исследовательского труда и постижения истин и ценностей жизни». В должности ученого секретаря ИИФФ Владимир Александрович проработал более 10 лет. Это было время подготовки фундаментальных многотомных трудов по истории рабочего класса и крестьянства Сибири, координации деятельности ведущего института гуманитарного профиля Сибири с другими научными учреждениями и вузами, развития международных связей.

Ценный опыт научно-организационной работы оказался востребованным после создания самостоятельного Института истории СО РАН, становление которого происходило в сложный период системного кризиса и сокращения бюджетного финансирования. В.А. Ламин сначала как заместитель директора института – члена-корреспондента РАН Л.М. Горюшкина, а с 1998 г. как директор института, разрабатывал концепцию деятельности коллектива ученых с учетом новых реалий, вносил коррективы в тематику института, приблизив ее к потребностям современной России. Руководству института удалось сохранить лучшие кадры, вовлечь их в разработку наиболее востребованных и актуальных проблем.

В 2000 г. В.А. Ламин избран членом-корреспондентом РАН. В XXI в. Институт истории СО РАН под руководством члена-корреспондента РАН В.А. Ламина интегрировался в российские и международные проекты, стал координировать деятельность гуманитарных институтов Сибири по ряду программ, выступает организатором проведения всероссийских и международных конференций, издания крупных коллективных трудов.

Приоритеты научно-организационной деятельности директор В.А. Ламин определяет, исходя из глубокого знания современных тенденций развития исторической науки. Научное творчество В.А. Ламина отличают самобытность, оригинальность, широта взглядов на исследуемые проблемы, глубина проникновения в их суть. Как ученый и руководитель коллектива историков, он всегда подает пример умения определить стратегически значимые темы исследований.

Академики А.П. Деревянко и В.И. Молодин в предисловии к книге «Восточные регионы России: стратегии и практики освоения» (2006), приуроченной к 70-летию со

дня рождения члена-корреспондента РАН В.А. Ламина, так объяснили этот феномен: «Большой опыт, приобретенный в различных, не схожих между собой сферах общественной жизни, стал неоценимым в научной работе. Многое из того, что приходилось исследовать и описывать как историку, автор знал не только по книгам и архивным источникам, но и по собственной жизненной практике, а круг его научных интересов оказался обширным как по тематике, так и по хронологии».

Кандидатская диссертация В.А. Ламина посвящена становлению академической науки в Сибирском регионе и развитию ее связей с производством (1974). В немалой степени выбору такой проблематики способствовал личный опыт соискателя, накопленный благодаря участию в многочисленных прикладных разработках в Институте гидродинамики. Изучив проблему, В.А. Ламин пришел к выводу, что появление первых академических учреждений и формирование региональных научных центров в Сибири было тесно связано с индустриальным освоением восточных районов страны. Организация Сибирского отделения АН СССР означала новый этап в изучении и развитии производительных сил региона. Одной из задач академического комплекса, которую изучал В.А. Ламин, являлось «соединение науки с производством», внедрение инноваций. До сих пор проблема инноваций остается одной из самых актуальных проблем современного российского общества.

Докторская диссертация В.А. Ламина посвящена изучению проблем формирования сети железных дорог на севере Сибири и Дальнего Востока (1987). Предмет исследования диссертации – проекты железнодорожного строительства, подготовленные в конце XIX - первой половине XX вв. Ретроспективный анализ проектов (как реализованных, так и не реализованных) по развитию транспортных систем Сибири позволил убедительно показать, что развитие железнодорожного транспорта являлось частью масштабного освоения региона. Отмечалось, что, помимо факторов социально-экономического характера, на развитие транспортной системы Сибири и Дальнего Востока мощное влияние оказывали геополитические факторы. Можно ответственно заявить, что в этой работе В.А. Ламин обосновал и развил новое исследовательское направление, связанное с исторической реконструкцией идей, гипотез и проектов освоения Сибири.

В дальнейшем научные интересы В.А. Ламина распространились и на другие малоизученные проблемы российской исторической науки применительно к Сибирскому региону. Профессор С.С. Букин, говоря о научном творчестве члена-корреспондента РАН В.А. Ламина, отметил основную черту его работ: «в слабоизученных или вообще неизведанных пространствах российской истории проложен своеобразный научный “глобальный трек”, прочно выстроенный из новаторских по своему замыслу и исполнению монографий, статей, аналитических записок ...».

Значимость Сибирского региона в общероссийском и мировом контекстах раскрыта В.А. Ламиным лично и в соавторстве в ряде монографий, которые обобщают исторический опыт формирования и развития важнейших сфер экономики: Западно-Сибирского нефтегазового комплекса («Прометей сибирской нефти», 1987); золотопромышленности («Золотой след Сибири», 1997); транспортной системы

(«Ключи к двум океанам», 1981; «Глобальный трек: развитие транспортной системы на востоке страны», 1999); и др.

В XXI в. в сферу научных интересов члена-корреспондента РАН В.А. Ламина входят глобальные тенденции общечивилизационной динамики и их специфические проявления в восточных регионах России. Сотрудничество историков и экономистов позволило выйти на новые рубежи осмысления региональных проблем. В совместных работах изучается значение происходящих на востоке России социально-экономических процессов, включая интеграцию транспортного и производственного комплексов региона в мировую экономическую систему, проблемы освоения Арктики и др.

В.А. Ламиным с соавторами подготовлены такие крупные работы, как: «Экономические и социокультурные взаимодействия в Урало-Сибирском регионе», (2004), «Оценка эффективности инвестиций в проекты транспортного строительства», (2004), «Проблемные регионы ресурсного типа. Азиатская часть России», (2005), «Азиатская часть России: новый этап освоения северных и восточных регионов страны», (2008), «Траектории проектов в высоких широтах» (2011); «Азиатская часть России: Моделирование экономического развития в контексте опыта истории», (2012), «Российская Арктика: современная парадигма развития», (2014) и др.

В центре внимания В.А. Ламина находится также демографическое развитие региона, в том числе анализ особенностей современных миграционных процессов на востоке страны и их интерпретация сквозь призму исторического прошлого. Проводимые В.А. Ламиным исследования позволяют сформулировать рекомендации по оптимизации политики страны в сфере межгосударственных миграций, имеют большое значение для разработки основ геополитических стратегий упрочения российской государственности. Труды В.А. Ламина имеют прямой выход еще на две актуальные сферы – проблемы урало-сибирского регионализма и сибирской идентичности.

Научное сообщество знает и ценит члена-корреспондента РАН В.А. Ламина как инициатора и руководителя ряда крупных исследовательских и издательских проектов, среди которых – «Энциклопедия Новосибирска», пятитомная «История промышленности Новосибирска», «Очерки истории Новосибирска», трехтомное издание «Историческая энциклопедия Сибири», и др.

В настоящее время под руководством члена-корреспондента РАН В.А. Ламина подготовлены второй и третий тома фундаментального труда «История Сибири». Издание этих томов будет означать начало реализации крупного проекта – опубликования многотомной «Исторической библиотеки Сибири» (инициатор проекта – академик А.П. Деревянко).

Много сил и внимания В.А. Ламин уделяет организации гуманитарных исследований в Сибирском отделении РАН. Он бессменно возглавляет Научный совет по музеям, является заместителем председателя Объединенного ученого совета по гуманитарным наукам, продолжительное время плодотворно руководил Научно-издательским советом СО РАН.

Большое внимание В.А. Ламин уделяет подготовке научных кадров высшей квалификации как председатель Специализированного совета по защите докторских диссертаций при Институте истории СО РАН, под его руковод-

ством подготовлено немало кандидатов наук. Консультации В.А. Ламина стали неоценимым подспорьем для многих ученых Урала, Сибири и Дальнего Востока при написании докторских диссертаций. Научная школа члена-корреспондента РАН В.А. Ламина получила грант на изучение проблемы «Хозяйственное освоение Сибири в контексте российской и мировой истории» в рамках программы Президента РФ по поддержке ведущих научных школ России.

Плодотворная научная и научно-организационная деятельность члена-корреспондента РАН В.А. Ламина отмечена правительственными и научными наградами, в том числе медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, премией им. В.А. Коптюга, присужденной СО РАН и НАН Беларуси за работу «Очерки истории белорусов в Сибири в XIX–XX вв.» (2003, в составе коллектива авторов). В.А. Ла-

мин – почетный профессор Семипалатинского государственного университета (Республика Казахстан), заслуженный деятель науки Республики Бурятия и Республики Тыва, вице-президент Международного комитета музеологии стран Азии и Тихоокеанского региона.

Владимир Александрович Ламин отмечает свой юбилей в расцвете творческих сил, он полон новых идей и творческих планов. Желаем юбиляру доброго здоровья, жизненной энергии, оптимизма, новых научных открытий, оригинальных публикаций по актуальным проблемам отечественной истории!

*Коллектив Института истории СО РАН,
Редколлегия журнала
«Гуманитарные науки в Сибири»*

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ (Требования к статьям и сообщениям)

1. Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям:

- отечественная история;
- историография, источниковедение и методы исторического исследования;
- археология;
- этнография, этнология, антропология.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии, письма, заметки, краткие научные сообщения.

В случае, если статья подготовлена коллективом авторов, то в его состав должны входить только те авторы, которые внесли значительный вклад в данное исследование.

Главная тема статьи не должна быть опубликована в других изданиях.

Авторы должны соблюдать правила цитирования, гарантировать подлинность и корректность приводимых данных.

2. Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, которые выпускаются в Российской Федерации и в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. Журнал также включен в Международную базу данных Ulrichs, а также в рассылку Международной компании «East View Information Services, Inc.»

3. Автор предоставляет:

- текст статьи в файле формата Microsoft Word (файлы с расширением doc, docx или rtf); название файла включает фамилию автора и дату отправления статьи, например, Иванов_28-02-2015;
- индекс УДК;
- данные об авторе: фамилия, имя, отчество, степень, звание, должность, место работы (полное и краткое название организации, адрес с почтовым индексом), электронный адрес автора. Сведения об авторе даются на русском и английском языках;

- название статьи с англоязычным переводом;
- аннотацию статьи объемом не более 800 знаков без перевода;
- ключевые слова на русском и английском языке (не менее 10);
- реферат статьи объемом около 2 тыс. знаков с англоязычной версией (2 тыс. знаков), подготовленной профессиональным переводчиком. Реферат включает название, цель статьи, характеристику проблемного поля, описание методов и методологии исследования, информацию об основных научных результатах. Реферат на русском языке не публикуется.

Объем статьи не должен превышать 25 тыс. знаков (подсчет с пробелами) с учетом сведений об авторе, аннотации, англоязычной версии реферата, сносок, таблиц и рисунков.

Объем информационных заметок и рецензий составляет не более 10 тыс. знаков.

Статьи и другие материалы для публикации направляются в электронном виде по e-mail: gumnauki@gmail.com

Правила оформления и рецензирования статей см.: http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm

4. К изданию принимается от автора не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с аспирантов за публикацию не взимается.

Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректурa не высылается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

5. В издательской деятельности журнал руководствуется Гражданским кодексом Российской Федерации, гл. 70 «Авторское право».

Автор статьи обязан соблюдать международные принципы научной публикационной этики. Редакция оставляет за собой право проверять текст статьи с помощью системы «Антиплагиат».

6. Направляя статью в редакцию журнала, автор (соавторы) на безвозмездной основе передает(ют) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ исключительное право на использование статьи или отдельной ее части (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных конвенций являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (а также исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на передачу всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Одновременно с представлением статьи автор (соавторы) направляет в редакцию подписанный лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале. Подписанный автором (соавторами) договор можно присылать в отсканированном виде электронной почтой.

Web-страница журнала на сайте Института истории СО РАН: http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm; <http://www.hssiberia.info/> и сайте Издательства Сибирского отделения РАН: <http://www.sibran.ru/journals/GNvSib/>.

Полная текстовая версия выставляется e-library.ru.